РУССКАЯ БЕСѢДА

ЯНВАРЬ

ГОДЪ ВТОРОЙ

1896

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

СОДЕРЖАНІЕ.

РУССКАЯ БЕСѢДА

ЯНВАРЬ

ГОДЪ ВТОРОЙ

1896

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Января 1896 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложеніе. „**БЛАГОВѢСТЪ**". Январь 1896 г.

Содержаніе: Отвѣтъ Аѳинскаго Синода на изданную Папою Львомъ XIII энциклику о соединеніи съ Римомъ Восточныхъ церквей. Аѳины. 1895 г.

Пѣснь о славномъ тихомъ Донѣ.

ГЛАВА I.

И тихъ и ясенъ синій Донъ.
Межъ ивъ, поникнувшихъ вѣтвями,
Какъ въ забытьи, спокойно онъ
Скользитъ хрустальными струями.
Теченье сонное чуть-чуть,
Лѣниво гладь его колышетъ,
И льется онъ, и будто дышетъ,
Едва-едва вздымая грудь.

А рядомъ съ нимъ, среди бугровъ,
Пышнѣе бархатныхъ ковровъ,
Широко стелются пшеницы,
Сверкаютъ степи безъ границы,
Цвѣтутъ луга, сады шумятъ
И въ ихъ прохладѣ мирно спятъ
Когда-то буйныя станицы.
И кроткій, радостный покой
Царитъ надъ ними. Въ лѣтній зной,
Одни труда въ поляхъ не зная,
Тамъ только дѣти надъ рѣкой
Рѣзвятся, съ рыбками играя;
Да, внемля плеску милыхъ водъ,

Рыбалка—дѣдъ бѣлоголовый
Чинитъ каюкъ, иль сѣть плететъ
У куреня, въ тѣни вишневой.
Но зной спадетъ и гладь рѣки
Ужъ мѣрно рѣжутъ каюки,
Отягощенные сѣтями.
Вонъ въ даль плыветъ одинъ, другой,
Безшумно движимый веслáми...
Они вечернею порой
Вернутся съ кладью дорогой:
Съ сулой, сазаномъ, стерлядями
И—верхъ желаній рыбака—
Съ севрюгой сзади каюка.
На встрѣчу имъ съ полей вернется
Казачекъ шумный хороводъ,
И сонный берегъ встрепенется,—
Станица мигомъ оживетъ:
Огни вечерніе зажжетъ,
Дымкомъ веселымъ закурится,
Погомонитъ, посуетится,
И, утомленная трудомъ,
Крестясь поспѣшно передъ сномъ,
Опять въ молчанье погрузится...
И тишь, и Божья благодать
Тогда объемлетъ царство Дона,
И звѣзды сходятъ съ небосклона
Въ струяхъ серебряныхъ играть.

ГЛАВА II.

Въ дни юности моей безпечной,
Мелькнувшей будто сладкій сонъ,
Ты много радости сердечной
Дарилъ мнѣ, мой безцѣнный Донъ.
Какъ билось сердце чутко, нѣжно,
Когда дыханье затаивъ,
Встрѣчалъ я льющійся безбрежно
Твой вешній радостный разливъ!
Я помню дни: въ разцвѣтѣ мая,
Когда въ сіяньи золотомъ,
Въ цвѣтахъ и въ звукахъ утопая,
Ликуетъ божій міръ кругомъ;
Когда подъ бѣлымъ ковылемъ
Вся степь трепещетъ какъ живая,
И млѣетъ, радостно тиха,
Какъ подъ лобзаньемъ жениха
Невѣста млѣетъ молодая;
Когда бездонный небосклонъ
Горитъ и пышетъ нѣгой знойной,—
Въ такіе дни, родимый Донъ,
Всей-всей душою безпокойной,
Всѣмъ сердцемъ пылкимъ былъ я твой:
Я плылъ въ мечтахъ съ твоей волной;
Часами неподвижный, праздный,
Въ чаду туманныхъ вешнихъ грезъ,
Очами влажными отъ слезъ
Тонулъ во мглѣ твоей алмазной;
Твое дыханье жадно пилъ,
Твой каждый звукъ душой ловилъ,
И, Боже,—этотъ шумъ безсвязный
Какъ много сердцу говорилъ!......

Взойдешь, бывало, на вершину
Бугра зеленаго,—глядишь
На безграничную равнину
Луговъ поемныхъ, гдѣ камышъ,
Куга́, да ча́канъ, да осо́ка
Ростутъ привольно и высоко;
Глядишь, какъ воздухъ голубой
Волнами ходитъ надъ землей,
Какъ Донъ широкой лентой вьется,
Глядишь—а въ сердцѣ молодомъ
Желанья бьютъ, кипятъ ключемъ,
И въ высь душа за счастьемъ рвется!......

Мечты далекихъ дѣтскихъ дней,
Опять воздушною толпою
Воскресли вы въ душѣ моей.
Вотъ я въ глуши родныхъ степей
Бреду цвѣтущею весною.
Мнѣ скученъ сталъ житейскій шумъ,
И въ тишинѣ уединенья
Ищу я звуковъ вдохновенья
Для милыхъ сердцу грезъ и думъ.
Здѣсь отдыхалъ мой юный умъ,
По волѣ мысль моя бродила,
И степь мнѣ сказки говорила...
О шопотъ сладостный! Порой
Какъ много думъ въ душѣ живой
Его таинственность будила!
— Зачѣмъ въ степи стоитъ курганъ,
Какая тайна тамъ почила?
Быть можетъ, то былъ царскій станъ,
Иль Скиѳовъ братская могила,
Быть можетъ нѣкогда на немъ
Стоялъ самъ божій бичъ Аттила
Съ угрюмо сдвинутымъ челомъ

И грозный вызовъ слалъ Аланамъ...
А можетъ быть, предъ тѣмъ курганомъ,
На Печенѣговъ мечъ поднявъ,
Съ отважной удалью во взорѣ
Нашъ витязь крѣпкій Святославъ
Съ дружиной рыскалъ на просторѣ.
Быть можетъ, тутъ, къ коню припавъ,
Какъ барсъ онъ несся въ сѣчу прямо
Съ своими бранными дѣтьми,
Взывая: «Ляжемъ здѣ костьми,
Бо мертвіи не имутъ срама!»
И зовъ его гремѣлъ, какъ громъ,
И мчались витязи за славой,
И бой кипѣлъ, ревѣлъ кругомъ...
Но вотъ разсѣянъ врагъ лукавый;
Мечи въ ножнахъ... Долой шеломъ!
И побѣдитель рукавомъ
Съ чела стираетъ потъ кровавый...

Привѣтъ тебѣ, привѣтъ, герой,
Отъ мирныхъ селъ земли родной!

Клубятся ль въ полѣ тучи праха,
И въ чудномъ снѣ передо мной
Встаетъ спокойный и сѣдой
Могучій образъ Мономаха.
Свой взоръ, испытанный борьбой,
Вперяя въ даль нѣмой равнины,
Ведетъ онъ грозныя дружины
На Половецкіе полки...
И вотъ у берега рѣки,
Въ тѣни подъ вербою зеленой
Съ коня, усталый, онъ встаетъ
И золотымъ шеломомъ пьетъ
Отъ струй донскихъ воды студеной.

Испилъ. И, осѣнясь крестомъ,
Творитъ смиренную молитву,
Что-бъ днесь Господь въ борьбѣ съ врагомъ
Благословилъ его на битву...

Привѣтъ тебѣ, привѣтъ, герой,
Отъ мирныхъ селъ земли родной!

Но чаще въ снахъ неуловимыхъ,
Въ степной волшебной тишинѣ,
Одинъ изъ призраковъ любимыхъ
Тревожилъ сладко душу мнѣ...
Съ твоей отвагою сердечной
Въ разцвѣтѣ лѣтъ, и чувствъ и силъ,
Ты, Игорь пылкій и безпечный,
Мнѣ часто сердце бередилъ.
Герой, ты бредишь битвой славной,
Свобода—твой желанный сонъ,
И вотъ ты мчишься въ бой неравный,
Въ глухую степь, за синій Донъ.
Тамъ кучи вѣжъ бѣлѣютъ смрадныхъ,
Тамъ гулъ отъ кликовъ кровожадныхъ,
И плачъ дѣтей, и вопль, и стонъ
Плѣненныхъ русскихъ дѣвъ и женъ.
— «Довольно, половчинъ поганый,
«Довольно, жадный волкъ степной,
«Бродяга, русской кровью пьяный,
«Ты край обкрадывалъ родной!
«За бездну мукъ, за стыдъ и горе,
«За павшихъ братьевъ и друзей,
«За слезъ исторгнутое море
«У русскихъ женъ и матерей—
«Я расплачусь съ тобой, злодѣй!
«Мнѣ слаще смерть, чѣмъ жизнь въ позорѣ.
«Впередъ, друзья! Впередъ мой конь!...

Не торопись, постой, безумный,
Вернись, тутъ ждетъ тебя позоръ!
Скрѣпясь душой, отъ битвы шумной
Иди въ Путивль, на княжій дворъ.
Не наступило наше время
Спасти отъ бѣдъ родной народъ.
Иныхъ временъ иное племя
Врага постылаго смететъ.
Смири-жъ въ груди порывъ мятежный,
Вернись въ Путивль. Ты чуешь тамъ
Молящій грустно по ночамъ
Призывъ твоей подруги нѣжной!
Въ слезахъ тоски красу губя,
Безъ ласкъ тьоихъ теряя младость,
Тамъ Ярославна—жизнь и радость
Все, глядя въ поле, ждетъ тебя.
На городской стѣнѣ высокой,
Едва заря засвѣтитъ день,
Стеная бродитъ одиноко
Ея тоскующая тѣнь:
Вернись!... Но что любовь герою!
Что миръ—отрада позднихъ лѣтъ!
Онъ жаждетъ славы и побѣдъ.
И рвется пылкій витязь къ бою,
И кличетъ кличъ передъ полкомъ:
«Иль живы будемъ, иль умремъ,
«Но, други, вмѣстѣ всѣ со мною!»...

Привѣтъ тебѣ, привѣтъ, герой,
Отъ мирныхъ селъ земли родной!

ГЛАВА III.

Привѣтъ и вамъ, поля родныя,
Гдѣ мирно блещетъ ясный Донъ.
Была пора, какъ мрачный сонъ,
Вы пережили дни Батыя.
Какъ грозный Божій ураганъ,
Съ дождемъ кровавымъ и огнями,
Промчался дикій великанъ
Надъ беззащитными степями.
Разорена, обагрена,
Уснула бѣдная страна.
И потекли надъ ней чредою
Вѣка безлюдья... Минулъ вѣкъ,
Насталъ другой, и человѣкъ
Былъ позабытъ пустыней грустной;
Рукою времени искусной
Смело его позорный слѣдъ.
Когда же черезъ много лѣтъ
Случайно путникъ тамъ явился,
Его и звѣрь не сторонился,
Но мирно рядомъ съ нимъ бродилъ,
И, любопытствуя, дивился...
Да, звѣрь гостепріимнѣй былъ
И благодушнѣе въ тѣ годы
Того, кто съ гордостію мнилъ
Себя земнымъ царемъ природы.

Оцѣпенѣлый и нѣмой,
Такъ спалъ въ забвеньи Донъ сѣдой,
Лишь птицъ болтливыхъ слыша лепетъ.
Пугливой медленной волной
Въ его глуши береговой

Рождался робкой жизни трепетъ.
Но чу! Опять оружья звонъ
И клики вражескаго стана,
И, на мгновенье пробужденъ,
Онъ видитъ орды Тамерлана.
И вновь встаетъ пожаровъ дымъ,
И кровь потокомъ льется снова.
Безсильно падаютъ предъ нимъ
Твердыни древняго Азова;
Безмолвно ширь степныхъ равнинъ,
Ему покорствуя, сдается
И карой Божьей въ даль несется,
Какъ туча, мрачный исполинъ.
А по стопамъ за нимъ угрюмо
Ложится мертвый путь побѣдъ.
Такъ мертвый оставляетъ слѣдъ
Дыханье чернаго самума.

ГЛАВА IV.

А степь, угрюмымъ сномъ объята,
Межъ тѣмъ въ тиши цвѣла, цвѣла
И какъ царевна молодая,
Въ волшебныхъ чарахъ почивая,
Судьбы посланника ждала
Съ завѣтнымъ словомъ пробужденья.
Года промчались какъ мгновенья,

Пора желанная пришла,
И онъ явился передъ нею...

Угрюмъ, измученъ, одинокъ,
Гонимый родиной своею,
Какъ моремъ въ непогодь челнокъ,
Вотъ онъ, скиталецъ безпріютный...
Но кто-жъ ты, добрый другъ степей?
Судьбы ли прихотью минутной
Заброшенъ ты въ семью звѣрей?
Бѣжишь ли ты, враждуя съ вѣкомъ,
Людскихъ условныхъ путъ, оковъ,
Иль ищешь рѣкъ, текущихъ млекомъ
Среди кисельныхъ береговъ?
Съ Литвы ли ты иль Польши вражей,
Ты бѣглый рабъ иль господинъ,
Иль непокорный волѣ княжей
Новогородскій гражданинъ?
Быть можетъ, странствователь смѣлый,
Ты—мрачный мученикъ страстей,
Иль просто сердцемъ очерствѣлый
Тупой, безсмысленный злодѣй?..

—Ктобъ ни былъ ты, пришелецъ бѣдный,
Герой, дитя-ль тюремныхъ стѣнъ,—
Да будетъ твой приходъ побѣдный
Вѣка вѣковъ благословенъ!
Чуть ты пришелъ, и оживились
Долины Дона. Тамъ и сямъ,
Лѣпясь къ завѣтнымъ берегамъ,
Землянки бѣдныя явились.
Раскинувъ сѣти на рѣкѣ,
Въ челнахъ съ пищалями въ рукѣ
Отважно рыбари носились,
И пѣсня звонкая порой,

Полна тоски неизъяснимой,
Изъ камышей лилась волной.
Въ ней былъ привѣтъ землѣ родимой,
Упреки горькіе судьбѣ
И удалецкій зовъ къ борьбѣ
Съ лихими лютыми врагами...

Богатыри минувшихъ лѣтъ,
Всѣмъ сердцемъ шлю вамъ мой привѣтъ!

Кто могъ въ борьбѣ тягаться съ вами?
Чьихъ сабель острыхъ и огней
Бѣжалъ, смутясь, Девлетъ-Гирей?
Кто сокрушалъ неотразимо
Полки коварнаго Селима?
За каждый шагъ родной земли,
Чьи кости въ битвахъ здѣсь легли?
Герои славные Азова,
Я вижу васъ въ моихъ мечтахъ
Сквозь мглу далекаго былого —
То подъ стѣнами, то въ стѣнахъ,
Въ крови, съ проклятіемъ въ устахъ
И съ плачемъ у Креста святого.
Я вижу васъ въ родныхъ степяхъ
И день и ночь на стременахъ
Въ борьбѣ съ ватагами номада
И у Тавриды на челнахъ,
И подъ стѣнами Цареграда.
Одни во всей землѣ родной
Послушны Неба приговору
Стремились вы живой волной
Къ морскому вольному простору.
Одни, межъ тѣмъ какъ безъ борьбы
Въ Европѣ царства расцвѣтали,
Одни вы, пасынки судьбы,

Въ степяхъ безвѣстно погибали
Какъ стая псовъ сторожевыхъ
На рубежѣ земель родныхъ.
И грызлись вы съ ордой голодной
Ногаевъ, съ туркой, татарвой,
И съ безшабашною чечней
За жизнь, за миръ и трудъ свободный,
Кладя горами вашихъ тѣлъ
Движенью дикихъ ордъ предѣлъ.

Не мудрено, среди скитаній
Въ борьбѣ, въ тревогахъ безъ конца
Черствѣли бѣдныя сердца,
И вплелся тернъ худыхъ дѣяній
Межъ лавръ геройскаго вѣнца.
Но да проститъ Господь всеправый
Тебѣ казакъ! Ты искупилъ
Твои вины цѣной кровавой,
Рядами доблестныхъ могилъ.
Ты терпѣливо осушилъ
Бездонный кубокъ испытанья,
Позоръ твой честной кровью смытъ
И придутъ годы воздаянья:
Простятся темныя дѣянья,
А подвигъ міръ благословитъ.

Друзья мои, забудемъ горе.
Припомнимъ дни: пришла пора
И вы подъ знаменемъ Петра
Свои струги спустили въ море.
Сбылись завѣтныя мечты:
Пути раскрылись для стремленій
Запретныхъ ряду поколѣній
Вольнолюбивой нищеты.
Съ своей державной высоты

Ихъ освятилъ державный геній,
Онъ понялъ сердцемъ чуткимъ васъ,
Благословилъ и въ добрый часъ
Въ морской просторъ, гдѣ врагъ таился,
Бокъ-о-бокъ съ вами въ путь пустился.
Съ какой отвагой молодой,
Съ какою радостью безумной
Въ пучину волнъ стихіи шумной
Вы дружной ринулись толпой!
Да, то былъ подвигъ молодецкій:
Раздался трескъ, пронесся стонъ,
И побѣжденный флотъ турецкій
У ногъ Царя уже плѣненъ.
Пробита брешь, вы на просторѣ,
За вами степь, предъ вами море.
Уже врага объемлетъ страхъ,
Не нынче—завтра онъ смирится
И грезой сладкою ужь снится
Вамъ милый трудъ въ родныхъ поляхъ.

Но счастья лучъ, такъ долго жданный,
То гасъ, то загорался вновь,
И долго, долго ваша кровь
Еще лилась за миръ желанный.
И былъ могучъ ея родникъ:
Она волной своей обмыла
Азовъ, Очаковъ и Рымникъ,
Кагулъ и стѣны Измаила;
Въ цвѣтущей Персіи не разъ
Она струилася ручьями,
И за кремнистыми горами
Багрила сумрачный Кавказъ.

Но раздвигались наши грани,
Враги смирялися чредой

И умолкали громы брани
Надъ воскресающей страной.
Еще усилье, исполины,
Еще ударъ, и Крымъ смиренъ,
И вольной грудью дышетъ Донъ.
И сходитъ миръ въ его равнины
На холмы доблестныхъ могилъ.
Такъ вѣкъ златой Екатерины
Дѣянья ваши завершилъ.

Друзья мои! пришла пора
Перековать мечи на рала.
Заря покоя и добра
И вамъ съ лазури засіяла.
Пора, друзья мои, пора
Перековать мечи на рала.

Еще не разъ на зовъ Царя
Вы отзоветесь вашей кровью,
Но счастья вашего заря
Ужь свѣтитъ, радостно горя,
Въ степи, зовущей васъ съ любовью.

Родная степь! Вѣками васъ
Она, какъ мать, любовно ждала
Спѣшите-жь, други, въ добрый часъ
Перековать мечи на рала!

И дни пришли, подъ сѣнь труда
Склонился мирно воинъ бѣдный.
Среди равнины заповѣдной,
Гдѣ кровь струилась какъ вода,
Проведена рукой побѣдной
Легла глубоко борозда;

Гдѣ оглашалось поле битвой,
Тамъ рожь посѣяна съ молитвой,
И тамъ, гдѣ пуль носился градъ,
Раздорскій зрѣетъ виноградъ.
И, въ трудовой смиренной долѣ
Найдя отраду и покой,
Забывъ о прежней дикой волѣ,
Казакъ, дитя войны, герой,
То тяжкій неводъ тащитъ свой,
То вяжетъ снопъ въ созрѣвшемъ полѣ,
И, отирая жаркій потъ,
Покорно Божьей воли ждетъ.
Его минуютъ испытанья
И лишь какъ сказку дѣтскихъ дней
Припоминаетъ онъ преданья
Цвѣтущей родины своей.

ГЛАВА V.

Такъ цѣпь вѣковъ борьбы кровавой
Порвалась. Смолкъ оружья звонъ.
Но льется тотъ-же величавый
Въ дни наши мирный, ясный Донъ.
Сюда порой въ часокъ досужный
Подъ вечеръ мая золотой,
Кружокъ сѣдыхъ героевъ дружный
На берегъ сходится толпой.
Поближе къ милому ихъ Дону
Разстелютъ съ яствами попону,
И кружка добраго винца
На мигъ расшевелитъ донца.

И вспыхнетъ искра въ немъ былая,
Въ душѣ, усталой отъ заботъ,
Воскреснетъ юность золотая—
Пора тревогъ, пора невзгодъ;
И пѣсню съ важностью картинной
Заводитъ онъ на ладъ старинный.
Поетъ о тихомъ Донѣ онъ,
О черныхъ дняхъ былыхъ временъ,
Про битвы славнаго похода
Въ войну Двѣнадцатаго года.
Друзья же чарки круговой
Пѣвцу киваютъ головой.

Но гаснетъ вечеръ лучезарный -
Свѣжѣетъ воздухъ. Донъ сѣдой
Качаетъ свѣтлою волной
Послѣдній лучъ зари янтарной.
Оконченъ пиръ. Пора-бъ и спать,
Да жалко старцамъ покидать
Свое укромное мѣстечко.
Вотъ встали; дружеской толпой
Плетутся нехотя домой;
Ихъ ждетъ давно курень да печка.
И на прощанье вперебой
То шутка вырвется порой,
То мѣтко острое словечко.
— «Эхъ, братцы, молвитъ дряхлый дѣдъ,
Не возвратить златыхъ намъ лѣтъ....
А только, ежели признаться,
И лучше имъ не возвращаться.
Ужъ какъ ни весело жилось
Въ походахъ; ѣлось и пилось
Противу нынѣшняго втрое;—
Да, было времячко златое,
Подъ старость вспомнить есть о чемъ;—

А лучше всякаго похода
Курень, да ясная погода,
И миръ съ смирившимся врагомъ»...

Ушли сѣдые ветераны,
Надъ Дономъ миръ и тишина.
Съ небесъ спокойная луна
Глядитъ на мирныя поляны.
На чешуѣ хрустальныхъ водъ
Спокойный лучъ ея сребрится.
Все тихо. Лишь порой промчится,
Какъ демонъ, шумный пароходъ,
И Донъ во слѣдъ ему вздрогнетъ,
Но въ тотъ-же мигъ угомонится
И тихо, тихо вновь струится...

Н. Щедровъ.

Больное сердце.

ОЧЕРКЪ.

«Довлѣетъ дневи злоба его».
Отъ Матѳея гл. 6-я.

Раннее утро. Барская усадьба, стоящая на крутомъ берегу рѣки, рядомъ съ селомъ Булатовымъ, еще не просыпалась.

Низкій старый домъ, выходившій на широкій, поросшій травою дворъ, казался зажмуреннымъ своими закрытыми сѣрыми ставнями. День обѣщалъ быть жаркимъ: роса, не смотря на ранній часъ, почти уже высохла и только сверкала кое-гдѣ на тѣнистыхъ мѣстахъ.

Въ тѣни дома, у бокового крылечка, сидѣла небольшая кучка крестьянъ; большинство были женщины. Два старика отдѣльно отъ другихъ помѣщались на послѣдней ступенькѣ, вполголоса лѣниво переговариваясь; ниже ихъ, просто на травѣ расположились три бабы съ ребятами на рукахъ. Одинъ изъ нихъ не переставая болѣзненно хныкалъ, а мать усиленно трясла его, желая успокоить и въ то же время не прервать разговора съ сосѣдками, изъ которыхъ одна была старуха съ обвязанной рукой, другая помоложе съ красными больными глазами.

Съ улицы во дворъ скрипнула рѣшетчатая калитка, пропуская новую посѣтительницу молодую женщину съ худымъ и желтымъ лицомъ, на которомъ выдѣлялись большіе глаза, окруженные синевой. Тихо, тихо, опираясь на палочку, добрела она до сидящихъ на травѣ женщинъ и промолвивъ: „здравствуйте-ка“, поклонилась имъ. Дѣвочка лѣтъ пяти держалась сзади за сарафанъ матери.

— Никакъ Степанида изъ Выселокъ, отозвалась старуха съ завязанной рукой, вглядываясь въ подошедшую,—садись-ка... Али хвораешь, касатка?

— Хвораю, бабушка Марья... Не къ вамъ будь сказано, затрясла меня *негодница*, совсѣмъ силушки нѣтъ: далеко ли прошла, а заморилась ровно возъ везла.

Молодая женщина тихо опустилась на траву и слабо кашлянула.

— Что нѣтъ еще барина-то видно, спросила она старуху.

— Гдѣ еще милая... Раньше восьми часовъ не выйдетъ, сейчасъ самоваръ только грѣть понесли. А ты видно впервые къ нему пришла, я будто тебя не видала допрежь... а вѣдь баринъ-то понѣ вдругорядь ужъ пріѣзжаетъ.

— Въ первой... Да я только вечоръ и узнала-то: разговорилась съ сусѣдкой нашей Анной Петрухиной, рыбу што-ли-то она сюда носила, мужъ въ озерѣ наловилъ, а она и говоритъ: что не сходишь, молъ, къ барину Булатниковскому, онъ лѣчить-то говорятъ больно мастеръ, особливо у кого кашель, аль грудь болитъ, лакей ихній сказывалъ, что и въ Питерѣ онъ все такія болѣзни больше лѣчитъ". А я ей говорю: „ладно ли, молъ, коли я отсюда пойду? Скажетъ—не своя. Чужихъ-то врядъ ли онъ лѣчитъ"... „Ничего, говоритъ, наши Выселки все равно, что подъ одно съ селомъ". Ну вотъ я и пошла... Была я по веснѣ у земскаго, да вѣдь, шутка ли дѣло, двѣнадцать верстъ! Пѣшкомъ— не дойти мнѣ, а лошадь брать несподручно—пашня теперь.

— Ужли съ весны хвораешь-то? участливо спросила старуха.

— Чего съ весны... Съ самой какъ есть съ зимы. Еще объ Рождествѣ ко мнѣ эта хворь прикинулась. Зазнобилась знать шибко. Тутъ къ празднику убирали кое что на дворѣ, да избу мыла, все раздѣвкой, потомъ на базаръ ѣздили... иззябла шибко. Пошла въ баню— думала паромъ изъ меня простуда выйдетъ, анъ еще хуже сдѣлалось. Кашель это ко мнѣ привязался, силы нѣтъ, горю какъ въ огнѣ... Такъ всѣ святки и провалялась. А потомъ, встать-то встала, а силы во мнѣ нѣтъ совсѣмъ, спину ломитъ, дыхнуть трудно и кашель не отстаетъ. Повезъ меня хозяинъ къ дохтуру, тотъ стукалъ, стукалъ, слухалъ мнѣ и грудь, и спину, да и говоритъ: „чего раньше не ѣхали, запустите, говоритъ, болѣсть, а потомъ и ѣдете". Посерчалъ на меня, одначе далъ порошковъ какихъ-то и саломъ грудь натирать велѣлъ. Быдто и полегчало потомъ, а теперь вотъ съ весны лихоманка затрепала, особливо къ ночи и не согрѣюсь никакъ.

— Нида... ишь ты сердечная! Вотъ ни дать ни взять, гдѣ я на мѣстѣ въ стряпкахъ жила, такъ дочь хозяйская этакъ-то хворала. Воспаленіе нутренностей было, а потомъ чахоткой померла.

— Померла!

— Померла. И году не протянула. Восемнадцать годовъ только и было. Подъ конецъ ужъ кровью кашлять начала.

— Кровью... И я вотъ намедни тоже... — губы больной дрогнули,—сиротъ вотъ жалко... куда они безъ меня, тихо шепнула она.

— Много ли дѣтокъ-то?

— Трое... постарше дѣвушка дома, да мальченка по третьему годочку.

— Ну, Богъ не безъ милости, може и не помрешь. Можетъ нашъ баринъ средствіе какое и найдетъ — выпользуетъ. Вотъ къ примѣру рука у меня... Не видала себѣ ни днемъ ни ночью покоя, мѣста не находила... ужъ чего-чего только не прикладывала—нѣтъ легче, да и только. Ну, думаю, пойду еще къ Андрею Миколаичу, что будетъ. Пришла. Посмотрѣлъ онъ, да и говоритъ: „разрѣзать, бабушка, маленько надо, стекло тамъ у тебя". Страшно мнѣ показалось. „Нѣтъ, говорю, рѣзать не дамъ, воля ваша"! „Что же говоритъ, старуха, сгноишь руку зря, потомъ хуже будетъ". Подумала, подумала, да благословясь и рѣшилась. И что же бы ты думала, милая моя, и не слыхала почесть ничего! Свояченка это его промыла мнѣ ранку, перевязала, присыпала чѣмъ-то, только духъ тяжелый отъ этой самой присыпки, и всю хворь какъ рукой сняло, ровно свѣтъ увидала—право. Только вотъ теперь и хожу черезъ три дня къ барышнѣ тряпочки мѣнять.

— Ужъ не знаю, что мнѣ Богъ дастъ,—помирать-то больно неохота!—Степанида вытерла концомъ фартука набѣжавшія слезы.

Дѣвочка ея беззаботно заглядывала въ господскій садъ, повиснувъ руками на рѣшоткѣ забора.

Между тѣмъ домъ проснулся. Открыли ставни, отворилась дверь на балконъ. Изъ кухни прошелъ лакей съ кипящимъ самоваромъ, сгибаясь въ бокъ отъ пара, а черезъ четверть часа онъ же вышелъ снова и позвалъ одного изъ сидящихъ мужиковъ. Старикъ кряхтя поднялся и перекрестясь отправился въ комнаты.

„Булатовскій баринъ" былъ довольно извѣстный Петербургскій докторъ, купившій недавно это имѣніе. Семья доктора переселялась сюда на лѣто, самъ же онъ гостилъ лишь наѣздами хотя и тутъ не отдыхалъ вполнѣ. Это былъ пожилой человѣкъ, нажившій деньги неустаннымъ трудомъ и сохранившій несмотря на успѣхъ и удачи, доброе, сердце, простоту и желаніе помочь всѣмъ и каждому. Во время лѣтняго отдыха онъ добровольно отрывалъ нѣсколько часовъ въ день, терпѣливо посвящая ихъ бѣдному больному люду, раздавая вдобавокъ даровое лѣкарство. Помощницей и аптекаремъ была его молоденькая свояченица.

Послѣ возвращенія бабы съ хныкавшимъ ребенкомъ настала очередь старухи Марьи и Степаниды. Онѣ пошли вмѣстѣ, такъ какъ старухѣ нужна была только перевязка, за которой она и обратилась къ маленькой юркой дѣвушкѣ.

Достаточно было доктору одного внимательнаго взгляда на лицо больной, чтобы понять тотъ злой недугъ, который подточилъ уже молодую жизнь. Отъ волненія два красныхъ пятна ярко выступили на впалыхъ щекахъ, дыханіе было неровно и прерывисто. Внимательно выслушавъ больную, докторъ началъ писать рецептъ, разспрашивая въ то же время молодую женщину объ ея дѣлахъ, лѣтахъ, дѣтяхъ и мужѣ. Ласковое и участливое обращеніе ободрило Степаниду и она все смѣлѣе и смѣлѣе отвѣчала на вопросы.

— Не больно ужъ я молоденькая, двадцать седьмой съ Покрова идетъ, а замужемъ-то я десятый годъ; одинъ ребеночекъ померъ, а трое живы.

— А мужъ здоровъ?

— Слава Богу. Хозяинъ меня на три года постарѣе. И всей родни-то у насъ: мы, да ребята, родни настоящей нѣту; я шпитонка, а онъ сиротой у тетки выросъ.

— А што, милость ваша, помру я што-ли?—почти шопотомъ добавила Степанида съ робкой мольбою глядя на доктора, точно отъ него зависѣлъ роковой приговоръ.

— Всѣ помремъ, голубушка,—отвѣчалъ тотъ глядя на рецептъ,—одни раньше, другіе позже, кому какъ на роду написано.

— Помремъ это точно, да вѣдь все пожить-то хочется, малыхъ ребятъ на ноги поднять хоть-бы...

— Ничего, ничего, поживешь еще,—похлопалъ ее по плечу докторъ, вставая со стула.—Вотъ барышня тебѣ лѣкарство дастъ; пока погода теплая и тебѣ легче будетъ, ну, а осенью потруднѣе. Тогда работай поменьше, поберегай силы; коли достатокъ позволитъ, такъ работницу возьми, ну хоть дѣвочку какую въ помощницы себѣ... Корова есть, конечно?

— Какже, коровушка есть, благодареніе Богу.

— Ну, такъ вотъ молока больше пей, ѣшь больше, да простуды остерегайся, потная на холодъ не выходи... Когда эти пилюли выйдутъ, приди опять, барышня еще дастъ.

Еще тише, еще печальнѣе пошла Степанида со двора. Дѣвочка, ждавшая мать на дворѣ, снова уцѣпилась за ея сарафанъ, и бѣдная женщина тихо поглаживала спутанныя бѣлокурыя волосы дѣвочки.

За воротами ихъ догнала старуха Марья.

— Ну, что, болѣзная, что тебѣ баринъ нашъ сказалъ? полюбопытствовала она.

— Да что, баушенька, не выправиться видно мнѣ. И онъ то же толкуетъ: до осени ничего, а тамъ видно и конецъ, грустно отвѣтила больная.

— Неизвѣстно, милая, никто какъ Богъ! И дохтуръ впередъ знать не можетъ.

— И у меня видно чахотка эта самая.

— Кто-жъ ее знаетъ, а только что осенью это вѣрно, что тяжельше: вотъ и та дѣвушка, что я давеча-то сказывала, осенью померла; какъ листъ съ деревьевъ началъ падать, такъ и ей конецъ пришелъ сердечной. Одначе прощай, Степанидушка, дай Богъ поправляться.

Старуха пошла вдоль улицы, тогда какъ молодая женщина свернула на лѣво по переулочку къ рѣкѣ. Ей нужно было перейти мостъ и итти съ версту по лугамъ въ свою деревушку Выселки. Слова болтливой старухи такъ и звучали въ ея ушахъ и отнимали послѣднюю надежду на выздоровленіе. Сердце мучительне щемило и къ горлу подступала какая-то горячая волна.

— Что у насъ теперь, тоскливо припоминала Степанида, — Петровки... Отъ Петрова дня до Ильина и мѣсяца нѣтъ, а потомъ Спасы, да Успеньевъ день, а ужъ къ Рождеству-то Богородицы либо къ Вздвиженью и помру вѣрно... Ужъ тутъ завсегда листъ желтѣетъ.

Всего-то мнѣ мѣсяца три и житья на бѣломъ свѣтѣ!

Придя домой, Степанида принялась за свою немудреную стряпню, но докучныя слезы такъ и застилали ей глаза, скатываясь, то на руки, то на столъ, на которомъ она чистила картофель. Руки машинально работали привычное дѣло, тогда какъ мысли были далеко. Чуть не вся жизнь вспоминалась ей и проходила мысленно годъ за годомъ. Девять лѣтъ замужемъ она... Давно ли, кажется, ея Митря былъ красивымъ кудрявымъ парнемъ, мастерски играющимъ на гармоникѣ. Давно ли она сама съ подругами водила хороводъ и запѣвала звонкимъ голосомъ свои деревенскія пѣсни. Давно ли Дмитрій посматривалъ на нее и подталкивалъ плечомъ, проходя мимо. И стыдно и сладко ей было тогда сознавать, что онъ, этакій красивый парень на селѣ, да на нее, сиротушшитонку безъ роду безъ племени, заглядывается. Помнитъ она хорошо и свое дѣвичье житье. Жилось ей не плохо у своихъ названныхъ родителей, старики они были ласковые да безобидные; двѣ ихъ было у нихъ изъ Воспитательнаго, она да сестра Оня, постарше ея немножко. Ужъ они съ Оней и впрямь какъ родныя сестры жили, зачастую и у родныхъ сестеръ такой дружбы нѣтъ. Потомъ Оню замужъ выдали и

она съ мужемъ въ городъ уѣхала, извозомъ онъ тамъ занимался. Сначала скучно было а потомъ Митрій на сердце запалъ и всѣ думы заполонилъ. Ужъ какъ же и любили они другъ дружку, да и посейчасъ любятъ, кажись всѣ девять лѣтъ слова худого одинъ другому не сказали, не то что браниться или драться, какъ иные прочіе мужья. Старички померли и хозяйство у нихъ прибавилось, бывало и трудновато было, особенно какъ дѣти малы были, а все отъ людей никогда не отставала, хозяйство какъ слѣдуетъ вела и нужды не видали, а теперь вотъ помирать приходится. Степанида, положивъ голову на сложенныя руки, заплакала горько и неутѣшно.

Всю въ слезахъ засталъ ее мужъ, воротившійся съ пашни къ обѣду.

— Что ты, Стеша, родная,—испуганно заговорилъ онъ,—аль что не ладно. Бѣда что-ль какая приключилась?

При звукахъ родного голоса Стеша заплакала еще горьче. Вся вздрагивая отъ рыданій, она прижималась къ плечу мужа.

— А ты постой, говорилъ тотъ, стараясь поднять ея голову и заглянуть въ лицо,—постой маленечко... Ахъ ты, грѣхъ какой! Ну постой-ка-сь я тебѣ водицы испить дамъ.—Скажи ты толкомъ объ чемъ плачешь-то?

— Умру я Митря... умру родимый и наглядѣться на бѣлый свѣтъ не успѣю!..—еле могла выговорить Степанида.

— Помрешь? да и съ чего ты взяла только себѣ этакую глупость въ голову, съ чего выдумала-то?

— У доктора я была... и онъ говоритъ... осенью хуже будетъ... а баушка Марья сказывала, у нихъ этакъ же дѣвушка... осенью померла... Степанида опять заплакала.

— Ну, полно тебѣ, полно! утѣшалъ ее мужъ,—эфти доктора извѣстно только людей пужаютъ. Что онъ, Богъ чтоли, чтобы человѣчью смерть впередъ знать? Ишь вѣдь, что сказала! Да еще баушка Марья; старушонка зря брехаетъ, а ты вѣришь.

Статочное ли дѣло, чтобы человѣкъ и въ силѣ, и на ногахъ, и въ работѣ, и вдругъ померъ! Ужъ тогда коли зимой почитай безъ памяти лежала, да и то отдохнула, такъ теперь-то съ чего помрешь?

Жадно слушая успокоительныя слова мужа, Степанида мало-помалу перестала плакать.

Всхлипывая изрѣдка, какъ наплакавшійся ребенокъ и утирая кончикомъ головного платка слезы, она собирала обѣдъ мужу.

— Эхъ бабы, вы бабы, посмотрю я на васъ,—говоритъ Дмитрій, моя руки у глинянаго рукомойника,— я напугать-то васъ какъ легко;

всему-то вы вѣрите, кто чего ни сболтнетъ. Лѣкарства-то далъ ли доктуръ?

— Да-алъ! — судорожно вздохнула Степанида, отрѣзывая хлѣбъ.

— Ну, вотъ и чудесно—это его дѣло. Коли ты значитъ человѣкъ ученый, такъ и пользуй. Ну а насчетъ смертнаго часа—никто какъ Богъ.

— Да онъ и не сказалъ, что помру, а говоритъ тяжелѣе тебѣ будетъ...

— Ну, такъ вотъ видишь ли—тяжелѣй. Извѣстно въ непогодь, да въ сырость всякому человѣку тяжелѣй, особливо не шибко здоровому; да чего человѣку: курица и та нахохлится. А съ чего же ты помирать выдумала?

— Да вотъ баушка Марья про дѣвушку... тоже, говоритъ, хворала, какъ я, и осенью померла.

— Такъ же... а она почемъ знаетъ, въ нутрѣ што-ли у ей была? Мало-ль кто осенью помиралъ. Вонъ у нашей Анисьи позапрошлой зимой хозяинъ померъ, такъ и мнѣ зимой помирать надо,—шутилъ Дмитрій, ласково похлопывая по плечу жену, наливавшую щи въ глиняную чашку.—Эхъ ты! слезы у васъ дешевыя.

Тотчасъ-же, широко перекрестившись, онъ усѣлся за столъ и принялся ретиво за ѣду; жена сѣла подлѣ, лѣниво откусывая корочку хлѣба.

— Что же ты не хлебаешь?—спросилъ мужъ.

— Неохота что-то. Не тянетъ меня на ѣду да и только.

— А ты приневолься да поѣшь: щи первый сортъ, ровно скоромныя. А безъ ѣды нельзя, извѣстно силы не будетъ, безъ ѣды какъ разъ человѣкъ ослабнетъ. Это ты вотъ раздумалась и на ѣду не тянетъ. Давай-ка, что тамъ у тебя есть еще. Сейчасъ пойдемъ луга дѣлить и то нонѣ замѣшкались—Петровъ день на дворѣ. Да гдѣ ребята-то у насъ?

— Да вотъ поди-жъ ты: Сережка выдумалъ, что земляника на горѣ поспѣла, ну и наши всѣ туда потрепались. Встрѣтишь, такъ гони скорѣй домой, мнѣ еще на рѣчку идтить надо.

Доѣвъ все до послѣдней крошки, что было въ блюдѣ, Дмитрій размашисто перекрестился, затѣмъ, несмотря на жаркій день, надѣлъ кафтанъ и, снявъ новый картузъ съ гвоздя, обратился къ женѣ:

— Ну, я пошелъ въ луга, а ты, Стеша, смотри не дури. Чтобы я этихъ слезъ больше не видалъ: только себя изводишь—право! Слышь что-ль?

— Слышу, слышу, ладно ужъ! — и Степанида грустно улыбнулась.

Звонко колотилъ валекъ Степаниды на плоту у быстрой и каменистой рѣчки. Куча бѣлья, складываемая на коромысло, росла все больше и больше. Часто молодая женщина бросала свою работу, выпрямляла спину и стирала рукавомъ потъ съ лица, звонко и сухо кашляя.

— Ишь вѣдь, силы-то, что у малаго ребенка! думала она,— штуки двѣ-три выполощу, поколочу и ужъ устала, а спина ровно одеревенѣетъ.

Мало-по-малу мысли ея, развлекаемыя въ началѣ работой, приняли прежнее направленіе.

— Ужъ коли теперь такъ устаю, такъ осенью и совсѣмъ не сдюжить: вся работа запустится, а работы что ни дальше, то больше. Одного полотья сколько, а тутъ сѣнокосъ, жнитво, молотьба.

Господи, да безъ силъ-то куда я поспѣю. Ежели работницу нанять—дорого, да и теперь гдѣ найдешь; нанимать, такъ ужъ съ весны надо было, да и гдѣ чужому человѣку такъ сдѣлать какъ сама. Чужой человѣкъ и половины не углядитъ, все кое какъ, лишь бы скорѣй сдѣлать норовитъ. Развѣ бы вотъ Оня согласилась... Батюшки мои, да и что-жъ я впрямь на нее-то не вздумала! Ужъ на что лучше—свой человѣкъ, какъ для себя будетъ стараться. Дѣло ея теперь вдовье, съ мальчишкой на мѣстахъ жить трудно, жалованьемъ изъ-за него обижаютъ, говоритъ. Она же отъ крестьянства не отвыкла еще, всякую работу дойдетъ. И впрямь ее нужно звать, какъ это мнѣ въ голову раньше не взбрело. Непремѣнно отписать ей надо. А то такъ и нарочно сама поѣду, ужъ на одни сутки выпрошу Рыжка у Митри. Ребятъ попрошу куму доглядѣть, а Ваську пожалуй съ собой возьму.

Степанида даже повеселѣла.

— Тогда и время у меня будетъ свободнѣе и уставать такъ не буду, авось и полегчаетъ. Чуть свверко станетъ, можно и остеречься, не каждый разъ за всякой малостью выбѣгать самой. Анисья баба радѣльная, добрая, да и къ тому же всегда жалѣла меня, всегда, бывало, во всякой работѣ помогала, у ней и силы и здоровья всегда побольше моего было.

Почти совсѣмъ успокоившаяся возвратилась Степанида домой и даже начала мурлыкать какую-то пѣсенку, развѣшивая по забору огорода мокрое бѣлье.

Дмитрій только ухмыльнулся, увидя ее.

— Ну, бабы, заговорилъ, онъ — даве пришелъ — плакала, теперь пѣсню завела. Сказано, бабьи слезы—вода.

— Нѣтъ, ты послухай, Митряй, что я удумала-то, весело начала жена, подходя къ нему и опускаясь рядомъ на ступеньку крылечка.

Дмитрій вынулъ изъ кармана ситцевый кисетъ и началъ дѣлать „крючокъ“ изъ клочка газетной бумажки.

— Ну, сказывай, сказывай, что придумала—послухаемъ.

— А вотъ что: съѣзжу-ка я за Оней въ городъ, да уговорю ее пожить у насъ подолѣ, покамѣстъ я совсѣмъ не оправлюсь, не оздоровѣю, значитъ. Она мнѣ во всемъ поможетъ, и за ребятами, и по дому, а я осенью постерегаться стану, а коли разнедужится, такъ и вовсе въ такіе дни работать сверхъ силы не буду, такъ что, по дому только. И полежу, и посижу,—глядь силъ-то и нагуляю. Ну что-же ты молчишь: али скажешь не ладно выдумала?

Дмитрій молча затянулся и не торопился отвѣтомъ.

— Ладно-то оно ладно, началъ онъ,—какъ разсказываешь сейчасъ, да такъ ли выйдетъ. Будете вы двѣ бабы въ одной избѣ, у одной печи, а ужъ это дѣло плохое. Анисья положимъ баба кроткая, не вздорная, нечего зря молвить, да вѣдь васъ бабъ развѣ разберешь, чего вы дѣлить начнете.

— Да вѣдь какъ же быть, Митрюша, не смогу я одна справиться. Самъ знаешь, какое время подходитъ—страдное, а тамъ молотьба приспѣетъ.

— Развѣ я про то: помога извѣстно нужна, коли силъ нѣтъ, только по моему взять работницу самое чистое дѣло. Она свое мѣсто знать будетъ, одно слово — нанятой человѣкъ: нанялся, что продался. Съ нея и взыскать можно и пригрозить: „вотъ, молъ, тебѣ Богъ, а вотъ и порогъ, а ужъ съ Анисьей не то, такъ уже не сдѣлаешь. Ладно ли нѣтъ ли, а за все спасибо говори, да кланяйся.

— Полно тебѣ выдумывать, Митрій. Какъ же это у людей по пяти бабъ въ избѣ живетъ, и свекровь, и невѣстки, и золовки, и не вездѣ же ссоры да разладъ...

— Ну, тоже ругани достаточно бываетъ, да ужъ тамъ дѣло другое: отъ своей семьи не уйдешь. Кто въ семью выходитъ, тотъ уже напередъ знаетъ, что изъ чужихъ рукъ смотрѣть придется, да помалкивать. Коли есть къ примѣру свекровь, али золовка — куда же ее денешь. А тутъ сама себѣ на голову накличешь, коли што...

— Нѣтъ, нѣтъ и не разговаривай ты меня: Оня совсѣмъ не такая, про кого другого скажи, а ее какъ себя знаю... Ужъ ты, Митрій Ивановичъ, не попрепятствуй.

— По мнѣ что же... Я только тебя упреждаю, а тамъ дѣлай какъ знаешь, тебѣ виднѣе.

— Мнѣ самой съѣздить охота. Когда у насъ Рыжкѣ-то послободнѣе?

— Да вотъ ужъ до Петрова дня обожди, навозъ возить кончимъ, сѣно косить начнемъ, тогда дня на два лошадь безъ дѣла будетъ.

— Мама, табунъ гонятъ, ишь пыль видать, закричала звонкимъ голосомъ старшая дѣвочка, вбѣгая въ калитку,—за водой итти надоть. — Я мамынька опять ведра на рѣчку понесу-у, а мама—можно, што-ль?

— Ишь ты работница, самоё изъ-подъ коромысла не видать, ну инъ ладно, неси, помогай матери, пріучайся.

Семилѣтняя Грунька схватила проворно коромысла и побѣжала въ сѣни за ведрами.

Трехлѣтній Васька, весь перемазанный въ землѣ, ухватился за подолъ матери.

— Иди, иди, пострѣлъ,—ласково потрепалъ сына по головѣ Дмитрій,—мать тебя на рѣкѣ умоетъ, ишь ты чумазый какой, ровно поросенокъ. А я пойду покудова лошади мѣсить.

Мысль пригласить Анисью жить къ себѣ укоренилась такъ сильно въ головѣ Степаниды, что она и думать не хотѣла отказываться отъ нея. Какъ она ни вертѣла, какъ ни обсуждала этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, ничего рѣшительно не находилось противъ этой выдумки.

— Коли ужъ помереть мнѣ судьба,—въ сотый разъ думала она, уже ѣдучи въ городъ, такъ и то лучше: дѣти безъ призора не останутся, замѣсто матери она имъ будетъ, откажу ей все хозяйство, только чтобы ихъ не бросала... А тамъ ребята подростутъ, у нея одинъ Андрейка, въ солдаты не пойдетъ—вотъ и женихъ моей Грушѣ. Уже тогда и Оня не чужая будетъ, а матушка-свекровь... Коли же ей самой Господь продолжитъ вѣку, такъ какъ любехонько заживутъ они, дѣтей ростить, да радоваться на нихъ будутъ.

Среди такихъ радужныхъ предположеній и надеждъ Степанида и не замѣтила, какъ проѣхала 17 верстъ, отдѣляющія ихъ Выселки отъ уѣзднаго города, гдѣ жила на мѣстѣ Анисья.

Скоро телѣга запрыгала по тряской неровной мостовой, потомъ свернула въ пыльный немощеный переулокъ и остановилась у небольшого желтаго домика съ вывѣской надъ воротами: „Портной Дюковъ изъ С-тъ Петербурга“.

Давъ возжи отъ смиреннаго Рыжки мальчугану, который съ важностью и скрытымъ восторгомъ взялъ на себя эту обязанность, Степанида отправилась черезъ калитку на немощеный и грязный дворъ. Черезъ нѣсколько минутъ она явилась снова въ сопровожденіи ахающей и

смѣющейся отъ радостнаго оживленія Анисьи, которая въ то же время отворяла ворота и тащила лошадь подъ устцы, улыбаясь серьезному Васькѣ.

— Ишь ты, какой богатырь выросъ, весь въ отца кудрявый.

Анисья была средняго роста бѣлокурая женщина лѣтъ подъ тридцать съ добрыми и веселыми глазами на чистомъ и румяномъ лицѣ. Ея улыбка обнаруживала рядъ ровныхъ бѣлыхъ зубовъ и ямки на щекахъ; она была гораздо полнѣе и плотнѣе своей названной сестры и представляла типъ здоровой чистоплотной хозяйки и работницы.

— Ахъ ты моя родная, ужъ вотъ обрадовала-то, радостно восклицала она,—и ужъ кстати-то какъ, я какъ есть одна одинешенька осталась. Ужъ у насъ въ праздникъ обнакновенно такъ, что и подмастерье и мальчишки отпущены по домамъ до поздней ночи, а сегодня и хозяева въ село къ тещѣ уѣхали, праздникъ у нихъ сегодня престольный, ближе какъ къ обѣду завтра не воротятся. Я ужъ отъ скуки думала хоть чайку напиться, самоваръ наставила, анъ мнѣ какъ разъ Богъ гостью дорогую послалъ... Проходи, Стешинька, въ кухню, а я только лошадку обряжу...

Проворная хозяйка живо управилась съ лошадью и воротилась къ гостямъ.

— Да, что это ты, Стеша, изъ лица-то какъ спала, начала она присаживаясь къ столу,—я сразу-то и не заприметила,—шибко похужѣла... Али нездорова?

— Да вотъ все съ зимы поправиться не могу.

— Господи, да вѣдь объ Рождествѣ хворала-то, неужто съ тѣхъ поръ?

— Съ тѣхъ самыхъ, Онюшка,—грустно отвѣтила гостья.

— Какже это никто мнѣ не сказалъ, вѣдь заѣзжаютъ изрѣдка наши-то мужики, а вотъ въ Благовѣщенье Иванова сноха была.

— Да вѣдь людямъ-то непримѣтно, я вѣдь не лежу и всякую работу справляю, а только силъ совсѣмъ нѣту... Ночью кашель шибко одолѣваетъ.

— Ахъ ты батюшки свѣты мои, вотъ напасти-то! Что же къ доктуру што-ли къ здѣшнему пріѣхала?

— Нѣтъ, у доктура-то я уже была у Булатовскаго, больно его хвалятъ...

— Что же далъ что ли чего?—перебила нетерпѣливо Анисья.

— Далъ пилюль какихъ-то. Да я по веснѣ и у земскаго была... болѣсть вишь, говорятъ, запущена, вылечить нельзя, въ тепло, говоритъ,

отпуститъ малость, а потомъ... Люди сказываютъ — чахотка... вотъ осенью видно...

Гостья не договорила и закрывши лицо фартукомъ принялась плакать.

— Да, что ты это, Богъ тобой, твое дѣло молодое, похвораешь да и выздоровѣешь...

Степанида судорожно вздохнула и махнула рукой.

— Къ тебѣ вотъ за тѣмъ пріѣхала: не оставь малыхъ ребятъ безъ призору, переходи жить къ намъ, пожалѣй ты меня и малыхъ дѣтей... одной мнѣ ни въ жисть не справиться, а какъ ты будешь, можетъ и я отдохну и болѣзнь полегчаетъ, слезно прошу тебя—не откажи...

Степанида поднялась и поклонилась подругѣ въ поясъ.

— Постой, постой родная, дай ты мнѣ въ разумъ взять это дѣло. Не знаю, что и сказать тебѣ сразу, сообразиться не могу. Дѣло вѣдь не шуточное, обдумать его зря нельзя, я къ тому же не одна... мальчонка у меня... Нонѣ въ школу хотѣла посылать съ осени. Съ мѣста тоже сразу не уйдешь: справляла Андрюшѣ одеженку да сапоги, себѣ кое что малость впередъ забралась. Положимъ деньги не велики, можно занять да отдать, а только что и хозяевъ такъ оставить не приходится, я отъ нихъ худого ничего не видала.

Да вѣдь я, Оня, не тороплю, ужъ какъ можешь. Только бы мнѣ знать, что не откажешь ты мнѣ. А на счетъ Андрюши не сумлѣвайся: у насъ на селѣ школа расчудесная, учителя Платона Ивановича страхъ какъ хвалятъ... учоба съ Покрова начинается...

Хозяйка сидѣла задумавшись.

— А ужъ на счетъ обиды, Оня, не бойся... Какъ передъ истиннымъ говорю, что мнѣ, что тебѣ все равно будетъ, и ленъ и холсты и пряжу—все по ровну дѣлить будемъ. Одно слово, что ни въ чемъ запрету, ни отказу, одежу ли, сапоги, все будешь дѣлать какъ изъ своихъ... Накажи меня Царица небесная, ежели я отъ словъ своихъ отступлюсь! Да и подумай: одной мнѣ не справиться, родни у меня нѣтъ, значитъ чужого человѣка въ домъ брать приходится, а сама знаешь, что чужой человѣкъ въ хозяйствѣ? Я хворая, сама за всѣмъ не догляжу — такъ прахомъ все и пойдетъ, развѣ кто чужое добро пожалѣетъ?..

— Про это что и говорить, при хозяйкѣ работница еще туда сюда, а не будешь сама доглядать, такъ плохо дѣло.

— То-то вотъ и есть, Онюшка! Такъ-то вотъ и я думаю. На тебя только и надежа... за тобой мнѣ будетъ какъ у Христа за пазухой. Не откажи, родная, Богомъ прошу...

— Да ты не проси, Стеша, развѣ я къ тому. Дай только все удумать, да уладить по доброму, да по хорошему, а не зря какъ. Развѣ

я отказываюсь... Не поладимъ коли, не по нраву придусь, ну и уѣду опять, только и всего. Вѣдь это не на года не по контракту, шутила Анисья.

Гостья вздохнула.

— Охъ, Оня, и года-то мои видно не велики... А тамъ ужъ и вовсе за хозяйку будешь, сиротъ наблюдать.

— Ужъ это сестра, какъ кому Богъ по душу пошлетъ, что загадывать. Можетъ быть я вотъ и здорова, а впередъ тебя помру... Ты вотъ думы-то брось, смотри-ка чашка-то твоя замерзла,—дай я горяченькаго налью.

— Все ли у насъ въ Выселкахъ благополучно. Тетку Афимью видаешь часто когда?

— Да вотъ съ Троицына дня не видала, я тогда у обѣдни встрѣтилась—да что я... вру... въ Духовъ день... Такъ и есть въ Духовъ день; дѣвчонку она средней снохи причащала. Говорили мы съ ей...—Ничего, старуха еще бодрая, изъ лица быдто маленечко спала, говоритъ у ребятъ корьха была, такъ все съ ними водилась.

— Дарьку-то не сватаютъ, не слыхать?

— Говорили бытдо къ осени отъ Мальковыхъ сватовъ засылать будутъ.

— Это за кого же, за Серегу что-ли?

— За его. Имъ-то бы и по веснѣ хотѣлось невѣстку въ домъ взять, ну, а Данькинъ-то отецъ раньше осени выдавать не хочетъ: самому, говоритъ, на лѣто работница нужна.

— Ужъ это какъ водится.

— Ну, у Ѳедотихи мужъ-то что—пьетъ все?

— И—и... все до-чиста изъ дома растаскалъ, что ни схватитъ—все въ кабакъ; ужъ такъ пьетъ, такъ пьетъ, что и сказать нельзя.

Мало-по-малу разговоръ сестеръ перешелъ на болѣе интимную почву домашнихъ дѣлъ, ссоръ и слуховъ. Степанида на время забыла свои страхи, и, упиваясь чаемъ до пота, молодыя бабы дали волю своимъ языкамъ.

Даже уже поздно вечеромъ, лежа на одной постелѣ, подруги шепотомъ передавали разныя новости и случаи изъ своей жизни.

Рано утромъ, когда еще добрая половина города спала крѣпкимъ сномъ, Анисья съ Степанидой заложили лошадь, вынесли и уложили въ телѣгу спящаго Ваську, расцѣловались и разстались за воротами, все еще что-то крича другъ другу въ догонку. Степанида уѣзжала домой съ об-

легченнымъ сердцемъ: она почти заставила побожиться Анисью, что та переѣдетъ къ нимъ на жительство послѣ перваго Спаса. Однообразно потянулась жизнь—лѣтняя трудовая крестьянская жизнь Степаниды. Чуть свѣтъ, еще солнце не всходило, а ужъ изъ трубъ поднимается дымокъ; это заботливыя хозяйки затопили печи, чтобы не отпустить мужиковъ безъ горячаго завтрака въ поле. Чуть проводятъ ихъ на работу, какъ пора скотинѣ мѣсить, корову доить, только-только до пастуха справиться. А тамъ, глядишь, ребята поднялись и ѣсть запросили, нужно ихъ кормить, посуду вымыть, въ избѣ прибрать, хоть какую-нибудь чистоту да соблюсти. Потомъ, забравши узелокъ къ обѣду, бѣжать самой въ луга или въ поле. Вечеромъ торопиться къ стаду, принести воды, а тамъ опять хоть щепочекъ развести, да сварить чего-нибудь къ ужину. Вотъ и весь день. Какъ ни дологъ онъ, а минутки для отдыха не выберешь: ляжешь спать, какъ подкошенная, а утромъ, кажется, и не всталъ бы. Степанида была хотя и одна и трудновато ей было справляться, но за то въ этомъ одиночествѣ была своя хорошая сторона. Некому было помочь, зато некому и бранить и взыскивать. Дмитрій старался за двоихъ и, если бы не собственная охота жены топить печь спозаранку, удовольствовался бы охотно холодной картошкой, да хлѣбомъ съ лукомъ. Но Степанида и слышать не хотѣла отставать отъ людей и вскакивала наравнѣ съ здоровыми. Жаркій, сухой, лѣтній воздухъ укрѣпилъ больныя легкія, она чувствовала себя гораздо бодрѣе, чѣмъ весной, явился даже аппетитъ. Корова доила хорошо, молока было вволю, и больная пила его, не боясь обидѣть ребятъ. Но вотъ промелькнулъ и Ильинъ день съ его всегдашней грозой, насталъ первый Спасъ—медовый, а за нимъ и второй—яблочный, а Анисья все не ѣхала. Послѣ первой половины августа, погода вдругъ измѣнилась: подулъ сырой западный вѣтеръ, полились дожди. Деревня приняла сразу грязный неприглядный видъ. Поля стояли пустыми и неубранный еще овесъ, сложенный наскоро въ копны, мокъ подъ дождемъ. Степанида за одно съ погодой тоже захирѣла. Промочивъ ноги на рѣкѣ, она начала опять звонко и сухо кашлять, хватаясь невольно за свою впалую грудь.

— Охъ, и что это только Оня не ѣдетъ,—вспоминала она каждый день,—отдохнула бы я. Страху-то этого у меня бы не было, а то такъ душа мретъ: вотъ вотъ слягу совсѣмъ, вотъ совсѣмъ обезсилю—какъ будетъ домъ безъ хозяйки. Ивановъ день на дворѣ, праздникъ престольный, а я какъ муха брожу.

Наконецъ, за три дня до праздника пріѣхала Анисья. Какъ всегда это бываетъ, пріѣхала тогда, когда Степанида почему-то ее не ждала. Бѣдная женщина такъ обрадовалась, что чуть не упала. Сердце заби-

лось шибко, шибко, духъ захватило и на глазахъ выступили слезы.

— Чтой-то, Оня, долго-то какъ! Я ужъ не чаяла, что пріѣдешь,— еле могла выговорить она.

— Насилу выбралась родная, весело отвѣтила гостья, крѣпко цѣлуя хозяйку. — Хозяева все не пущали: хозяйка у насъ послѣднее время ходитъ, съ чужой кухаркой оставаться не хотѣлось, такъ тетку изъ своей деревни выписывали. Ну, покуда списались, покуда что... время и не видно... Здорова ли милая?

— Была здорова, а теперь опять что-то свихнулась, застудилась что-ли.

— Да ужъ и погодка же! Грязища—не приведи Господи. Тащились мы, тащились...

— Поклажу-то вносить коль, Павловна? спросилъ мужикъ, привезшій Анисью.

— Во дворъ въѣзжай, землячокъ, тамъ и разберешься. Андрюшенька, здравствуй родной, бѣги въ избу проворнѣ, иззябъ—чай.—И Степанида поцѣловала высокаго русоволосаго мальчика лѣтъ десяти.

— Хозяина какъ на грѣхъ дома нѣтъ, снесете ли сундукъ-то?

— И, что ты, Стеша. А я-то на что, — засмѣялась Анисья, — я не плоше любого мужика возьмусь. И дѣйствительно, на рослую крѣпкую женщину пріятно было смотрѣть. Казалось, ей никакой трудъ не будетъ тяжелъ. Отъ всей ея фигуры такъ и вѣяло цвѣтущимъ здоровьемъ, силой и весельемъ. Когда Дмитрій возвратился съ гумна, въ избѣ было уже все прибрано и вся горенка приняла какой-то щеголеватый видъ. У боковой стѣны поставили большой сундукъ, окованный бѣлымъ желѣзомъ, надъ нимъ висѣли какія-то карточки и нѣсколько картинокъ изъ моднаго журнала. Въ простѣнкѣ между окнами помѣстилось небольшое, но чистенькое зеркало, подъ нимъ полотенце съ расшитыми концами. На ихъ божницѣ прибавился большой образъ въ фигурной золоченой ризѣ, украшенной вверху вѣнкомъ яркихъ цвѣтовъ. На столѣ, покрытомъ до половины сѣрой скатертью, кипѣлъ маленькій самоваръ, не ихъ старый, а, очевидно, Анисьинъ новый и ярко вычищенный. Сама Анисья съ разгорѣвшимся лицомъ сидѣла за самоваромъ, ребята жались около Андрея, который показывалъ имъ картинки въ книжкѣ, разсказывая ихъ содержаніе. Въ ихъ обыкновенно тихую, а за время болѣзни Степаниды даже печальную жизнь, точно ворвался лучъ свѣта, и вдругъ стало шумно, нарядно и весело. Стеша, тоже очень довольная, сидѣла у стола передъ налитой чашкой.

Увидя входившаго хозяина, Анисья быстро встала.

— Здравствуй, Дмитрій Ивановичъ, заговорила бойко она,—радъ-ли не радъ, а гостья ужъ расположилась какъ у себя дома — не взыщи,—и она улыбалась, показывая рядъ бѣлыхъ зубовъ.

— Добро пожаловать, гостейка дорогая, Анисья Павловна. Ужъ моя хозяйка всѣ глаза проглядѣла, ожидаючи васъ. Съ новосельемъ поздравляю.

— Дай Богъ жить въ мирѣ да согласіи, добавила Анисья.

— Садись-ко, Митрій, съ нами, попей-ка чайку городского свѣженькаго,—весело заговорила Степанида, — ужъ и впрямь я ровно свѣтъ увидѣла наконецъ.

— Ну, ну, не сглазьте, Богъ съ вами, еще надоѣмъ пожалуй,—смѣялась гостья.

— Ишь ты горницу какъ убрали, ровно къ празднику, оглядывался Дмитрій по сторонамъ.

— Да ужъ я люблю сразу все на мѣсто поставить, да вѣдь вонъ у меня и помощникъ къ тому же, кивнула Анисья на сына, — Андрейка, что же ты съ дядинькой не идешь здороваться.

Мальчикъ подошелъ и конфузливо подалъ руку хозяину, прогоривъ: здравствуйте, дяденька.

— Здравствуй, паренекъ, здравствуй, ишь ты какой большущій вытянулся. Что, книжкой займоваетесь—это дѣло хорошее. Ишь у нашихъ зѣнки разгорѣлись, имъ еще въ первый разъ такія картинки глядѣть.

— А я вотъ въ поле прошелъ, овесъ смотрѣлъ. Дождикъ будто и перемежится теперь: вѣтеръ съ другой стороны подулъ. Завтра утромъ безпремѣнно надо снопы разбивать, а то проростетъ какъ разъ.

— На сѣмена рожь еще не молотили? полюбопытствовала Анисья.

— Нѣтъ еще, вотъ ужъ опосля Иванова дня, что Богъ дастъ.

— Авось я молотить не разучилась, а то меня наши просмѣютъ. Скажутъ, ишь пава городская и цѣпъ забыла въ рукахъ держать.

— Ну вотъ, гдѣ еще забыть. Конечно спервоначалу будто и не сподручно будетъ, а потомъ обойдешься какъ по старому, замѣтила хозяйка,—вотъ любо-то какъ въ три цѣпа пойдемъ стукать.

— Да, какже, такъ я тебя и пустила молотить, — подхватила Анисья, — ужъ чего другого, а молотить ни Боже мой! Тутъ и сила нужна, и пыль въ горло летитъ, распотѣешь вся, и думать не моги, развѣ ворошить будешь.

— Что-же, такъ сразу и отъ работы отстану, чудно какъ-то!

— Чего тутъ чудного. Поправишься, такъ опять безъ дѣла не будешь.

— Да ужъ извѣстно теперь поправляться должна, а не надрываться. Надо прямо говорить, коли Анисья Павловна взялась за тебя поработать, такъ ужъ тутъ нечего ломаться; всѣ знаютъ, что не изъ-за лѣни, а по болѣсти,—рѣшилъ Дмитрій, опрокидывая пустую чашку на блюдечко.

— Ужъ и какъ же я рада, что ты къ празднику-то подоспѣла, Оня. Теперь и мы не хуже людей праздничекъ встрѣтимъ, а мнѣ бы одной не управиться.

— Все будетъ ладно Стеша, небойсь, не ударимъ въ грязь лицомъ.

Весело и говорливо кончился день въ семьѣ и Степанида въ первый разъ послѣ долгаго безпокойства заснула крѣпкимъ и ободряющимъ сномъ.

Громко и звонко раздавался за воротами голосъ Анисьи, скликавшей утокъ. Утки шли, неохотно покидая большую лужу посреди улицы за нѣсколько домовъ отъ своего двора, шли переваливаясь, собирая что-то на ходу и еле-еле подвигались къ дому.

— Утя, утя, уть!—громко раздавался грудной голосъ въ засвѣжѣвшемъ вечернемъ воздухѣ.

— Ну вотъ, я послухменнѣе утокъ иду,—пошутилъ Дмитрій, вывертываясь изъ переулочка за избой съ топоромъ въ рукѣ.

— Ужъ такія-то досадныя, идутъ не идутъ, жди ихъ, стой.

— А ты что-же, Павловна, хотѣла на село за солодомъ итти, аль передумала?

— Ишь ты спохватился вечорашняго дня: давнымъ давно схожено, да и квасъ уже поставленъ.

— И проворна же ты, баба, погляжу я,—замѣтилъ Дмитрій, съ улыбкой глядя на дышащее здоровьемъ румяное лицо говорившей.—Положимъ, что я въ это время весь плетень, почитай, у скирды заплелъ, а все за тобой кажись не угоняться: у тебя ровно въ рукахъ-то все кипитъ—право!

— А что-же, мнѣ такъ и надо, мое дѣло вдовье, должна вездѣ за двоихъ поспѣвать.

— Ужъ этакую работницу кажись каждый съ руками оторветъ. только захоти, только глазомъ моргни, каждый богатѣющій женихъ присватается. Вотъ на что писарь и тотъ какъ увивается, ровно вьюнъ...

Анисья вдругъ вся вспыхнула и нахмурила свои пушистыя брови.

— А ты что, сватать что ли собираешься, что нахваливаешь меня; али женихъ какой на примѣтѣ у тебя есть? — сердито оборвала она Дмитрія и отвернулась снова скликать лѣнивыхъ утокъ.

— Что-же серчаешь-то, — опѣшилъ мужикъ, — серчать-то не на что, чать я спроста, шутемъ...

Дмитрій такъ и не договорилъ того, что хотѣлъ сказать, услыхавъ нетерпѣливый стукъ въ стекло. Быстро обернувшись, онъ увидѣлъ блѣдное и недовольное лицо жены, звавшей его.

Уже почти три мѣсяца жила Анисья въ домѣ своей названной сестры. Она совершенно свыклась съ своей новой обязанностью и бойко и умѣло заправляла всѣмъ хозяйствомъ, не допуская почти ни до какого труда больную хозяйку, но, несмотря на отдыхъ, Степанида чувствовала себя все слабѣе и слабѣе.

Силы, не подбадриваемыя необходимостью вѣчнаго труда, какъ-то сразу упали.

Сидя цѣлый день въ теплой избѣ за самыми легкими ручными работами, больная уставала такъ, какъ не уставала раньше, работая цѣлый день въ полѣ или въ огородѣ.

Спина и грудь ныли постоянно, хотя она старалась больше лежать и не вставала рано.

Да и куда ей было торопиться теперь и зачѣмъ?

Корова будетъ подоена и выгнана въ поле безъ нея, а теперь съ наступленіемъ холодовъ и гонять не нужно. Печку Анисья затопитъ, она только мѣшаться будетъ. обѣдъ ихъ не мудрый, двоимъ у печки и дѣлать нечего.

И вотъ она предпочитала лучше лежать и думать свои невеселыя думы, а времени, свободнаго для нихъ, было не занимать стать.

Каждая бездѣлица, на которую она раньше не обратила бы вниманія, теперь мучила ее, обижала и сердила, вызывая зачастую даже злыя слезы, чего раньше при ея кроткомъ и спокойномъ характерѣ никогда не бывало. И что горше всего, что она сама это видѣла, сознавала и мучилась этой перемѣной. Ровно я баба-яга какая сдѣлалась, скоро люди отъ меня бѣгать начнутъ, — язвила она сама себя послѣ припадка безпричиннаго раздраженія.

— Опостылѣла я чать имъ всѣмъ, опротивѣла! Дѣти, всегда льнувшія къ своей доброй и ласковой мамкѣ, пристававшія со всякими своими пустяками, видя ее теперь почти всегда ворчливою и недовольною, начали мало-по-малу, сторониться отъ нея и охотнѣе бѣжали къ всегда веселой Анисьѣ, тѣмъ болѣе, что та никогда не отгоняла ихъ отъ себя.

Съ ней было весело, она и сама работала и ихъ заставляла помогать себѣ, находя какое-то веселое дѣло. Она такъ и сновала, то по

двору, то въ хлѣвъ, то въ огородъ, всегда озабоченная, но всегда ласковая и разговорчивая. Да и она сама, желая успокоить больную, постоянно твердила имъ: „не приставайте вы къ матери; дайте ей покой, видите, что ей недужится, коли нужно что—у меня спрашивайте“.

И дѣти бѣжали къ ней и съ своими ссорами и играми, горемъ и радостью.

А Степанида оставалась одна съ своими горькими думами.

Дмитрій вошелъ въ избу и снявъ полушубокъ сѣлъ около жены на лавку.

— Ну что, али все неможется?—ласково спросилъ онъ ее, проводя рукой по плечу,—а и жарко же у насъ!

— А я такъ все зябну, ничѣмъ согрѣться не могу, такъ все и сижу въ кацавейкѣ,—слабо проговорила она,—ты что, плетень что ли заплеталъ?

— Да, заплелъ. Ты што звала меня, надо что ли было што?

— Ничего не надо, да ужъ одной-то больно скучно: вы все смѣетесь, да разговариваете, а я одна да одна.

Дмитрій молчалъ и пристально глядѣлъ на жену, которая вязала шерстяную варежку, не поднимая глазъ.

— Господи, извелась-то какъ сердечная,—тоскливо думалъ онъ,—въ чемъ душа держится, кожа да кости, и сама какъ восковая, а глаза закроетъ, мертвая, да и только! Давеча утромъ такъ даже жутко стало, какъ взлянулъ на нее покамѣстъ спала—прямо хоть подъ образа клади.

— Къ дохтуру хоть бы ты въ городъ съѣздила, — неосторожно вырвалось у него.

Степанида вздрогнула и какъ-то подозрительно посмотрѣла на мужа.

— Что это тебѣ вдругъ вздумалось; я вѣдь ничего, зябну, говорю, вотъ только.

— Да ужъ съ лица-то больно спала,—ровно изъ воску!

— Еще бы: я все въ избѣ, да въ избѣ. Вы вонъ съ Анисьей небось на волѣ работаете, вѣтеркомъ васъ обдуваетъ, поневолѣ румянецъ въ лицо вступитъ, а меня ужъ и за порогъ не пускаете, ровно въ тюрьмѣ сижу! раздражительно говорила она нервно вздрагивающими губами.

— Да вѣдь радъ бы пустить: намедни пошла на гумно, помнишь, какъ лихоманка затрясла, совсѣмъ свалилась!

— Ну такъ что, отлежалась же! Вѣдь раньше работала же, не плоше Анисьи вездѣ поспѣвала, а теперь безъ работы мнѣ хуже неможется... — и капризныя слезы навернулись на глаза больной женщины.

— Вотъ коли завтра Богъ ведрышко дастъ, пойдешь на гумно, разгуляешься; мы съ Анисьей овинъ будемъ насаживать.

— Куда уже мнѣ за вами! Развѣ на заваленкѣ у избы посижу; что я мѣшать-то пойду, да людей стращать собой, — ворчливо замѣтила больная.

— Ну вотъ что выдумала—стращать! Тебя же жалѣючи говорю, а ты обиждаешься.

— Жалѣете... что мнѣ отъ вашего жалѣнья за прибыль. Засадили въ избу, отъ всего хозяйства оттерли... развѣ я этого проспала, что мнѣ въ своемъ дому чурбаномъ безсловеснымъ быть; только только что съ пальца не кормите!

— Что ты Стешинька, что съ тобой, про что ты! — Недоумѣло глядѣлъ на нее Дмитрій.

— Да ужъ и скучно же мнѣ, тяжко-то какъ, не глядѣла бы я на свѣтъ!—вдругъ заговорила она, бросая работу и прислоняясь къ плечу мужа,—всѣ-то на работѣ, всѣ-то за дѣломъ, а я день деньской одна да одна!—Она быстро вытирала слезы, катившіеся по ея худымъ щекамъ.

— Что-же дѣлать-то родная, вотъ погоди снѣгъ выпадетъ, работы всѣ справимъ, всѣ тогда въ избу забьемся: вы за пряжу сядете, а я за клѣтки примусь, всѣ въ кучу собьемся. Нашто плакать-то, глупая!—И Дмитрій ласково гладилъ по спинѣ плачущую жену.

— Да и тебѣ-то Митря, какая я жена, совсѣмъ лядащая стала... ни дѣтямъ мать, ни хозяйка, такъ... только глаза мозолю... помирать знать пора...

— Полно грѣшить-то, полно... ровно мы тебя сбываемъ, а ты слышь, ребята идутъ—чу... Полно-ко плакать-то, негоже вѣдь, перестань... Нашто думать этакъ-то...

Степанида быстро поправила платокъ на головѣ и снова взялась дрожащими руками за вязанье.

Вмѣстѣ съ струей свѣжаго воздуха ворвались ребята, за ними, пролѣзая бокомъ, въ дверь вошла Анисья съ полными ведрами воды на коромыслѣ.

— Дмитрій Ивановичъ, самоваръ раскрывай, — заговорила она, опуская свою ношу,—не знай какъ ты, Стешинька, а я до страсти пить хочу... Ишь ты до темноты вяжешь, чать глаза-то устали,

— Ну что же, давайте коли пить,—лѣниво отозвалась хозяйка, вставая собирать посуду.

Съ чутьемъ умной и сердечной женщины, Анисья понимала, что Степанидѣ будетъ обидно, если ее будутъ отстранять отъ работы и потому всѣ легкія обязанности предоставлялись больной; зачастую Анисья

даже выдумывала занятіе, преувеличивая его спѣшность и значеніе, какъ напримѣръ, вязанье варяжекъ, чулокъ и чинку бѣлья. Въ спокойные дни Степанида вѣрила этому и съ удовольствіемъ работала, но въ большинствѣ случаевъ она только молчала, горько сознавая свое безсиліе.

Черезъ полчаса вся семья сидѣла за самоваромъ.

— Слышь, Стеша,—начала Анисья, подувая на блюдечко—у Никанора хозяйка распросталась, тебя, говорятъ, въ кумы хотятъ звать; давеча я на селѣ сестру его видала,—говоритъ Никаноръ къ намъ обѣщалъ быть... Мальчишка такой говоритъ здоровый родился.

— Ну, какая я кума,—недовольно отозвалась хозяйка,—тягота только одна: нужно а въ церкву ѣхать и крестины справлять. Ужъ какъ ни вертись, а все проздравлять придется, выпить стаканчикъ заставятъ, а я, кажется, теперь задохнусь, какъ только въ ротъ вино возьму.

— Ужъ и не знай какъ,—замѣтила Анисья, — а ровно и отказаться-то не ладно будетъ; это дѣло уже такое, да и съ родни никакъ?

— Какже, въ свойствѣ, — отозвался Дмитрій, — тетки Устиньи сынъ, а она мнѣ двоюродной приходится.

Въ это время въ сѣняхъ послышались шаги и въ дверь, пуская клубы пара, вошелъ молодой мужикъ съ еле пробивающейся бѣлокурой бородкой. Снявъ шапку и помолившись на образа, онъ степенно поклонился хозяевамъ.

— Чай да сахаръ... пріятнаго вамъ апетита...

— Здравствуй, Никанорушка, спасибо... милости просимъ,—отвѣчали ему.

Анисья встала и пододвинула гостю скамейку, снявъ съ нея пустое ведро.

— Садись-ка Никаноръ Матвѣичъ, — смотрика-сь, Стеша давеча лишнюю чашку на столъ поставила, какъ быть гостя поджидали!

— Съ сынкомъ, говорятъ, тебя проздравить можно,—начала Степанида,—дай Богъ ростить да на радость. Чать рады, что сынъ, а не дѣвченка?

Никаноръ сконфуженно улыбнулся.

— Благодарю покорно, Степанида Григорьевна, конечно, быдто мальчика пріятнѣе,—все работникъ... Вонъ и дѣдушка все ладилъ—дѣвки не надо, а по мнѣ такъ быдто все единственно...

— Ну да тебѣ самому-то бы въ бабки еще играть,—засмѣялся Дмитрій,—смотри еще ужотко съ сыномъ за бабки сцѣпишься! Ахъ ты Никашка, Никашка,—чудно ей Богу, давно-ли мальчишкой былъ; есть ли тебѣ девятнадцать-то годовъ?

— Ну ужъ ты, братъ, наскажешь: чай съ Троицы двадцатый идетъ ужъ.

— Рановато женили, нечего сказать,—улыбнулась Анисья, — конечно, что нельзя иначе было: сестеръ замужъ повыдали все въ семьи; работницы въ домѣ нѣтъ, матушкѣ ни подмоги нѣтъ, ни утѣхи, а теперь вотъ внученокъ все-жъ таки въ домѣ есть.

— Ужъ это вы правильно разсудили, Анисья Павловна, вотъ въ воскресенье кстить хотимъ: кумомъ-то писарь обѣщался быть, а ужъ въ крестныя тебя, Степанида Григорьевна, звать пришелъ,—не откажи, сдѣлай милость...

Никаноръ всталъ и поклонился хозяйкѣ.

— Охъ, Никаша, съ великимъ бы моимъ удовольствіемъ, да не подъ силу мнѣ право, ужъ больно-то мнѣ неможется, ужъ уволь ты меня Бога ради, не проси; была бы здорова ни въ жисть бы не отказалась!

— Какже это, Степанида Григорьевна, а ужъ мы были обнадежены, и батюшка съ матушкой и моя хозяйка такъ васъ и думали... къ кому-же я теперь!..—растерянно говорилъ Никаноръ.

— Вотъ Оня развѣ за меня пойдетъ! — оживилась Степанида, найдя исходъ,—я и ризки и все что нужно со всей душой справлю, только итти-то сама не могу.

— Анисья Павловна, ну хоть вы-то уважьте!—и Никаноръ снова поклонился уже Анисьѣ.

— Я что-же, съ моимъ удовольствіемъ,—согласилась та, да какже, можетъ быть ваши-то домашніе не захотятъ меня... вѣдь они Стешу звали...

— И—что вы! Если же Степанида Григорьевна отказывается, такъ они очинно будутъ вамъ рады: вѣдь мы васъ всѣ за сестеръ считаемъ.

— Ну когда такъ, такъ ладно! Спасибо за честь!

— Ужъ и подвелъ же ты ее Никаша,—засмѣялся Дмитрій, лукаво мигнувъ на Анисью,—писарь-то за ней во какъ увивается, можетъ сватать хотѣлъ, а ты ихъ покумишь—вотъ тебѣ и крышка!

— Будетъ ужъ тебѣ выдумывать-то, — отозвалась притворно сердитымъ тономъ та,—что нѣтъ что ли ему невѣстъ моложе, что за старухой погонится.

— Ужъ и старуха!

— А что-же, противъ него-то—конечно! Што ему года 23—24, а мнѣ ужъ сколь!.. ужъ коли его и подвели, такъ развѣ тѣмъ, что скажутъ: вотъ такъ куму пригласили—старую вдову.

— Ну ужъ ты наскажешь... протянулъ Дмитрій, взглянувъ любующимся взглядомъ на молодую женщину.

— Ужъ чего и говорить,—поддержалъ его и Никаноръ, вы еще самую молодую за поясъ заткнете!

Анисья засмѣялась; ей, какъ каждой женщинѣ, не могла не быть пріятна такая похвала.

И въ самомъ дѣлѣ: вся раскраснѣвшаяся отъ чая и жарко натопленной печи, съ блестѣвшими глазами, она была очень красива и моложава. Одѣвалась она хотя по деревенски, но жизнь въ городѣ на мѣстахъ научила ее больше заниматься собою и развила вкусъ и привычку къ чистотѣ.

Бѣлая миткалевая сорочка и кумачный сарафанъ были безукоризненно чисты и разглажены, а темные гранатовые бусы красиво оттѣняли ея бѣлую шею; на бѣлокурыхъ волосахъ былъ повязанъ кончиками назадъ малиновый тибетовый платочекъ.

Степанида машинально подняла голову и, встрѣтивъ блестящій взглядъ мужа, устремленный на Анисью, какъ-то изумленно тоже посмотрѣла на нее. До сихъ поръ ей никогда не приходило въ голову думать, красива Оня или нѣтъ; она такъ привыкла къ ней съ дѣтства, что вопросъ этотъ никогда ей не приходилъ въ голову.

— А вѣдь и вправду ей опять можно замужъ выйти,—подумала она,—еще совсѣмъ молодая баба.

Поговоривъ еще о разныхъ житейскихъ нуждахъ и домашнихъ дѣлахъ, Никаноръ простился съ хозяевами, пригласивъ Дмитрія съ женой на крестины; но такъ какъ послѣдняя на-отрѣзъ отказалась, то Дмитрій обѣщалъ прійти вмѣстѣ съ Анисьей.

Давно была глухая ночь. Всѣ въ избѣ спали крѣпкимъ сномъ кромѣ Степаниды; уже давно она привыкла къ этимъ безсоннымъ тоскливымъ ночамъ. То ей было душно и она сбрасывала съ себя одѣяло, то холодный потъ выступалъ на всемъ тѣлѣ, заставляя кутаться съ головой въ шубу. Чего чего не передумала она въ эти непроглядныя осенніи длинныя ночи!

Иногда мысли ея бродили по самымъ обыденнымъ вещамъ; она перечисляла всѣ сдѣланныя домашнія работы, всѣ тѣ, которыя были на очереди, вспоминала когда отелилась корова, не пора ли перестать поить теленка, сколько куръ нужно весной посадить на носку, сколько холстовъ выбѣлить и т. д. Иногда же, забывая свою болѣзнь и страхъ скорой смерти, она уносилась мечтами въ будущее, выдавала уже дочерей

замужъ, женила сына, чуть ли не няньчила внучатъ! Но чаще всего думалось ей тоскливо, что вотъ умретъ она и не дождется когда подростетъ даже старшая дѣвочка, не порадуется на нихъ на всѣхъ и отъ этой мысли ей дѣлалось такъ тяжело и тоскливо, что она начинала горячо молиться.

— Господи, не попусти,—шептала она дрожащими губами,—Господи продли мнѣ вѣку, хоть для малыхъ дѣтей, не оставь ихъ сиротами! И горячія слезы бѣжали по впалымъ, горѣвшимъ лихорадочнымъ жаромъ, щекамъ. Въ ночь, послѣ ухода Никанора, ей все приходила на мысль Анисья; какая она еще красивая да молодая... И впрямь, чего ей убиваться надъ чужой работой, того и гляди посватаетъ кто-нибудь, не все же молодые только женятся да замужъ выходятъ; вотъ на селѣ Емельянъ богатый мужикъ вдовый и дѣтей всего двое, вотъ бы посватался... онъ вдовецъ, она вдова... Вдовецъ... можетъ быть и ея Дмитрій скоро вдовцомъ будетъ... женится на ней... ее скорехонько забудутъ, ровно и не было. Дѣти къ ней и безъ того привыкли, объ матери скучать не станутъ! Вонъ онъ давеча какъ хвалилъ ее: молодая, говоритъ... и глядѣлъ-то какъ женихъ на невѣсту!

И вдругъ точно кто рѣзнулъ по сердцу больную: ревнивая мысль впервые взбрела ей на умъ... молодая... а она Степанида, вѣдь она моложе ея, а на что похожа стала—ровно старуха передъ ней!

То-то и Дмитрій замѣчаетъ: больно изъ лица, говоритъ, измѣнилась... Нужно и вправду хоть подумать о себѣ немного, а то повяжется какъ старуха, по недѣлѣ въ зеркало не заглянетъ, а въ сундукѣ вѣдь и у нея и бусы и платочки цвѣтные. Одинъ платокъ лежитъ съ самой свадьбы почитай—желтенькій съ цвѣточками; мужъ въ городъ ѣздилъ, гостинецъ привезъ, ужъ очень онъ ей къ лицу шелъ и Дмитрій-то ее все бывало желтой маковкой звалъ... Да была она тогда и полная и румяная, смотрѣть чать ему было весело тогда, что жена у него такая, а теперь... Совсѣмъ, совсѣмъ негодная дрянная старушонка стала... И опять обидныя слезы текли изъ ея глазъ.

А чѣмъ она виновата, вѣдь на работѣ же извелась, да застудилась... работала тоже силъ не жалѣла, некогда было о здоровьи раздумывать.

— Ужъ лучше бы я Оню и не выписывала,—съ горечью думала она,—наняли бы работницу, она бы свое мѣсто знала, къ ней и дѣти-то бы не привыкли, поневолѣ къ матери бы шли, а теперь только и слышишь: „тетя Оня“, да „тетя Оня“, а меня ровно и въ избѣ нѣту, и Митрій все съ ней обо всемъ совѣтуется!

Право ужъ лучше бы она замужъ выходила, — тоскливо думала Степанида,—пока я въ работѣ была, силы-то словно больше было, а теперь съ одной думы такъ и то зачахну!

Въ такихъ горькихъ безотрадныхъ мысляхъ прошла цѣлая ночь и только къ утру больная забылась тревожнымъ сномъ.

Шумно и людно было въ воскресенье въ избѣ Никанора. Ребенка окрестили, назвавъ Андреяномъ въ честь дѣдушки, и воротившіеся изъ церкви гости угощались пирогами, лапшей, водкой и пивомъ. Батюшка съ причтомъ ушолъ тотчасъ послѣ пирога, остальные же гости, повидимому, не разсчитывали такъ скоро оставить гостепріимныхъ хозяевъ. Бабушка уже обошла всѣхъ гостей, собирая „на кашу", и теперь довольная и веселая сидѣла въ боковушкѣ съ матерью совсѣмъ молоденькой и миловидной женщиною.

Анисья съ писаремъ сидѣли на почетныхъ мѣстахъ въ переднемъ углу; ихъ безпрестанно подчивали и упрашивали выпить. Писарь, вопреки предсказаніямъ Дмитрія и самой Анисьи, былъ очень доволенъ своей кумой, главнымъ образомъ тѣмъ, что она была городская, и потому сыпалъ ей самые отборные комплименты и мудреныя слова. Анисья, выпившая двѣ рюмки сладкой водки и стаканъ меду, весело болтала, отшучиваясь отъ замысловатыхъ любезностей.

— Я хоть и въ городѣ жила, а говорить мудрено не умѣю, потому вы мнѣ изъ политики не говорите, а попросту,—уговаривала она своего витіеватаго сосѣда.

— Полноте притворяться такой простотой,—протестовалъ тотъ,— вы даже, напротивъ, очень образованная женщина, я самъ боюсь проштрафиться чѣмъ нибудь передъ вами въ разговорѣ, такъ какъ промежъ сѣраго народа и самъ засѣрѣешь.

— Мы хоша и сѣры, да разумъ у насъ есть и всякое пониманіе тоже!—Обидѣлся вдругъ слегка захмѣлѣвшій Дмитрій, не очень дружелюбно посматривавшій на писаря.

— Что же, Петръ Спиридоновичъ нашей компаніей не гнушается, спасибо ему!—замѣтилъ миролюбиво отецъ Никанора, сѣдой благообразный старикъ,—а ужъ, конечно, намъ за городскими не угоняться.

— А по моему лишь бы человѣкъ былъ стоющій,—не унимался Дмитрій,—а то все единственно въ городу ли онъ, въ деревнѣ ли... Тоже и въ городу всякихъ шельмецовъ довольно!..

— Да ты про что это?—остановила его Анисья,—мы про разговоръ, а ты про человѣка приложилъ, ну и выходитъ: мы про Ѳому, а ты про Ерему...

Всѣ разсмѣялись.

— Да, я что-жъ, я ничего, только къ слову сказалъ, что молъ нашъ братъ мужикъ разумъ имѣетъ.

— Ужъ и не повѣрю я вамъ, Анисья Павловна, чтобы вы здѣсь не скучали,—продолжалъ писарь,—все же здѣсь никакого общества нѣтъ и развлеченія самыя грубыя, нѣтъ того, чтобы, къ примѣру, романсъ съ гитарой спѣть или кадриль станцовать, тѣмъ болѣе ланце, никто, конечно, и понятіевъ не имѣетъ.

— Э, да ужъ и я все забыла... раньше, когда мужъ былъ живъ, хаживали мы въ гости и въ разныя игры играли и танціи танцовала, а теперь и ступить не сумѣю!

— Полноте, энтому ужъ не разучишься... Вотъ я, къ примѣру, цѣлый годъ здѣсь сидѣлъ, ну, конечно, бываешь въ городѣ по дѣлу — это не въ счетъ, а какъ-то поѣхалъ специіально для блезиру и прямо на именины къ товарищу попалъ, на вечеръ. Вѣрите-ли, такъ разошелся, что всѣмъ на удивленье: восемь дамъ безъ передышки обтанцовалъ! Ну и скружилась у меня голова положимъ, думалъ ужъ совсѣмъ умру анпвризмомъ!

— Это что же—болѣзнь что ли новомодная?

— Всегдашняя-съ, только дѣйствительно она нынче какъ-то больше въ ходу, люди слабѣе стали: сердце сразу лопнетъ, ну и всему человѣку, конечно, капутъ! Отъ танцевъ это весьма возможно, особенно если кто очень стремителенъ и до отчаянія танцуетъ.

— Вотъ у насъ на селѣ кузнецъ Филька мастеръ плясать,—замѣтилъ одинъ изъ гостей,—ужъ онъ тебя такъ разуважитъ, за первый сортъ. Такіе выкрутасы ногами выкидиваетъ—и ничаво! И на голову не жалится: пляшетъ, пляшетъ, семь потовъ съ себя сгонитъ, ужъ кто и на гармоникѣ-то играетъ такъ измается, а онъ хоть бы ти што!

— Или взять къ примѣру циркъ, или фокусниковъ,—продолжалъ писарь, не обращая вниманія на говорившаго,—тоже занятно. Все это надо обмыслить, чтобъ разгадать и понять, а здѣсь ничего нѣтъ для головной фантазіи!

— Здѣсь объ работѣ зато думать можно на просторѣ, меньше пустяковъ въ голову полѣзетъ,—шутила Анисья, желая свести разговоръ на всѣмъ понятныя темы.

— Да отъ думы тоже толку-то мало,—крякнулъ какой-то высокій рыжій мужикъ,—вотъ лѣтось въ Пановѣ дьячка братъ отъ думы-то пить началъ, да и удавился, а все отъ чего,—оттого, что дѣла не дѣлалъ—въ башку-то блажь и взбрела.

— Ну вотъ тоже—отъ думы! Просто нестоющій человѣкъ былъ: къ городу не присталъ, отъ деревни отсталъ, такъ мыслями и разбился, меланхолику на себя напустилъ, больше ничего,—замѣтилъ писарь.—А вы одначе, кумушка дорогая, ничего не пьете; дозвольте чокнуться съ вами хоть медомъ, а я пивка выпью.

Хозяинъ поспѣшилъ наливать пива во всѣ порожніе стаканы.

— Кушайте гости дорогіе,—кланялся онъ всѣмъ.

— Съ крестникомъ васъ, Петръ Спиридоновичъ, Анисья Павловна,—кланялись гости,—много лѣтъ и вамъ и ему здравствовать; дай Богъ вамъ у него на свадьбѣ пировать.

— Пойтить мнѣ куму мою поздравить еще разъ, да ужъ за одно и попрощаться,—поднялась Анисья съ своимъ стаканчикомъ,—ишь запировались какъ—ночь ужъ на дворѣ.

— Что вы, кумушка, посидите... Нонѣ дни короткіе, а еще время немного чай,—отозвалась замужняя сестра Никанора, которая пришла помогать и возилась все время у печки.

— Да и мнѣ ужъ пора,—поднялся также и писарь,—мнѣ еще дѣловъ сегодня по горло, а завтра чуть свѣтъ въ Ключищи ѣхать, почту сдавать.

Изба Никанора стояла у самой околицы, и нужно было пройти какъ разъ всю улицу изъ конца въ конецъ къ избѣ Дмитрія. Писарь почти у самыхъ воротъ началъ прощаться, такъ какъ его дорога лежала въ противоположную сторону черезъ мостъ въ село къ волостному правленію.

— Спокойной вамъ ночи,—расшаркивался онъ передъ кумой, подавая ей руку,—пріятныхъ сновидѣніевъ. Очень лестно было имѣть съ вами канпанію; не обезсудьте, если что не къ мѣсту сказано было... пардонъ-съ.

— И полноте, Петръ Спиридоновичъ, что вы это?

— Позвольте какъ-нибудь праздничнымъ досугомъ вамъ визитъ доставить.

— Милости просимъ, будемъ очень рады, чай кушать пожалуйте какъ-нибудь.

Дмитрій стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ и хотя слышалъ весь разговоръ, но не желалъ ничего говорить будущему любезному гостю и только приподнялъ шапку.

Сумерки были ясныя и холодныя; луна, постоянно закрываемая скользящими облаками, обливала улицу блѣднымъ молочнымъ свѣтомъ. Со стороны гумна потянуло дымкомъ.

— Видно овинъ кто-то топитъ,—прервала молчаніе Анисья.

— Да... И чего этотъ писарь ломается,—началъ вдругъ сердито Дмитрій,—точно дергаетъ его кто! Подумаешь, не вѣсть птица какая: сѣрые да сѣрые. А чать отъ сѣрыхъ же мужиковъ пользуется, а то поди и жрать бы было нечего. Тоже въ городу-то ихняго брата, какъ нерѣзаныхъ собакъ безъ мѣстовъ шляется!

— Да тебѣ-то что? Чего серчаешь, тебя что ли онъ обидѣлъ?

— Обидѣлъ! Какже, дался бы я ему въ обиду, держи карманъ... А такъ говорю—тошно смотрѣть, чего изъ себя выстраиваетъ. Ломался бы съ фабричными дѣвками у себя въ Разгуляевѣ, оттуда вѣдь переводся, а къ нашимъ бабамъ бы не лѣзъ.

— Что же ты разошелся-то какъ, а?

— Вонъ Булатовскіе парни прошлую зиму хотѣли ему бока намять, какъ онъ на посидѣнки повадился да дѣвокъ какимъ-то мудренымъ играмъ научать—хванты что ли какіе... Такъ ему за эти хванты того наобѣщали, что живо утекъ,—продолжалъ злиться Дмитрій.

— Такъ то дѣвки—другое дѣло. Можетъ у кого невѣсту отбилъ, а со мной ему только и есть, что языкъ почесать.

— Кто его разберетъ, что у него въ башкѣ. Извѣстно думаетъ ты вдова, къ городскимъ фертамъ привыкла, а ужъ супротивъ его чать думаетъ никто не устоитъ, да и кто васъ правда бабъ разберетъ: вамъ эти выверты-то ндравятся.

Анисья расхохоталась.

— Ахъ, ты, баушка Ѳекла—ворчунья. Ишь разворчался, что мнѣ семнадцать годовъ что ли, что ты меня остерегаешь, да на умъ наставляешь,—и Анисья смѣялась, чувствуя невольно, что нападки на писаря ей пріятны, не потому, чтобы она имѣла что-нибудь противъ него, а потому, что нападаетъ и сердится именно Дмитрій. Все-таки, точно боясь договориться до чего-нибудь болѣе опредѣленнаго, она круто перемѣнила разговоръ.

— А вотъ зимы-то, однако, все нѣтъ какъ нѣтъ,—замѣтила она, глядя на небо,—ишь облака-то какъ бѣгутъ, авось вѣтромъ и снѣга надуетъ къ Кузьмѣ-Демьяну, пора-бы!

— Да, снѣжку теперь не худо, а то озими какъ разъ позябнутъ—отозвался довольно безучастно ея спутникъ; очевидно его занимала какая-то другая мысль.

Недовольная и раздражительная дожидалась ихъ Степанида, сидя подъ окномъ въ темной избѣ; ребятишки шептались и возились на печкѣ.

Чѣмъ-то тоскливымъ и мрачнымъ повѣяло на Дмитрія, когда онъ вошелъ въ свою темную, душную избу.

Давно стояла глубокая зима. Маленькая деревушка словно заснула заодно съ природой, засыпанная снѣгомъ. Соломенныя крыши, покрытыя сугробами, казалось, еще ниже насѣли на избы, которыя еле-еле смотрѣли на свѣтъ Божій своими замерзшими оконцами, такъ какъ съ земли вплоть до рамъ были укутаны соломой и навозомъ.

На улицѣ было пусто и тихо. Проплетется изрѣдка лошадка съ дровнями, нагруженными хворостомъ, рядомъ съ ней шагаетъ лѣниво хозяинъ, нахлобучивъ шапку, лѣниво тявкнетъ на нихъ собака изъ чьей-нибудь подворотни, скрипнутъ гдѣ-то ворота и опять тишина, тишина на цѣлые часы. Одинъ только вѣтеръ просвиститъ и закрутитъ шаловливо снѣгъ по дорогѣ. Вечеромъ сквозь мерзлыя окна засвѣтятъ огоньки плохенькихъ лампочекъ, которыя вмѣстѣ съ скуднымъ свѣтомъ распространятъ обильно копоть и запахъ дрянного керосина; только въ одной или двухъ избахъ окна ярче освѣщены, оттуда слышенъ смѣхъ, говоръ и пѣсни—это *посидѣнки* или засидки.

Скучно и томительно было по вечерамъ въ избѣ Дмитрія, хотя всѣ хозяева сидѣли вмѣстѣ у одной лампы, но не было ни прежняго оживленія, ни прежнихъ шутливыхъ разговоровъ, точно каждый изъ нихъ таилъ что-то про себя на сердцѣ; тишина прерывалась кашлемъ Степаниды, да жужжаньемъ веретена въ рукахъ Анисьи. Изрѣдка, точно по принужденію, перекидывались они хозяйственными замѣчаніями. Анисья скучала и раскаявалась въ душѣ, зачѣмъ пошла она въ чужую семью.

— Была сама себѣ голова, думала съ досадой она,—а теперь вотъ обузу навязала, да и только разстройку внесла!

Анисья поняла чутьемъ, что Степанида ревнуетъ ее къ мужу, хотя та ничего никогда не говорила ей по этому поводу, но это чувствовалось во взглядахъ, въ придиркахъ къ Дмитрію, и въ слабыхъ усиліяхъ понравиться мужу, для чего она вдругъ начала наряжаться въ яркіе платки и бусы, съ упрямствомъ больной не замѣчая, какъ эти рѣзкіе цвѣта еще болѣе выдѣляютъ ея худобу и желтизну.

Кромѣ этого какой-то непонятный червякъ точилъ сердце Анисьи, она грустила о чемъ-то безсознательно... То была ласкова и весела, то начинала упорно молчать и съ какимъ-то ожесточеніемъ принималась молотить или колотить валькомъ бѣлье, точно хотѣла на этихъ вещахъ вымѣстить свою досаду; особенно въ эти дни доставалось Дмитрію: она упорно отворачивалась отъ него, еле отвѣчая на вопросы и уходила прочь при первой возможности. Зачастую разсорившись съ нимъ и наговоривъ грубостей, Анисья скрывалась въ клѣть или хлѣвъ, а потомъ являлась съ красными, опухшими глазами. Дмитрій старался, наоборотъ, угождать

ей, засматривалъ въ лицо—не проглянетъ-ли на немъ улыбка, и расцвѣталъ самъ въ тѣ рѣдкія минуты, когда ему удавалось хотя не надолго вызвать смѣхъ, заставлявшій на мгновеніе сверкнуть ея бѣлые зубы и отражавшійся въ ея ласковыхъ карихъ глазахъ, и ходилъ понурившись, когда она сердилась. А за ними обоими слѣдила пара лихорадочныхъ впалыхъ глазъ, вспыхивающихъ сухимъ злымъ блескомъ. Праздный больной мозгъ Степаниды давно угадалъ то, о чемъ здоровые люди боялись и подумать въ самомъ тайникѣ души! Въ такомъ напряженномъ состояніи проходили дни и мѣсяцы, не сближая, а напротивъ удаляя другъ отъ друга троихъ, повидимому, близкихъ людей. Но пришелъ конецъ и зимѣ: зашумѣли ручейки, начали проглядывать проталинки, воробьи весело чирикали, перепархивая съ крыши на крышу, солнышко начало пригрѣвать, а вмѣстѣ съ нимъ все чаще и чаще показывались на улицѣ ребята, закутанные въ старые отцовскіе полушубки и шапки: они усердно помогали шумящимъ ручейкамъ, раскапывая шире ихъ русло и подгоняя палками несущіяся льдинки; появились скворцы въ вновь приложенныя скворешницы; все живое и здоровое заволновалось, встрепенулось, дохнуло полной грудью, приготовляясь жить за одно съ оживающей природой! Рѣка вздулась и поднялась, готовясь разорвать свои оковы и разлиться широкой волной, затопляя окружающіе ее луга.

Звонкіе голоса ожившей улицы доносились и до Степаниды; она одна не радовалась веснѣ, чувствуя, что ея силы уходятъ и уходятъ, хотя въ душѣ мелькала робкая мысль, что стоитъ только настать теплымъ днямъ и она поправится!

Анисья работала въ огородѣ, приготовляя гряды подъ разсаду; Дмитрій тутъ же съ сохой дѣлалъ новыя борозды между ними и убиралъ вмѣстѣ съ нею мусоръ и прошлогоднюю сушь.

Долгое время работа шла молча. Дмитрій нѣсколько разъ украдкой взглядывалъ на молодую женщину, но, встрѣчая каждый разъ суровый взглядъ и озабоченно сжатыя губы, не рѣшался заговорить.

— Эта сторона вся подъ капусту пойдетъ, а тѣ вонъ, ближе къ забору, подъ огурцы; они болѣ на солнцѣ будутъ,—выговорила наконецъ она, не глядя на Дмитрія, показывая только на гряды.

— Управишься ли одна-то, Павловна? Стеша бывало завсегда тетку Афимью на подмогу кликала; огородъ-то у насъ дюже великъ.

— Теперь погода теплая, може и Стеша поможетъ что, а нѣтъ такъ и одна справлюсь.

— Плоха больно она, какъ на твои-то глаза?—робко замѣтилъ Дмитрій, останавливаясь около Анисьи.

— Ужъ чего не плоха, въ чемъ душа держится! почему-то раздражительно отвѣтила та, глубоко всаживая скребокъ въ рыхлую землю,— всю душу она мнѣ надорвала своимъ кашлемъ! Вотъ теперь нужно мнѣ бы въ городъ съѣздить, да не знаю какъ и вырваться.

— Въ городъ... а здѣсь-то какже останемся безъ тебя?

Анисья какъ-то горько усмѣхнулась.

— Что-жъ я пришита, что-ли къ вамъ? Стешѣ Богъ по-душу пошлетъ, такъ уѣду же!

— Какже уѣдешь-то! растерянно бормоталъ Дмитрій,—бросишь развѣ, а ребята-то на кого-же останутся?

— Что-же, али ты думалъ на вѣкъ я здѣсь?

— Думать-то я по-правдѣ сказать ничего объ этомъ не думалъ, привыкъ вотъ только... какже безъ тебя...

— Привыкъ, такъ и отвыкнешь! работницу возьмешь, — губы Анисьи дрожали и грудь высоко поднималась,—а потомъ и женишься опять, не старикъ вѣдь!

— На комъ жениться мнѣ! угрюмо отвѣтилъ тотъ,—нѣтъ ужъ пущай, коли такъ, все прахомъ пойдетъ!

— Что пустяки-то молоть, одинъ ты что ли, развѣ за сиротъ Богу не отвѣтишь?

— А ты же вотъ бросишь!

— Я не отецъ—чужая, чай!

— То-то видно не чужая! Эхъ, Анисья Павловна, грѣшно тебѣ! — заговорилъ грустно молодой мужикъ, и голосъ его дрогнулъ,—я къ тебѣ всей душой, а ты меня ровно пса какого чураешься. Богъ съ тобой!

— Щеки Анисьи покрылись густымъ румянцемъ и рука, охватившая черенокъ скребка, нервно дрожала.

— Ишь что не скажешь, неестественно улыбаясь, отвѣтила она,— чураюсь! что мнѣ тебя чураться, а только что всякъ свое дѣло дѣлаетъ,— вотъ и все, больше у насъ и разговоровъ никакихъ нѣтъ.

— Вѣдь говорили же раньше-то?

— Чего говорили-то, все то же: что нужно и теперь говоримъ!

— И скажешь, такъ наровишь въ бокъ глядѣть, ровно я оборотень какой!..

— А что тебѣ до моего глядѣнья, шубу что ли изъ него шить?

— А если у меня все сердце изныло, почти шопотомъ,—наклонясь къ ней, заговорилъ Дмитрій,—я бы можетъ за твое одно ласковое слово душу вынулъ, а ты все наровишь на̀ зло мнѣ, да на̀ зло!..

Анисья не имѣла даже силы отодвинуться отъ него; колѣна дрожали, рука, сжимавшая скребокъ, даже побѣлѣла и голосъ сразу не слушался.

— Опомнись, Дмитрій Ивановичъ, что говоришь-то,—жена при смерти, а у тебя что на умѣ!..

— Я ничего больше и не говорю, а только мнѣ силъ моихъ нѣтъ смолчать! Всю зиму душа болѣла, вѣдь не дурное я тебѣ что говорю, не на грѣхъ какой навожу, а что-же ты добромъ-то говорить не хочешь со мной, хоть взглянула бы когда, такъ и тово нѣтъ! ровно я тебѣ ворогъ али злодѣй какой...

— Зачѣмъ спрашивать-то вздумалъ, коль молчалъ всю зиму; и еще бы молчалъ...

Да ужъ къ слову пришлось, да и вѣдь не камень же я,—скажи хоть, за что противенъ-то сталъ?

— Противенъ!.. Да можетъ быть въ тысячу разъ было бы легче, коли противенъ-то былъ—грѣха меньше бы было, да и Стеша спокойна была бы,— заговорила горячо Анисья, и вдругъ въ голосѣ ея зазвучала мягкая, ласковая нота,—противенъ!.. Не противенъ ты мнѣ,—еще тише добавила она, обдавъ Дмитрія лучистымъ взглядомъ глубокихъ карихъ глазъ.

— Не противенъ, а коли такъ—гонишь-то зачѣмъ и сама завсегда бѣжишь отъ меня?

— А гоню-то... можетъ оттого, что сама своему сердцу не рада... боюсь не совладать съ нимъ!..—почти шопотомъ докончила она, глядя въ землю. Дмитрій быстро потянулся къ ней, точно желая обнять, но она еще быстрѣе отшатнулась и сдѣлалась вдругъ серьезна и сурова.

— Слушай, Дмитрій Ивановичъ,—заговорила она медленно, кладя руку на его рукавъ,—коли ты меня взаправду любишь, поклянись ты на церковь, что никогда, покамѣстъ Стеша жива, ты мнѣ ни единаго слова не скажешь, котораго не сказалъ бы при ней, а не обѣщаешь или обѣщаешь да слова не сдержишь, такъ вотъ тебѣ Мать Святая Богородица, уѣду я и только ты меня и видѣлъ! Никого не пожалѣю!

— Вотъ тебѣ крестъ! И Дмитрій перекрестился на церковь, виднѣвшуюся на пригоркѣ,—мнѣ бы знать только, что не сердишься ты на меня, что не гонишь-то. Развѣ, ты думаешь, не жалѣю я Стешу, а только вижу я, что не жилица она на бѣломъ свѣтѣ, а ужъ, конечно, дѣло извѣстное: живой все же о живомъ думаетъ! Отъ моихъ думъ ей хуже не сдѣлается, я и виду ей не показываю и спокою ее какъ только могу, а ужъ коли отъ Бога ей такой предѣлъ положенъ, видно жизни не прибавишь!

Анисья стояла молчаливая, погруженная въ свои думы, и стыдно ей было и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадно сознавать, что Дмитрій любитъ ее

и ей тоже хотѣлось отогнать назойливые укоры совѣсти и оправдаться тѣми же словами: „чтоже дѣлать, коли живое о живомъ и думаетъ“.

А вокругъ нихъ, какъ отвѣтъ на эту себялюбивую мысль, все щебетало, волновалось и ликовало.

Скворцы и грачи озабоченно копались въ разрыхленной землѣ, розыскивая червяковъ, воробьи и ласточки таскали соломенки и пушинки въ свои гнѣзда, голуби ворковали на крышѣ сарая, пригрѣтыя солнцемъ, а оно такъ и сіяло, точно поощряя всѣхъ къ жизни, любви и радости!..

Только тамъ, на улицѣ, на заваленкѣ, освѣщенная тѣмъ же ласковымъ солнышкомъ, фигура больной изнуренной злымъ недугомъ молодой женщины точно была не у мѣста среди ликующаго гимна природы. Лучи солнца не могли согрѣть холодныхъ влажныхъ рукъ, не могли оживить восковую желтизну лица. Степанида куталась въ тулупъ мужа и точно дремала, прислонясь спиной къ стѣнѣ. Закрывши глаза, полулежала она въ какомъ-то оцѣпенѣніи, не будучи въ состояніи пошевельнуть ни однимъ членомъ; только мозгъ неустанно продолжалъ свою лихорадочную работу, унося ее на яву въ міръ грезъ и бреда.

Ей казалось, что она уже умерла и лежитъ давно тутъ одна, только все слышитъ, что дѣлается кругомъ; вонъ слышенъ чей-то голосъ поетъ пѣсню и такъ звонко выводитъ, что ей ясно слышатся слова, какая это пѣсня. Да, да, знакомая, когда-то она сама запѣвала ее въ хороводѣ: „прощай жизнь, радость моя, слышу ѣдешь отъ меня“. Господи, какой у нея голосъ-то былъ громкій, да звонкій, что твой колокольчикъ! Пѣсня уходитъ все дальше и дальше, а вотъ гдѣ-то дѣтскіе голоса кричатъ, кого-то зовутъ; да, да это ея дѣти зовутъ тетю Оню; всѣ такъ спокойны, объ ней видно забыли и думать! Вонъ и сама Анисья идетъ, а рядомъ съ ней, глядя на нее съ любовью, идетъ Дмитрій съ младшимъ мальчикомъ на рукахъ; дѣти бѣгутъ впереди, всѣ чему-то смѣются!

— Что же вы смѣетесь-то, силится спросить она,—али стыдъ забыли, чать онъ мой мужъ, а не твой!

— Ха, ха, ха, хохочетъ Анисья, и ей вторитъ Дмитрій и всѣ дѣти,—ха, ха, ха; былъ твой, а теперь мой, ишь вспомнила; тебѣ-то что до него, вѣдь ты умерла давно, лежи себѣ смирно! и Анисья любовно обнимаетъ Дмитрія за шею.—Мой онъ, слышишь ли мой, не отдамъ тебѣ! усиливается закричать Степанида и съ усиліемъ открываетъ глаза.

— Ха, ха, ха, слышитъ она уже совершенно явственно и крестится дрожащей рукою.

— Господи, что же это, ужъ на яву сны вижу, али задремала!

Смѣхъ и дѣтскіе крики явственно доносятся до нея; это ребятишки играютъ въ бабки за нѣсколько дворовъ отъ ихъ избы.

— Жива еще, жива, горько шептала себѣ Степанида,—только что толку-то въ этомъ? Кому я нужна—только связа одна!

И горькія позднія раскаянія терзали ея измученную душу.

— Вотъ, думала, хорошо все уладила, выписала себѣ помощницу, захотѣла больше Бога быть, не понадѣялась на Его милосердіе, думала сама при жизни все устрою напередъ. Чего же теперь-то плачусь? Радоваться нужно: дѣти къ Анисьѣ привыкли, какъ къ матери, Дмитрій ужъ конечно женится на ней, хозяйство въ порядкѣ будетъ: все сбылось, какъ по писанному, какъ сама желала! Только вотъ понапрасну ужъ Оню-то въ свекрови къ своей дочери записала, а объ мачихѣ-то и не вспомнила! Отчего же на душѣ точно кошки скребутъ, отчего сердце-то точно кто клещами схватилъ, да и не пускаетъ. Боялась вѣдь, что убиваться шибко будутъ, ребятишки обревутся, мужъ запьетъ съ горя, замотается! Ну вотъ и радуйся теперь и умирай спокойно—все пойдетъ своимъ чередомъ, ровно тебя и не было!

Вотъ это-то и горько, это-то и обидно! Умерла, такъ хоть бы не знала, что тутъ дѣлается, не чувствовала бы что такъ скоро изъ памяти вышла, а теперь и жива, а все равно что умерла, только все вижу и слышу! А они? Можетъ ждутъ не дождутся ея смерти!—И нехорошая усмѣшка искривила ея безкровныя губы.—Еще поживу, вотъ тепло совсѣмъ станетъ, мнѣ и полегчаетъ, пусть подождутъ подольше; какъ ни плоха, а все отъ живой жены не женится, какъ дѣти не привыкли къ Анисьѣ, а матерью не посмѣютъ назвать!

— Что Григорьевна, али оживаешь на солнышкѣ-то? прошамкала возлѣ нея совсѣмъ древняя старуха, вышедшая изъ сосѣднихъ воротъ,—вотъ и я на солнце вылѣзла: зябну все что-то! и закрывши глаза рукой отъ солнца, она вглядывалась своими слезливыми мутными глазами въ лицо Степаниды.

— И плоха же ты, бабонька, въ чемъ душа держится! добавила она, опускаясь возлѣ нея,—чать говѣла нонче?

— Нѣтъ, не привелось, все недужилось постомъ-то.

— Ишь ты грѣхъ какой! А причаститься безпремѣнно надо, тоже часъ смертный свой не знаешь!

— Что же, баушка, ужъ всѣ меня совсѣмъ къ смерти собираете—може и поживу еще.

— Давай Богъ, давай; Богъ не безъ милости, а причаститься не мѣшаетъ, отъ этого не умираютъ, коли пора не пришла, а на душѣ

полегчаетъ! Спокойнѣе будетъ! Коли Богъ здоровья не даетъ, значитъ планида твоя такая, значитъ тебѣ объ душѣ нужно позаботиться!

— Хорошо тебѣ, баушка Ѳедотьевна, такъ говорить, ты вонъ ужъ девятый десятокъ почитай доживаешь, а мнѣ всего двадцать восьмой годъ, много ли жила-то! дрожащимъ голосомъ выговорила Стеша.

— Что же дѣлать-то! Кому сколько на роду написано: не убавишь, не прибавишь. Быть можетъ мнѣ сколько разъ и жизнь въ тягость была, да и теперь живу не знай зачѣмъ, мѣсто на печкѣ у людей отбиваю! Мы-то не знаемъ, а Богъ-отъ знаетъ, на что-нибудь да нужно.

— Измаялась я баушка, заговорила больная, найдя вдругъ возможность высказаться передъ этой ветхой старухой, которая пережила всѣхъ своихъ дѣтей и уважалась въ деревнѣ за свою строгую жизнь и разумъ съ молодыхъ лѣтъ,—измучилась, глядя на себя вокругъ! Развѣ я не вижу, что мужу не нужна, дѣти отвыкли отъ меня, сама я ихъ отвадила отъ себя: все сержусь да ворчу на нихъ, въ хозяйствѣ ни на что не гожусь—не жизнь вѣдь, а мука! А умирать все не хочется. Кабы я не знала, что послѣ меня будетъ, легче бы мнѣ умирать было—все бы думалось, что будутъ помнить меня!

— Что же ты думаешь, душа-то твоя не увидѣла бы ихъ? Не узнала бы? Только душенька-то радоваться будетъ, а не тосковать, потому что ей ничего не нужно зачѣмъ ты гонишься: ни зависти у ней не будетъ, ни ревности!..

— И грызетъ меня, грызетъ тоска, продолжала Степанида свои горькія мысли,—зачѣмъ я сама, своими руками вырыла себѣ могилу заживо, на свое мѣсто сама другую поставила...

— А ты смирись... Сдѣланнаго не воротишь... Конечно, успѣла бы передъ самымъ концомъ все это сдѣлать. То-то, на Бога надѣемся мало; думаемъ Онъ насъ забудетъ, а Онъ можетъ давно лучше тебя зналъ, какъ твоихъ дѣтей устроить. Можетъ быть тебѣ за твою гордыню и крестъ этотъ послалъ... Молись больше, думай о душѣ, коли здѣсь все устроила...

Старуха остановилась и, видя убитое лицо молодой женщины, положила ей свою дрожащую руку на плечо.

— Слушай-ка ты, что я тебѣ скажу: больной ты человѣкъ, не жилица ты на бѣломъ свѣтѣ, сама знаешь. Что же тебѣ убиваться о томъ, что живые люди, здоровые жить будутъ; это зависть одна, это грѣхъ! Прожила ты почитай десять лѣтъ счастливо и за то благодари Бога. Счастье тоже разное посылается: кому долгое, кому короткое, а кому такъ и совсѣмъ его не было въ жизни! Вотъ подумай, каково

стерпѣть, когда человѣкъ и въ силѣ и въ здоровьи, а его какъ негодную тряпицу вышвырнутъ, да на его мѣсто другого посадятъ. И видишь ты, что и человѣкъ-то нестоющій и во сто разъ хуже тебя, а ничего не подѣлаешь! Не люблю я вспоминать про это, и грѣхъ быть можетъ—давно уже всѣ покойники, да ужъ примѣръ тебѣ разскажу, чтобы ты на судьбу свою не жалилась. Вышла я по восьмнадцатому году замужъ за своего покойника, шибко любили другъ дружку, а черезъ годъ—наборъ! Онъ середній сынъ былъ, его и угнали. Шесть лѣтъ я прожила безъ него, да прожила-то какъ монашенка, а не такъ какъ вотъ нонѣшнія солдатки живутъ... Ни на молодость, ни на свое сиротство грѣха не складывала, а може и у меня соблазну было не мало: и изъ себя, говорятъ, была пригожа, и парни увивались, да мнѣ-то и въ голову не приходило, чтобы могла я, мужняя жена, законъ нарушить. Мальчикъ у меня родился черезъ мѣсяцъ послѣ ухода мужа, вотъ только и утѣха у меня была. Какъ отписалъ Власъ, что назадъ-то будетъ, такъ кажется, сердце пѣтухомъ пѣло, вся душа какъ птица къ нему навстрѣчу летѣла... А онъ вернулся совсѣмъ другой: разлюбилъ-ли, опостылѣла-ли я ему—ужъ не знаю, ну только ровно кто его отворотилъ отъ меня. Что ни сдѣлаю все не такъ, что ни скажу—все не ладно! Пить началъ, работать лѣнился, почитай одна всю мужскую работу справляла, а потомъ и совсѣмъ отъ дому отшатнулся; все бывало сидитъ у вдовы солдатки Матрены. Пробую образумить, усовѣстить—ругается, а то такъ и приколотитъ, а потомъ уже и вовсе изъ дому сталъ гонять... Мальчонку и того пряниками да гостинцами на свою сторону переманили... Вотъ ты и подумай, каково мнѣ было тогда? Всего-то мнѣ было двадцать пять лѣтъ, а изсохла я, изчахла безо всякой болѣзни, отъ слезъ на свѣтъ смотрѣть не могла, чуть не ослѣпла. Научали меня жаловаться міру на мужа, да я не захотѣла: коли опостылѣла, такъ силкомъ полюбить не заставишь, а ужъ безъ любви, да изъ подъ палки, что и за жизнь!

Ушла я въ городъ, стала по чужимъ людямъ наниматься, сына не отдали мнѣ, да и мнѣ самой на мѣстахъ съ нимъ жить неподручно бы было. Мужъ на мое мѣсто Матрену привелъ, какъ женѣ все хозяйство ей сдалъ. Когда померъ-то онъ, сынъ ужъ въ тѣ поры женатъ былъ, хотѣла у него пожить, да невѣстка меня что-то не взлюбила, нравная такая была, побоялась что-ли, что я хозяйствовать стану—ну я и ушла опять отъ грѣха! Вотъ только и утѣха моя была что дѣти, у которыхъ въ городѣ нянькой жила, кабы не они, такъ кажется сколько бы разъ была готова руки на себя наложить отъ тоски да отъ горя!

Живу теперь почитай у чужихъ— внучка двоюродная, какая ужъ это родня! Сына схоронила, невѣстку тоже, внучатъ нѣтъ, а меня точно и забылъ Батюшка Отецъ Небесный на этомъ свѣтѣ.

Старуха замолчала, глядя передъ собой и уйдя вся въ свои тяжелыя воспоминанія.

Ея сѣдая голова нервно вздрагивала, а поблекшія губы что-то беззвучно шептали, не-то укоръ, не-то прощеніе людямъ, такъ безжалостно исковеркавшимъ ея молодую жизнь.

Степанида грустно слѣдила за свѣтлыми облачками, плывущими по голубому небу, за ласточками, которыя съ веселымъ щебетаньемъ обгоняли другъ друга и кружились въ прозрачномъ воздухѣ, смотрѣла и на зеленую травку, еле-еле пробивающуюся у забора, а тяжелая мысль упорно, назойливо твердила ей въ уши:—Все это ужъ не для тебя. Насматривайся скорѣе, да и къ сторонѣ!

И отчего же все это раньше не казалось такъ хорошо; отчего не дорожилось всѣмъ такъ жадно!

Увидя издали своихъ ребятишекъ, Степанида молча поманила ихъ рукой и обняла всѣхъ троихъ сразу. Долго гладила и цѣловала она ихъ бѣлокурыя головы, думая про себя съ грустью:

— Авось хоть они помнить будутъ, что до конца ихъ мамка любила и ласкала. Видно больше Бога не будешь, Его воля! И какое-то покорное, грустное выраженіе разлилось по ея худому страдальческому лицу, тогда какъ крупныя тяжелыя слезы одна за другой исчезали въ запутанныхъ волосенкахъ прижавшихся къ ней ребятишекъ.

То же покорное и кроткое выраженіе застыло на восковомъ мертвомъ лицѣ молодой женщины, когда ласковое апрѣльское солнышко освѣтило ее, лежащую со сложенными на груди руками, подъ Святыми.

На губахъ даже застыла слабая улыбка; вѣрно душа ея видѣла и радовалась, что она не забыта. Вѣрно она видѣла, какъ искренно рыдаетъ надъ ней Анисья, какъ всхлипываютъ ребятишки, глядя на нее. И Дмитрій съ убитымъ видомъ, опустивъ низко на грудь свою кудрявую голову, смотритъ не спуская глазъ съ лица своей страдалицы-жены, забывая утирать горькія, непривычныя, мужскія слезы.

Ольга Демертъ.

Законъ о бѣдныхъ и общество Англіи.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Высочайшимъ указомъ положено начало прекрасному человѣколюбивому дѣлу—учреждено попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ.

„Честный трудъ", какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ,—„единственный залогъ счастливой, на христіанскихъ началахъ основанной, жизни, но не мало есть бѣдняковъ, желающихъ честно трудиться и не находящихъ заработка; положеніе ихъ тяжко и на помощь имъ, уже нѣсколько лѣтъ, какъ стали учреждаться дома трудолюбія и работные дома, назначеніе которыхъ, по словамъ указа, приходить на помощь бездомнымъ, выпущеннымъ изъ больницъ и не имѣющимъ еще заработка, освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія и вообще впавшимъ въ крайнюю бѣдность—предоставленіемъ имъ честнаго труда и пріюта.

Далѣе указъ перечисляетъ средства на это великое и доброе дѣло и указываетъ кругъ дѣятельности попечительства въ общихъ и главныхъ чертахъ. Попечительство это, состоящее подъ Высокимъ покровительствомъ, объединитъ образъ дѣйствій нынѣ имѣющихся уже домовъ трудолюбія и работныхъ домовъ и будетъ споспѣшествовать образованію новыхъ подобныхъ учрежденій или по образцамъ имѣющихся, или съ новой организаціей, которую укажутъ время и мѣстныя нужды, и нѣтъ сомнѣній, что новое для нашего отечества дѣло это окажетъ великія услуги нашему меньшому, неимущему брату.

Зарожденіе у насъ въ Россіи этого высоко полезнаго и благого дѣла даетъ основаніе намъ передать читателямъ о томъ, какъ подобное ему дѣло поставлено въ Англіи, гдѣ заботы о бѣдныхъ общества и правительства вылились давно уже въ строго опредѣленную форму, гдѣ законы объ общественномъ призрѣніи имѣютъ почти трехсотлѣтнюю давность.

Положеніе бѣдныхъ въ Англіи и забота о нихъ интересуютъ не только Англію, но и западную Европу, многое, въ этомъ дѣлѣ у

Англіи позаимствовавшую, и потому по вопросу этому имѣется въ западной европейской литературѣ не мало основательныхъ работъ.

Не довольствуясь нашимъ скромнымъ, хотя и долговременнымъ, личнымъ наблюденіемъ, мы будемъ нерѣдко обращаться къ авторитетнымъ источникамъ, (въ особенности въ ретроспективной части нашей работы), которые разъ навсегда и назовемъ:

„I. M. Baernreither „English associations“ of workingmen“; „Contemporary Review“ July 1890 a; M. du Puynsde „La charité“, (Revue Politique et Parlementaire); „Charity organisations Review“ 1890 — 1895 an.; „La loi des pauvres et la societé Anglaise“, Em. Chevallier; „Le Gouvernement et le Parlement Britanique“ de Franqueville; „Charité“, V. Cherbulier, „Darkest England“ by G. Booth.

Дабы понять систему общественнаго призрѣнія въ Англіи, достаточно посѣтить нѣсколько workhouses'овъ (рабочихъ домовъ) и другихъ учрежденій этого рода, вполнѣ доступныхъ иностранцу; но это ознакомитъ наблюдателя лишь съ учрежденіями Poor Law'a,—„Закона о бѣдныхъ“, съ его примѣненіями;—гораздо труднѣе усвоить себѣ и указать то вліяніе, которое имѣлъ и имѣетъ этотъ законъ на матеріальныя и нравственныя условія англійскаго общества, не потому только, что нравы не легко вообще поддаются анализу и изображенію, а вслѣдствіе малой откровенности англичанъ. Истинный Бриттъ весьма неохотно бесѣдуетъ съ иностранцемъ о нравахъ родины своей и не выскажетъ ихъ подноготной; немного объ этихъ нравахъ говоритъ и литература англійская, и потому для болѣе вѣрнаго сужденія необходимъ долгій опытъ,—нужно сравнительно долгое время жить *среди* англичанъ и *ихъ* жизнью. Но далеко не всѣ послѣдствія закона о бѣдныхъ трудно различимы,—есть и такія, которыя прямо въ глаза бросаются. Весьма не трудно, напримѣръ, увидѣть разницу, не столько закономъ, сколько нравами установленную, между Poor Law, или офиціальнымъ призрѣніемъ и благотворительностью частной, между pauper—и poor.

Закономъ установленное призрѣніе ни по названію, ни по отправленіямъ своимъ, ни, наконецъ, по источникамъ средствъ своихъ не есть благотворительное учрежденіе, оно и называется по этому Poor Law, „Законъ о бѣдныхъ“, и ему противоставляется charities, т. е. частная благотворительность. Charities находятъ своихъ кліентовъ среди poor—бѣдныхъ, Poor Law же относится лишь къ тѣмъ, которые живутъ, имъ и названіе paupers налагаетъ здѣсь на бѣдняка извѣстное клеймо, ибо существуетъ онъ не на счетъ благотворящихъ, а на счетъ обязательныхъ на этотъ предметъ въ странѣ, налоговъ—poor-rates. Workhouses'ы или рабочіе

дома суть учрежденія казеннаго призрѣнія, госпитали же, пріюты и богадѣльни принадлежатъ къ учрежденіямъ частной благотворительности.

Другія послѣдствія закона о бѣдныхъ еще болѣе различимы, а плоды преобразованія настоящаго столѣтія—просто очевидны. Механизмъ управленія, или устройство призрѣнія англичане позаимствовали и для другихъ управленій страны, а налогъ въ пользу бѣдныхъ взяли образцомъ для всѣхъ городскихъ налоговъ.

Союзъ приходовъ, созданный въ 1834 году, для обезпеченія наилучшаго дѣйствія закона о бѣдныхъ, сталъ истиннымъ административнымъ округомъ, приблизительно отвѣчающимъ нашимъ уѣздамъ. Бюро попечителей, стоящее во главѣ каждаго изъ этихъ союзовъ, облечено нынѣ правами и обязанностями совершенно посторонними ихъ первоначальному назначенію и имѣетъ характеръ уѣзднаго совѣта и благодаря такой организаціи замѣтно начинаетъ чувствоваться административная централизація.

Государство, не смѣя сразу наложить руку на древніе административные органы *), постепенно отняло у нихъ различныя права и обязанности, передавъ ихъ новому учрежденію и другимъ, по его образцу организованнымъ. Этотъ образъ дѣйствій правительства быть можетъ и странный, но чисто британскій и вполнѣ понятенъ, если мы замѣтимъ, что призрѣніе бѣдныхъ, учрежденіе древнѣйшее, организовано на всемъ пространствѣ Великой Британіи однообразно.

Со времени царствованія Генриха VIII учрежденіе это видоизмѣнялось довольно существенно, но и по настоящіе дни хранитъ свой характеръ,—теперь, какъ и въ XVII столѣтіи, это *призрѣніе законное*. Право на помощь, спеціальный налогъ и обязательная работа — отличительныя черты древняго закона о бѣдныхъ остались таковыми же и въ новомъ, и измѣненія, если и были, то отразились на примѣненіи закона, а не на его началахъ, вполнѣ сохранившихся.

Out—door relief, или помощь на дому, и indoor relief—помощь въ workhouses'ахъ, различавшіяся до 1834 года, — пережили великую реформу, но первая примѣняется нынѣ въ весьма слабыхъ размѣрахъ, сравнительно. Но прежде, чѣмъ приступить къ подробному изложенію настоящаго положенія въ Англіи призрѣнія бѣдныхъ въ его различныхъ видахъ, считаемъ необходимымъ остановиться на происхожденіи и исторіи „закона о бѣдныхъ“ въ Англіи.

---

[1]) Въ Англіи безусловно свято все то, что старо.

I.

Не входя въ разсужденія о правахъ и обязанностяхъ государства, мы тѣмъ не менѣе находимъ безспорнымъ, что благотворительность общественная, каково бы ни было различіе мнѣній о ея полезности, не составляетъ существенной функціи государства, (?) [1]) поэтому не удивительно, что многія націи до сихъ поръ отказываются ввести въ свою конституцію благотворительность, какъ законъ, а въ тѣхъ странахъ, гдѣ принципъ ея уже давно усвоенъ закономъ, законодатель пришелъ къ этому только послѣ цѣлаго ряда усилій, послѣ долгихъ колебаній.

Естественно, что государство прежде чѣмъ, обременять себя новыми обязанностями, старается выполнить свои болѣе прямыя задачи, и прежде всего, озабочиваясь обезпеченіемъ внутренняго порядка, обращаетъ вниманіе на полицейскія мѣры, предназначенныя покровительствовать этому порядку. Между прочими опасностями, угрожающими странѣ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ значительное число нищихъ, и государство сперва пытается устранить, удалить ихъ, а затѣмъ уже принимаетъ мѣры къ облегченію нищеты, на что уже направлена частная дѣятельность, которой государство и предоставляетъ широкое поле, вмѣшиваясь въ нее лишь иногда, когда эта частная благотворительность оказывается или опасною, или недостаточною.

Такъ и происходило во всѣхъ странахъ, гдѣ граждане тверды въ вѣрѣ, ибо Церковью милосердіе возводится на степень добродѣтели.

Тамъ же, гдѣ прежняя вѣра уступила мѣсто новымъ ученіямъ, и гдѣ потому вѣковая работа Церкви была грубо разрушена, надо было подумать—чѣмъ замѣнить ее, вотъ почему въ протестантскихъ странахъ обязательная благотворительность явилась системою призрѣнія бѣдныхъ.

Исторія призрѣнія бѣдныхъ въ Англіи служитъ поразительнымъ примѣромъ приведенныхъ мыслей. Только послѣ стапятидесяти лѣтъ примѣненія полицейскихъ мѣръ *противъ* бѣдныхъ, Англія рѣшаетъ принять мѣры облегченія положенія бѣдныхъ, и первая система ихъ призрѣнія является плодомъ жизни религіозной. Но вотъ явилась реформа.—Генрихъ VIII, съ цѣлью жениться на одной изъ шести своихъ наложницъ, потребовалъ у Папы благословить разводъ его съ Екатериной Аррагонской, а такъ какъ Папа благословенія своего не далъ, то Генрихъ VIII возсталъ противъ Церкви.—Однимъ изъ слѣдствій этого воз-

---

[1]) Мы не безусловно согласны съ этимъ положеніемъ автора. Если не благотворительность, то призрѣніе слабыхъ своихъ членовъ—одна изъ важнѣйшихъ задачъ и обязанностей каждаго государства, и въ особенности носящаго имя христіанскаго. Впрочемъ, вопросу о борьбѣ съ нищетою и призрѣніи слабыхъ и бѣдныхъ у насъ въ Россіи—въ «Русской Бесѣдѣ» будутъ посвящены особыя статьи. Аѳ. В.

станія и реформы было рѣшеніе этого мятежнаго короля принять систему свѣтскаго призрѣнія бѣдныхъ (1531—1535—1536 годы) и къ этой же порѣ относится уничтоженіе монастырей, бывшихъ безспорнно средоточіемъ благотворительности, но въ форму закона рѣшеніе Генриха VIII вылилось лишь въ 1601 году, въ знаменитомъ статутѣ Елизаветы.

Повторяемъ, до Генриха VIII бѣдные получали поддержку отъ частныхъ лицъ и монастырей. Законъ предписывалъ (Mirror гл. I § 3), „чтобы бѣдные призрѣвались ректоромъ Церкви и ея прихожанами такъ, чтобы никто изъ бѣдныхъ не умиралъ съ голоду". Но это не было организаціей призрѣнія, такъ какъ законодательство лишь предоставляло Церкви право оказывать помощь бѣднымъ, Церковь же предписывала служителямъ своимъ отдавать на это дѣло свой излишекъ и совѣтовала то же прихожанамъ. Отъ этой помощи нищета не уменьшалась; она увеличивалась—и, начиная съ Эдуарда III появляются полицейскія мѣры, сперва, такъ сказать, оборонительнаго характера, а затѣмъ, вслѣдствіе экономическаго и политичесхаго положенія Англіи — характера положительнаго и даже репрессивнаго.

Первой причиной, вызвавшей эти послѣднія мѣры, было освобожденіе отъ рабства, совершенное коллективно, въ громадныхъ массахъ, откуда родились крупныя затрудненія и безпорядки среди освобожденныхъ, потерявшихъ покровительство, дававшее имъ прежде средства къ существованію и не обезпеченныхъ работою для будущаго. Въ эту же эпоху война Алой и Бѣлой Розы еще болѣе увеличила число нищенствующихъ. До династіи Тюдоровъ благополучіе страны зависѣло отъ существованія громаднаго количества мелкихъ земельныхъ владѣній, а слѣдовательно крестьянъ собственниковъ; при Тюдорахъ же произошло поглощеніе мелкихъ помѣстьевъ — крупными, откуда образовался деревенскій пауперизмъ. Въ этихъ крупныхъ помѣстьяхъ пашни пошли подъ пастбища ради шерстяной промышленности, что и убило окончательно земледѣльчесскій классъ страны. Въ 1548 г. епископъ Латимеръ, въ проповѣди, произнесенной передъ королемъ Эдуардомъ, между прочимъ, сказалъ: „Тамъ, гдѣ раньше изобиловали хозяйства, гдѣ кишѣло населеніе — нынѣ можно видѣть только пастуха съ собакой".

Вскорѣ открылись серебряныя копи и золотые пріиски Америки; наплывъ этихъ металловъ въ Англію страшно возвысилъ цѣнность всѣхъ предметовъ потребленія, не поднявъ, однако, заработной платы, ибо въ тѣ времена экономическіе законы съ трудомъ создавались и ручной трудъ подчинялся имъ весьма слабо. Обѣднѣвшему въ короткій, сравнительно, періодъ населенію страны прибѣгнуть къ монастырямъ и другимъ религіознымъ учрежденіямъ было уже нельзя за ихъ упраздненіемъ, точнѣе

уничтоженіемъ, и оно обратилось въ бродягъ и нищихъ. Хотя и нельзя сказать, что помощь монастырей была совершенна, но она прекратилась слишкомъ неожиданно, предоставивъ бѣдныхъ на произволъ судьбы и строгости законовъ противъ нищенства, которые, впрочемъ, именно вслѣдствіе своей строгости не примѣнялись на дѣлѣ и оставались почти недѣйствительными.

Актъ 1531 года, изданный Генрихомъ VIII, принадлежитъ къ числу мѣръ репрессивныхъ; онъ говоритъ о строгихъ наказаніяхъ, налагаемыхъ на нищихъ, способныхъ къ работѣ, но, рядомъ съ этимъ, актъ этотъ содержитъ нѣкоторыя предписанія, несомнѣнно относящіяся къ области призрѣнія бѣдныхъ, и потому долженъ быть разсматриваемъ какъ первый актъ, въ которомъ упоминаются не однѣ лишь мѣры *противъ* бѣдныхъ, но и *за* нихъ. Таковы по ихъ существу и акты 1535—1536 года. Царствованіе Елизаветы было богато законодательствомъ относительно бѣдныхъ, — славное по внѣшнимъ дѣламъ Англіи, оно было долгимъ періодомъ кризисовъ и страданій внутри страны. Англія кишѣла нищими и бродягами, представлявшими не малую опасность государству, а строгія мѣры не могли уничтожить нищеты, которую не уменьшало и выселеніе въ Америку.

Мѣсто не позволяетъ намъ подробно перечислять всѣ акты Елизаветы за долгое ея царствованіе, касающіеся бѣдныхъ; скажемъ лишь, что всѣ они, вошли какъ основанія, въ окончательный знаменитый ея актъ 1601 года. Основанія эти были: принципъ налога въ пользу бѣдныхъ, хотя и неопредѣленнаго; учрежденіе администраторовъ общественной помощи; начертаніе обязанностей магистратовъ, строгое различіе между бѣдными, способными къ труду и больными или неспособными.

Всѣ составныя и существенныя части системы законнаго призрѣнія бѣдныхъ были созданы въ теченіе первыхъ сорока трехъ лѣтъ царствованія Елизаветы и въ формѣ органическаго закона явились 19 декабря 1601 года, но знаменитый этотъ статутъ сначала былъ лишь попыткой, изданъ былъ въ видѣ опыта, что вообще составляетъ обычное явленіе въ Англійскомъ законодательствѣ, гдѣ многіе акты и законы имѣютъ силу лишь въ теченіе періода власти парламента, его издавшаго.—Сила акта Елизаветы была продолжена цѣлымъ рядомъ дополнительныхъ актовъ; утвержденъ же былъ навсегда этотъ статутъ актомъ короля Карла I.

Статутъ Елизаветы предусматривалъ три категоріи бѣдныхъ,—способныхъ, неспособныхъ и дѣтей. Бѣдныхъ, способныхъ къ работѣ, статутъ обезпечивалъ таковою и *на дому*, но преимущественно въ рабочихъ домахъ. Каждый годъ, въ каждомъ приходѣ мѣстнымъ мировымъ судьей назначались overseers'ы, инспекторы бѣдныхъ, избираемые изъ почетныхъ

гражданъ прихода. Эти инспекторы, подъ наблюденіемъ судьи, должны были доставлять работу всѣмъ семейнымъ и холостымъ, не имѣвшимъ средствъ къ поддержанію существованія, для чего каждую недѣлю опредѣлялся, извѣстный налогъ на всѣхъ землевладѣльцевъ, домохозяевъ и вообще людей состоятельныхъ, въ формѣ доставленія въ опредѣленномъ количествѣ льна, шерсти, желѣза и прочихъ сырыхъ матеріаловъ для обработки ихъ бѣдными. Способныхъ къ работѣ, но отказывающихся отъ нея, судья приговаривалъ къ тюремному заключенію.

Относительно бѣдныхъ, къ работѣ неспособныхъ, статутъ опредѣлялъ, дабы тѣ же лица въ приходѣ облагались *денежнымъ* налогомъ въ пользу слѣпыхъ, калѣкъ, стариковъ и вообще увѣчныхъ, причемъ помощь эта могла быть оказываема какъ на дому, такъ и въ workhouses'ахъ (рабочихъ домахъ), построенныхъ на приходской землѣ и на средства прихода. Если эти увѣчные имѣютъ родителей или дѣтей, послѣдніе должны содержать ихъ *за плату*, опредѣляемую мировымъ судьей подъ строгой отвѣтственностью за отказъ въ этомъ. Часть собираемой налогомъ этимъ суммы по статуту предназналась на расходы по обученію дѣтей и содержанію таковыхъ, если родители неспособны къ этому, или если послѣднихъ не имѣется. Статутъ предусматриваетъ возможность бѣдности прихода и въ такомъ случаѣ обязываетъ судью разлагать недостаточную сумму на сосѣдніе приходы кантона, а въ крайнемъ случаѣ и на всѣ приходы графства. Отказъ во внесеніи налога наказывается содержаніемъ въ арестномъ домѣ общины или исправительномъ графства, а имущество отказывающаго могло быть описываемо и продаваемо.

Таковы были главныя предписанія закона о бѣдности Елизаветы, который сохранилъ силу до времени восшествія на престолъ короля Георга III въ 1760 году. За это время болѣе 150 лѣтъ законъ 1601 года далъ наилучшія послѣдствія,—количество бродягъ и нищихъ уменьшилось значительно, налогъ на бѣдныхъ, сравнительно, не превышалъ скромныхъ размѣровъ; помощи требовали только бѣдные, неспособные къ работѣ, ибо, противъ способныхъ имѣлись строгія карательныя мѣры, положеніе рабочихъ не было безвыходнымъ и, по увѣреніямъ писателей прошлаго столѣтія, около 1750 года нищета въ Англіи была значительно меньше, нежели въ странахъ материковыхъ. Словомъ, начала закона 1601 г. нельзя не признавать добрыми и, если съ ними не можетъ согласиться экономистъ XIX вѣка, то осуждать ихъ въ XVIII столѣтіи по прекраснымъ послѣдствіямъ закона было немыслимо.

Но не такъ было на самомъ дѣлѣ,—законодатель, видя, что нищета значительно уменьшилася, рѣшилъ что не будетъ никакой опасности организовать это, принесшее громадную пользу, призрѣніе бѣдныхъ въ духѣ

еще нѣсколько болѣе либеральномъ. — Первой мѣрой новыхъ законовъ было широкое примѣненіе settlement, помощи на дому, и вмѣсто заботъ объ облегченіи бѣдныхъ неспособныхъ къ работѣ — помощь предписано было оказывать *всѣмъ* бѣднымъ, къ которымъ сопричисленъ былъ и классъ рабочихъ. — Скромные расходы на общественное призрѣніе стали быстро увеличиваться и начали, наконецъ, угрожать прямо разореніемъ, банкротствомъ страны. Въ 1750 году содержаніе бѣдныхъ стоило Англіи 700,000 фунтовъ стерлинговъ, въ 1776 году—1,500,000, въ 1803—4,077,891 и наконецъ въ 1817 году достигло 7,870,801, что при тогдашнемъ населеніи въ семь милліоновъ, составляло *болѣе фунта стерлинговъ* налога въ пользу бѣдныхъ на обитателя.

Были и другія причины этому чрезвычайному росту налоговъ, но главная заключалась въ перемѣнѣ благотворительной политики, въ новомъ порядкѣ Poor relief'a (помощи бѣднымъ). И особенное значеніе здѣсь имѣли два акта, „Актъ Жильберта" и такъ называемый „Актъ Спинхемленскаго парламента".

Актъ Жильберта, по рѣшительному выраженію Фаусета „вымелъ драгоцѣннѣйшія охранительныя основанія стараго закона о бѣдныхъ", — Workhouses'ы обратились въ poorhouses'ы, т. е. въ пріюты безъ работъ, а инспектора должны были не только давать работу требовавшимъ у нихъ на дому, но за счетъ налоговъ, въ случаяхъ малаго вознагражденія, т. е. низкой заработной платы, увеличивали таковую, благодаря чему, такимъ образомъ, приходъ платилъ за работу бѣдныхъ въ пользу заказчиковъ, что, конечно, давало поводъ злоупотребленіямъ съ обѣихъ сторонъ.

Словомъ, Gilbert's Act былъ рѣшительной и поразительной противоположностью Статута Елизаветы и сдѣлалъ изъ рабочихъ настоящихъ пансіонеровъ налога на бѣдныхъ, въ то же время, осуждая ростъ налоговъ и сваливая вину въ признаваемомъ имъ увеличеніи нищеты на инспекторовъ.

6-го мая 1795 года въ Спинхемлендѣ совѣтъ Беркширскихъ магистратовъ принялъ рѣшеніе, по которому впредь должны быть опредѣляемы подати для облегченія бѣдныхъ рабочихъ и ихъ семействъ, причемъ размѣръ помощи долженъ опредѣляться рыночной цѣной на хлѣбъ и числомъ членовъ семейства. Рѣшеніе это, какъ только стало извѣстно въ Англіи, было принято вездѣ и соблюдаемо такъ, какъ не всегда соблюдаются законы, изданные парламентомъ,—Магистраты всей Англіи послѣдовали примѣру ихъ Беркширскихъ сотоварищей и ихъ рѣшеніе нашло себѣ такое почтительное повиновеніе, что общество назвало его „Актомъ

Спинхемлендскаго парламента", обозначая этимъ, что онъ имѣетъ полную силу закона.

Противъ settlement'а поднялась оппозиція, во главѣ которой стояли лучшія силы литературы XVIII столѣтія, и въ 1795 году „Георгъ III", издаетъ законъ, по которому бѣдные, прикрѣпленные до сихъ поръ къ своимъ приходамъ, могутъ искать работы въ другихъ приходахъ и графствахъ, причемъ приходы, въ которыхъ изберетъ себѣ мѣстопребываніе неимущій, не должны изгонять его, какъ это было до тѣхъ поръ. Актъ этотъ положилъ предѣлъ безчисленнымъ опаснымъ и безчеловѣчнымъ изгнаніямъ, что впрочемъ не уменьшило ни роста налоговъ, ни той деморализаціи, которую произвели предшествовавшіе акты долгаго царствованія Георга III.

Въ 1817 году, какъ сказали мы, сумма налоговъ на бѣдныхъ въ Англіи достигла огромной цифры 7.870,811 фунтовъ стерлинговъ, цифра, которая заставила призадуматься сантиментальное правительство Георга III и назначить слѣдствіе, комитетъ котораго 4-го іюля 1817 года донесъ королю, что „если не будетъ поставлена надежная преграда, ростъ налоговъ будетъ увеличиваться и въ непродолжительномъ времени они поглотятъ всѣ имущественные доходы страны, составляющіе основу налоговъ, что повлечетъ за собою оставленіе земель и разореніе владѣльцевъ". Практическими плодами слѣдствія было изданіе „Porish Vestry Act" и „Select Vestry Act", по которымъ примѣненіе предлагаемыхъ ими мѣръ зависѣло отъ произвола заинтересованныхъ лицъ, т. е. Vestry, или приходскихъ собраній.

Члены этихъ Vestry, число голосовъ которыхъ было соразмѣрно платимымъ ими налогамъ, избирали Vestry Select изъ 5 — 20 прихожанъ и довѣряли имъ заботы о призрѣніи бѣдныхъ. Vestry Select, собиравшійся не рѣже 2 разъ въ мѣсяцъ занимался всѣмъ касающимся бѣдныхъ, а инспектора, ранѣе облеченные значительной властью, стали исполнять лишь приказанія этихъ приходскихъ комитетовъ. Относительно формъ помощи актъ далъ право Vestry увеличить число и размѣры рабочихъ домовъ и такимъ образомъ возвратился къ принципу обязательной работы для способныхъ къ ней. Но мѣры эти были недостаточны, общественное мнѣніе требовало и созрѣло для коренного преобразованія а въ 1832 году назначена была новая комисія, которая состояла изъ лицъ безусловно свѣдущихъ и должна была произвести слѣдствіе о практическихъ примѣненіяхъ закона о бѣдныхъ.

Плодомъ работъ этой коммисіи было признаніе необходимости возвратиться къ существеннымъ принципамъ Статута Королевы Елизаветы. Вслѣдствіе рапорта коммисіи лордомъ Альторфомъ въ палату

общинъ, а лордомъ Брюкгемъ въ палату лордовъ внесенъ былъ билль, принятый палатами громадными большинствами и выразившійся въ актѣ 14 августа 1834 года. Актъ этотъ весьма важенъ, какъ составляющій главныя основанія дѣйствующей нынѣ въ Англіи системы, а потому на немъ мы остановимся нѣсколько подробнѣе.

Во главѣ дѣла призрѣнія бѣдныхъ въ странѣ королевою ставятся три коммисара съ титуломъ „poor law commissionners for England and Wales“, которые отчетъ въ своей дѣятельности отдаютъ государственному секретарю, и сами, назначаемые на пятилѣтній срокъ, имѣютъ право назначать и увольнять себѣ помощниковъ (Assistant commissionners), секретарей, ихъ помощниковъ, клерковъ и т. д. Ни коммисары, ни ихъ помощники не могутъ засѣдать въ парламентѣ.

Въ рукахъ коммисаровъ сосредоточивается вся администрація и контроль службы призрѣнія бѣдныхъ въ Англіи и Валлисѣ и во имя этаго они имѣютъ право издавать правила и постановленія относительно ухода за бѣдными, содержанія рабочихъ домовъ, воспитанія и обученія бѣдныхъ дѣтей, отчетовъ приходорасходныхъ, контроля и т. д., — причемъ издаваемыя ими правила получаютъ силу спустя 40 дней по ихъ представленіи государственному секретарю, но имъ строжайше воспрещается вмѣшиваться лично въ назначеніе помощи. Коммисары контролируютъ сооруженіе рабочихъ домовъ, управленія этихъ учрежденій и пособія имъ. Коммисарамъ дается право принимать участіе въ собраніяхъ мѣстныхъ властей, но лишь съ правомъ голоса совѣщательнаго. Опредѣленіе числа группъ (Union) или союзовъ приходовъ зависитъ отъ коммисаровъ. Каждый союзъ приходовъ долженъ имѣть свой Workhouse, но содержаніе каждаго бѣднаго, опредѣляемаго въ этотъ союзный рабочій домъ падаетъ на тотъ приходъ, къ которому бѣдный принадлежитъ.

Союзы приходовъ имѣютъ свои фонды, размѣръ участіи въ которыхъ прихода опредѣляется коммисарами по средней цифрѣ приходорасхода на бѣдныхъ за послѣдніе три года до вступленія его въ союзъ.

Эти общіе фонды предназначаются на сооруженіе новыхъ рабочихъ домовъ, расширеніе имющихся и содержаніе ихъ администраціи.

Закономъ точно опредѣляются права избирателей и правила избранія приходскихъ попечителей,—всѣ же прочіе, несущіе различные обязанности по части исполнительной и получающіе за то жалованье, опредѣляются и увольняются по правиламъ, изданнымъ коммисарами.

Роль мѣстныхъ властей строго ограничена закономъ, — помощь, кромѣ случаевъ исключительныхъ, должна производиться лишь попечителями, или Select Vestri, т. е. приходскими комитетами.

О правилахъ относительно рабочихъ домовъ и эмиграціи бѣдныхъ мы будемъ говорить дальше, остановившись теперь на постановленіяхъ новаго закона относительно образованія новыхъ властей и ихъ обязанностей, которыя дальнѣйшими законоположеніями были расширены еще больше. Актомъ этимъ созданіемъ коммисаровъ съ значительными обязанностями учреждена была центральная власть, что было въ административномъ устройствѣ Англіи совершенною новизной. Коммисары эти, какъ мы увидимъ дальше, вскорѣ составили настоящее министерство, которое и явилось началомъ всеобщей административной централизаціи.

Въ 1847 году новымъ актомъ королева была облечена правомъ назначать *одного* или нѣсколькихъ коммисаровъ, къ которымъ въ качествѣ совѣтниковъ назначались президентъ частнаго королевскаго совѣта, лордъ частной печати, государственный секретерь по внутреннимъ дѣламъ (министръ внутреннихъ дѣлъ) и канцлеръ казначейства.

Коммисаръ-президентъ этого центральнаго управленія „Poor law Board'а" а также и секретари его получили право засѣдать въ парламентѣ, чего лишены были по закону 1834 года.

Казалось бы, что „Poor Law Board" имѣлъ значеніе собранія, совѣта коммисаровъ скорѣе, чѣмъ министерства, но въ дѣйствительности назначался королевою *одинъ* коммисаръ-президентъ, а назначеніе совѣтниками прочихъ указанныхъ государственныхъ лицъ, было лишь формальностью. Коммисаръ-президентъ зависѣлъ исключительно отъ парламента и короны и годовые отчеты представлялъ съ 1847 года не государственному секретарю, но королевѣ и палатамъ.

Согласно акту продолжительность существованія „Poor law Board'а" была ограничена пятью годами, но, безъ особыхъ измѣненій, оно продолжалось до 1867 года, когда сдѣлалось постояннымъ, а въ 1871 году получило и нынѣ существующее названіе *„Local Governement Board"*. Poor law Board получило право посылать ревизовать рабочіе дома и присутствовать на собраніяхъ попечителей спеціальныхъ инспекторовъ, получающихъ за это вознагражденіе. Инспектора—это посредники, такъ сказать, между центральной и мѣстными властями—замѣнили помощниковъ коммисаровъ (assistant commessionners). Съ 1868 года дѣятельность этого новаго министерства становится чрезвычайно обширной и плодотворной, оно вызываетъ множество законодательныхъ измѣненій и вообще долгое время играетъ роль реформатора, но и при этой массѣ новыхъ законовъ, которыми такъ богатъ періодъ съ 1834 года по наши дни—самыя основанія акта 1834 года остаются сохраненными. Среди прочихъ дополнительныхъ законовъ, изданныхъ въ этотъ періодъ

времени и относящихся ко всей странѣ, выработанъ былъ одинъ, касавшійся исключительно столицы. Актъ 1864 года, изданный въ видѣ опыта лишь на 12 мѣсяцевъ предписалъ устройство въ каждомъ приходѣ метрополіи пріюта для путешественниковъ, бродягъ, найденныхъ дѣтей и вообще для лицъ, ищущихъ пріюта на ночь, причемъ это новое законоположеніе передано было на обсужденіе „Poor law Board'a". Это было зародышемъ новой системы, задачей которой было создать изъ метрополіи единый округъ, ради чего немедленно же былъ созданъ общій для всѣхъ приходовъ столицы фондъ для различныхъ расходовъ по призрѣнію бѣдныхъ (Metropolitan Concmon Poor fond). Фондъ этотъ пополнялся взысканіями, собираемыми съ приходовъ, пропорціонально доходамъ съ имуществъ каждаго, обложенныхъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ.

Фондъ предназначался на удовлетвореніе слѣдующихъ расходовъ,—содержаніе умалишенныхъ въ пріютахъ, больныхъ въ особыхъ лѣчебницахъ для заразныхъ болѣзней, дѣтей — до возроста, когда онѣ могутъ поступить въ школы, не принадлежащія къ workhouses'амъ, и наконецъ содержаніе безпріютныхъ (casual poor). Изъ этого же фонда производились расходы на лѣкарства и содержаніе служащихъ въ пріютахъ, окружныхъ школахъ и больницахъ.

Перенесеніе на союзъ расходовъ, которые несли до сихъ поръ приходы самостоятельно, расходовъ, касающихся призрѣнія бѣдныхъ столицы,—сдѣлало необходимымъ и вызвало другое мѣропріятіе,—надо было установить *общія* правила относительно оцѣнки облагаемыхъ налогомъ имуществъ. Наконецъ, лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, изданъ былъ послѣдній актъ „Parish councils Act", измѣнившій нѣкоторыя правила выборовъ и организаціи бюро попечителей и создавшій приходскіе совѣты въ столицѣ.

Такова вкрацѣ исторія „закона о бѣдныхъ" въ Англіи и измѣненія, послѣдовавшія послѣ 1834 года въ законодательствѣ о призрѣніи бѣдныхъ, къ настоящей организаціи котораго мы теперь и перейдемъ; только что изложенное поможетъ намъ разобраться въ этой сложной организаціи.

II.

Современная организація.

Правила и условія. Какимъ условіямъ долженъ удовлетворять гражданинъ для полученія помощи,—это первый вопросъ, который намъ

представляется. Условія эти немногочисленны, но достаточно того, что они существуютъ, ибо существованіе ихъ указываетъ на то, что *существуетъ самое право на помощь*, и это право представляется для нѣкоторыхъ лицъ безспорнымъ. Развѣ система закономъ утвержденной благотворительности, гдѣ общетсво признаетъ себя должникомъ помощи, не предоставляетъ бѣдному право кредитора? спрашивали они. Какъ увидимъ дальше, изъ соч. M. du Puynode „La Charité et les dernières propositions charitables", 1895 г.—не мало безусловныхъ противниковъ этого права.

Вотъ какъ по этому поводу выражается М. Леруа-Болье: „Актъ 1834 года измѣнилъ организацію общественнаго призрѣнія, не измѣняя ея началъ и однимъ изъ непреложныхъ правилъ ея остается то, что *каждый бѣднякъ имѣетъ право на помощь отъ общества или Государства, и эта оказываемая ему помощь не есть дѣло милосердія, а исполненіе формальной обязанности.* Неимущій всегда можетъ требовать поддержки судьи для полученія помощи отъ общества. Тѣмъ не менѣе, если неимущій имѣетъ законное право въ отношеніи кредита у общества и можетъ требовать поддержки суда для полученія этого кредита, онъ въ тоже время не свободенъ отъ обязательствъ передъ обществомъ, которое ему помогаетъ.

Помощь, хотя и обязательная, разсматривается какъ заимообразная..."

Г. Chevallier полагаетъ, что вышеприведеннымъ Леруа Болье хотѣлъ сказать, что „обязательство, установленное закономъ для мѣстныхъ учрежденій, оказывать помощь бѣднымъ—представляетъ *общественный долгъ*, но не гражданское обязательство, создающее настоящее *право* бѣднаго на помощь, позволяющее ему призывать къ суду представителей общества". И дѣйствительно,—Бюро попечителей можетъ отказать въ помощи, причемъ получившій отказъ не имѣетъ возможности жаловаться. Ранѣе, въ подобныхъ случаяхъ, неимущему предоставлялось право обращаться къ суду, но этотъ родъ аппеляціи, создававшей много злоупотребленій, новымъ законодательствомъ исключенъ, или почти исключенъ, такъ какъ оставленъ лишь для случаевъ, о которыхъ будемъ говорить на своемъ мѣстѣ.

Безъ сомнѣнія, неимущій, получившій отказъ въ помощи, имѣетъ право прибѣгнуть къ Высшему Королевскому Суду, но, принявъ во вниманіе крайне скромное положеніе истца, и чрезвычайно трудный доступъ въ это высшее судебное въ странѣ учрежденіе, легко признать, что *санкціи* обязанности общества помогать и права неимущаго на помощь— не существуетъ.

Если неимущій лишенъ права обжалованія, за то ему безусловно покровительствуютъ противъ случайной строгости или жестокосердія попечителей во-первыхъ—контроль печати, а во-вторыхъ неусыпное наблюденіе Local Governement Board'a, т.-е. центральнаго управленія общественнаго призрѣнія. Инспектора этого учрежденія весьма часто присутствуютъ на собраніяхъ попечителей, ревизуютъ ихъ книги, принимаютъ жалобы и пр. и, если ими усматривается, что законъ о бѣдныхъ гдѣ-либо примѣняется не съ достаточной сострадательностью, они не только дѣлаютъ надлежащія замѣчанія бюро попечителей, но и настаиваютъ на увольненіи отъ службы виновныхъ лицъ, получающихъ жалованье.

Прибавимъ къ этому, что законъ обезпечиваетъ неимущихъ въ томъ отношеніи, что даетъ право предъявлять обвиненіе противъ тѣхъ—каково бы ни было ихъ положеніе—благодаря чьей небрежности послѣдовала смерть бѣдняка.

Вотъ почему по первой просьбѣ неимущаго попечители нынѣ *никогда* не отказываютъ въ помощи, но оказываютъ ее въ рабочемъ домѣ,—мѣра эта благоразумна и настойчиво предлагается попечителями; если-же бываютъ случаи безусловнаго отказа въ помощи, то лишь тогда, когда неимущій не желаетъ поступать въ workhouse. Исключеніе изъ приведенныхъ выше правилъ имѣется лишь для *бродягъ* и безпріютныхъ нищихъ, которыхъ, какъ мы дальше увидимъ, принимаютъ въ Casual Ward сами смотрителя этихъ помѣщеній, безъ постановленій на то Бюро попечителей, причемъ смотритель отказать въ пріемѣ *не смѣетъ*,

Вслѣдъ за главнымъ правиломъ—права на помощь—господствующимъ въ данномъ вопросѣ, имѣется не мало постановленій, служащихъ ему какъ бы толкованіемъ. Не будучи существенной обязанностью государства, призрѣніе требуетъ точнаго опредѣленія какому двигателю должны подчиняться тѣ, которые управляютъ администраціей: филантропіи, или благу общества? Естественно, что, руководствуясь тѣмъ или другимъ чувствомъ, можно прійти къ выводамъ совершенно различнымъ (?).—Старый законъ о бѣдныхъ, внушенный чувствомъ человѣколюбія, привелъ, какъ мы уже знаемъ, къ послѣдствіямъ печальнымъ,—новый—связанъ съ другою мыслею, которая, налагая узду, въ то же время создаетъ обязательство, такъ какъ, обезпечивая помощь, отъ имени общества, заинтересованнаго въ томъ, чтобы члены его не терпѣли нужды, она одновременно не допускаетъ итти дальше этого. Отсутствіе помощи также вредно, какъ и ея плохое и излишне широкое примѣненіе. Призрѣніе существуетъ лишь для тѣхъ, кто терпитъ дѣйствительную нужду (destitution) и оно должно обезпечивать лишь средства для удовлетворенія нуждъ самыхъ необходимыхъ и неотложныхъ.

Каковы бы ни были недостатки или достоинства особы, которой оказывается помощь, облегчаться должна лишь *нужда* ея, — облегченіе это должно производиться безличнымъ образомъ, каково бы ни было прошедшее призрѣваемаго; мало того,—если общественное призрѣніе должно стараться устранить нужду, оно не обязано ее предупреждать или препятствовать ея возврату,—оно должно перевязывать рану, не вступая въ область гигіены.

Долгъ довершать дѣло официальной благотворительности — принадлежитъ благотворительности частной,—первая предоставляетъ это второй.

Destitution—нужда—составляетъ *необходимое* условіе для полученія помощи,—человѣку, имѣющему какія либо средства, даже ничтожныя—помощь не будетъ оказана [1]). Если онъ ихъ скроетъ отъ попечителей или членовъ, допрашивающихъ объ этомъ, — онъ наказуется; если впослѣдствіи онъ получаетъ какую-либо собственность — онъ теряетъ право на помощь, и попечители имѣютъ право налагать запрещеніе на эту собственность и искать возмѣщенія помощи, оказанной въ теченіе предшествовавшихъ 12 мѣсяцевъ (право это распространяется и на собственность скрытую и на собственность посмертную).

Если призрѣваемый имѣетъ близкихъ, т. е. дѣтей (взрослыхъ), или родителей, попечители имѣютъ право требовать покрытія ими расходовъ на призрѣніе, если только призрѣваемый къ труду не способенъ. Помощь, оказанная замужней женщинѣ, разсматривается какъ бы оказанною ея мужу, а несовершеннолѣтнему (моложе 16 лѣтъ), какъ его брату или родителямъ (исключеніе сдѣлано для дѣтей слѣпыхъ или глухонѣмыхъ.

Ограничивая помощь неимущимъ только строго необходимымъ, государство заботилось поставить ихъ въ условія менѣе завидныя, чѣмъ рабочихъ, живущихъ исключительно своей работой, такъ какъ опытъ доказываетъ, что въ странѣ, гдѣ существуетъ узаконенная благотворительность, слѣдуетъ избѣгать чрезмѣрнаго увеличенія числа бѣдняковъ (paupers), призрѣваемыхъ. Демаркаціонной, такъ сказать, линіи между бѣдными и различными классами рабочихъ, конечно, не существуетъ, но если условія первыхъ будутъ хороши и желательны — ничто не можетъ помѣшать рабочимъ классамъ, терпящимъ не рѣдко лишенія,

---

[1]) При требованіи ночлега въ Workhouses'ѣ просящій его строго обыскивается и *ему отказывается въ ночлегѣ*, если при немъ будетъ найденъ даже 1 пенсъ (4 копѣйки), которымъ онъ можетъ заплатить за свой пріютъ въ частномъ ночлежомъ домѣ.

переходить черезъ эту границу,—жить безъ работы, бросить борьбу за существованіе—лестно. Въ такомъ случаѣ безконечно увеличиваются налоги и развращеніе охватываетъ страну. Примѣръ этому въ Англіи мы уже видѣли.

Быть можетъ, мѣры этой предосторожности нѣсколько оскорбляютъ чувство человѣколюбія, но онѣ необходимы въ странѣ, которая признаетъ *право* на помощь даже лицъ, способныхъ къ труду.—Законодатель 1834 года не уничтожилъ это право, но, сохранивъ его, онъ постарался помѣшать его злоупотребленіямъ.

Есть другая рѣзкая граница, отдѣляющая лицъ, получившихъ помощь, отъ прочаго населенія, — получившій помощь *теряетъ на годъ свое избирательное право* и раuрег не участвуетъ не только въ выборахъ парламентскихъ, *но и въ мѣстныхъ*. Несомнѣнно, что этимъ путемъ законъ хотѣлъ заклеймить живущихъ на счетъ общественной благотворительности, но въ примѣненіи закона шли иногда далѣе чѣмъ слѣдуетъ, — лишались избирательнаго права, напримѣръ, люди случайно отъ прихода своего получившіе медицинскую помощь; это заставило въ 1887 году парламентъ измѣнить этотъ законъ и нынѣ получающіе медицинскую помощь правъ избирательныхъ не лишаются.

Право на помощь подчиняется еще одному условію — мѣста жительства призпраемаго. Общественное призрѣніе, будучи исключительно *мѣстнымъ*, въ томъ или другомъ округѣ не можетъ распространяться на всѣхъ бѣдныхъ безразлично. Округа эти, сначала состоявшіе изъ приходовъ, а нынѣ изъ союзовъ приходовъ, оказываютъ помощь лишь бѣднымъ своего округа и именемъ *settlement* обозначается тотъ приходъ или союзъ, въ которомъ бѣдный имѣетъ право на помощь.

Мѣсто жительства условіемъ на право помощи впервые поставилъ законъ 1662 года при Карлѣ II, актъ же Елизаветы, какъ мы знаемъ, обязывалъ приходы давать помощь всѣмъ бѣднымъ. Въ теченіе двухъ столѣтій законъ этотъ испыталъ много измѣненій и нынѣ *мѣсто жительства* вновь имѣетъ значеніе обязательнаго условія. Въ принципѣ условіе это оправдывается, пока полученіе помощи не сопряжено съ затрудненіями или даже съ невозможностью. Нынѣ препятствія къ перемѣнѣ мѣста жительства значительно уменьшены и возращеніе (removol) бѣдныхъ въ ихъ приходы, ранѣе такъ часто практиковавшееся, весьма ограничено. Не говоря о расходахъ—removol всегда вызывалъ злоупотребленія во-первыхъ, а во-вторыхъ безспорно представляетъ насиліе надъ личной свободой. На практикѣ, большими городами въ особенности, право возвращенія не примѣняется. Въ сущности право это было-бы давно уничтожено, если бы не существовало значительнаго вселенія

ирландцевъ въ Англію. Отъ этого вселенія страдаютъ въ особенности приморскіе города, которые и озабочены сохраненіемъ стараго условія—*мѣста жительства.*

Хотя округомъ помощи для неимущаго нынѣ является *союзы приходовъ*, тѣмъ не менѣе мѣсто жительство призрѣваемаго должно быть опредѣлено въ *приходѣ.*

Таково правило, но надо замѣтить, что въ значительной степени оно потеряло свое значеніе вслѣдствіе многихъ послѣдовавшихъ измѣненій и главнымъ образомъ потому, что союзъ объединилъ приходы относительно налога въ пользу бѣдныхъ и отправлять впавшаго въ нужду ради помощи изъ одного прихода въ другой того же союза—нѣтъ смысла.

Мѣсто жительства пріобрѣтается различнымъ образомъ,—во-первыхъ рожденіемъ, мѣсто котораго есть и мѣсто жительства, во-вторыхъ мѣстомъ жительства родителей; малолѣтній, пока находится на попеченіи ихъ, считается въ мѣстѣ жительства отца, а въ случаѣ смерти его—матери, когда же дѣлается самостоятельнымъ, сохраняетъ это мѣсто жительства до пріобрѣтенія имъ новаго. Впрочемъ, это относится лишь до дѣтей законныхъ, для незаконнорожденныхъ же актомъ 1834 года, мѣсто жительства опредѣляется таковымъ ихъ матери, что порождало много злоупотребленій; такъ какъ таковое мѣсто жительства отвѣчало мѣсту рожденія ребенка, то приходы *изгоняли* беременныхъ дѣвушекъ изъ своихъ предѣловъ, дабы ребенокъ, рожденный внѣ этихъ предѣловъ, не ложился бременемъ на приходъ.

Въ третьихъ мѣсто жительства опредѣляется бракомъ, относительно женщинъ, обязательно слѣдующихъ за мужьями и сохраняющихъ это мѣсто жительство и послѣ смерти мужей. Это мѣсто жительства уничтожаетъ пріобрѣтенныя другимъ путемъ (мѣсто рожденія, мѣсто жительства родителей). Въ четвертыхъ—обученіемъ, если обучающійся, во исполненіе контракта, проживаетъ въ данной мѣстности не менѣе 40 дней. Въ пятыхъ—арендою недвижимости, дающей доходу не менѣе 8 шиллинговъ (?), и наконецъ тѣмъ фактомъ, что обыватель въ данномъ мѣстѣ платитъ приходскіе налоги. Съ 1876 года, пребываніе въ данной мѣстности не менѣе трехъ лѣтъ также опредѣляетъ settlement. Такими путями пріобрѣтается settlement, дающій право на помощь въ округѣ, откуда неимущій не можетъ быть изгнанъ и куда онъ долженъ быть направляемъ, въ случаѣ впаденія въ нужду внѣ предѣловъ своего округа.

Пріобрѣтеніе мѣста жительства дастъ слѣдующія послѣдствія:

Въ случаѣ, если лицо впадаетъ въ нужду въ приходѣ, гдѣ не имѣетъ мѣста жительства—передъ нами являются двѣ возможности:

въ извѣстныхъ случаяхъ оно можетъ получить помощь отъ прихода, въ которомъ находится, а именно,—если приходъ этотъ входитъ въ тотъ же союзъ какъ и приходъ его, или если оно иностранецъ и опредѣленнаго мѣста жительства въ Англіи не имѣетъ [1]). Также разсчитывать на помощь онъ можетъ если впалъ въ нищету *случайно* или благодаря болѣзни, если только этотъ случай, или болѣзнь не влекутъ за собою неспособности къ работѣ навсегда. Вторая возможность та, когда лицо не находится въ выше приведенныхъ обстоятельствахъ и когда приходъ, не обязанный оказать ему помощь, можетъ и хочетъ воспользоватся правомъ removal, т. е. выселенія *его* въ свой приходъ. Попечители требуютъ и получаютъ отъ судьи order of removol, т. е. приказъ о выселеніи.

Но какъ мы говорили на практикѣ право это, въ особенности въ случаяхъ болѣзни, примѣняется чрезвычайно рѣдко, тѣмъ болѣе, что приходы черезъ посредство Central Board входятъ по этому поводу между собою въ предварительныя соглашенія и затрудненія разрѣшаются всегда успѣшно.

Округа и власти общественнаго призрѣнія. Законъ 1834 года, какъ мы говорили, создалъ новые округа помощи—приходскіе союзы и образовалъ новые органы для примѣненія закона о бѣдныхъ,—бюро попечителей, или ихъ совѣты (Board of guardians), подчинивъ ихъ одновременно центральной власти.

Прежде, до акта 1834 года, административнымъ округомъ въ отношеніи закона о бѣдныхъ былъ приходъ, избранный таковымъ вслѣдствіе причинъ историческихъ. Онъ былъ округомъ церковнымъ, представлявшимъ область религіозной и благотворительной дѣятельности духовенства. Когда призрѣніе бѣдныхъ сдѣлалось общественной обязанностью, административнымъ округомъ остался приходъ, но духовенство было замѣнено особыми лицами. Благодаря административнымъ обычаямъ англичанъ, на приходы стали возлагаться новыя и новыя обязанности и наконецъ изъ нихъ сдѣлали, такъ сказать, очаги административной мѣстной жизни и этотъ свѣтскій приходъ, рожденный отъ церковнаго,—потерялъ свой религіозный характеръ.

Приходъ не представлялъ ни населенія достаточно большого, чтобы доставить просвѣщенныхъ и независимыхъ администраторовъ для добро-

---

[1]) Иностранецъ можетъ пріобрѣсть мѣсто жительства, не натурализуясь, т. е. не принимая подданства Велико-Британскаго.

совѣстнаго исполненія закона о бѣдныхъ, ни достаточной площади земли, съ которой могъ бы быть собранъ налогъ, одновременно и удовлетворяющій нуждамъ и не обременяющій платящихъ его. Между приходами существовала и продолжаетъ существовать разница во многихъ отношеніяхъ. Руководствоваться средней цифрой, опредѣляющей въ 1,700 число обитателей прихода,—совершенно немыслимо,—она не имѣетъ практическаго значенія. Изъ 15,000 приходовъ Англіи—въ 6,000—менѣе 300 обитателей, а въ 788—число обитателей менѣе *50*; въ то же время многіе приходы имѣютъ населеніе свыше 10,000 душъ. Въ отношеніи же поверхности земли, занимаемой приходами, разница между ними не меньшая,—есть приходы, занимающіе менѣе 50 акровъ (17 десятинъ), есть и такіе, пространство которыхъ превышаетъ 10,000 акровъ.

Союзъ приходовъ представлялъ такимъ образомъ необходимость,—она была понята раньше, но образованы союзы эти въ числѣ 647—лишь въ 1834 году.

Образованіе союза есть дѣло Central Board'a, который какъ въ группировкѣ приходовъ, такъ и въ выборѣ управляющихъ ими, руководствуется условіями и обстоятельствами различными: населеніемъ, пространствомъ, цѣнностью земельныхъ владѣній, зажиточностью обывателей и т. д. Понятно, что союзы не могли быть поэтому образованы по одному шаблону, и союзы весьма между собою разнятся по числу приходовъ, количеству населенія и пространству. Такъ напримѣръ союзъ Welwyn, въ Гердфордширѣ, состоитъ изъ четырехъ приходовъ, имѣетъ 2,300 душъ жителей и расположенъ на поверхности въ 6,457 актовъ, тогда какъ Союзъ Morpeth, въ Нортумберландѣ, состоитъ изъ 72 приходовъ, съ населеніемъ въ 36,074 душъ и съ территоріей въ 97,401 акръ.

Первый имѣетъ *пять* попечителей,—второй—*семьдесятъ два*. Союзъ Morpeth не принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ,—Cholton Union имѣетъ 260,000 обитателей, лишь при 12 приходахъ и 12,000 акрахъ, а Lincoln Union 159,000 акровъ, при 99 приходахъ, но при населеніи лишь въ 64,500 душъ.

Свыше 200,000 душъ жителей имѣютъ десять союзовъ и наоборотъ четыре союза имѣютъ менѣе чѣмъ 3,000.

Такая-же разница наблюдается относительно стоимости владѣній, подлежащихъ обложенію въ пользу бѣдныхъ,—есть союзъ, гдѣ сумма собираемаго налога достигаетъ до 4 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (40 милліоновъ рублей), въ другомъ она не достигаетъ 15,000 фунтовъ.

Есть приходы настолько значительные по ихъ населенію, пространству и богатству, что они дѣйствуютъ самостоятельно какъ союзы, т. е. составляя сами административный округъ помощи,—такихъ приходовъ нѣсколько въ Лондонѣ, а всѣхъ ихъ въ Англіи 25.

Союзы, въ свою очередь, могутъ группироваться, или быть сгруппированы властью центральной для образованія и содержанія различныхъ вѣтвей общественнаго призрѣнія, какъ напримѣръ школъ, убѣжищъ для душевно больныхъ и т. д.

Практикуется это въ особенности въ столицѣ, которая во многихъ отношеніяхъ разсматривается какъ одинъ округъ.

Въ дѣйствительности, нѣкоторыя вѣтви Poor Law (общ. призрѣнія) вѣдаются особымъ Metropoliton Asylums Board (Столичное Управленіе убѣжищъ), созданнымъ въ 1867 году и состоящимъ изъ 60 членовъ, сорока пяти избранныхъ союзами и пятнадцати—центральнымъ управленіемъ (Local Governement Board). На нѣкоторые расходы Столичнаго Управленія убѣжищъ даетъ средства Common Poor Fond. (Общій фондъ бѣдныхъ).

Союзы, замѣнивъ приходы, не отняли отъ нихъ всего ихъ значенія,—приходы продолжаютъ имѣть своихъ представителей и даже своихъ собственныхъ служащихъ. Каждый приходъ, входящій въ составъ союза, назначаетъ одного или нѣсколькихъ представителей для присутствія въ бюро попечителей (совѣтъ), а въ лицѣ Overseers'овъ приходы имѣютъ своихъ чиновниковъ, сборщиковъ налоговъ въ пользу бѣдныхъ; налоги эти устанавливаются, само собою, союзами, но сборъ и расчеты ведутся приходскими overseers'ами.

Управляетъ союзомъ Board of Guardions, бюро, или совѣтъ попечителей о бѣдныхъ. Какъ мѣстная власть онъ подчиненъ центральному управленію, объ образованіи и развитіи котораго мы уже говорили. Число попечителей въ этихъ бюро измѣняется по числу и значительности приходовъ, которые посылаютъ въ бюро не менѣе одного представителя, но обыкновенно нѣсколькихъ, причемъ число ихъ опредѣляется центральнымъ управленіемъ.

До 1894 года кромѣ попечителей избранныхъ, въ бюро засѣдали попечители по праву, ex-officio, какъ еще называли англичане,—таковыми были мировые судьи союза (на 20,687 попечителей по избранію приходилось 7412 ex-officio). Съ 1894 года мировые судьи освобождены отъ присутствія въ бюро. Попечители избираются на три года, а бюро обновляется по третямъ т.-е. ежегодно, 15-го апрѣля.

До 1894 г. система избранія попечителей основывалась на имущественномъ цензѣ, благодаря чему богатые люди, не рѣдко живущіе

внѣ предѣловъ союза, пользовались многими голосами. Система эта горячо критиковалась либеральной партіей, требовавшей примѣненія принципа Гладстона—„One man, one vote“ т.-е.—„одинъ человѣкъ—одинъ голосъ“.

Актъ 1894 года далъ систему болѣе демократическую, основанную на уничтоженіи цензовъ избирателей.

Для избиранія нынѣ не существуетъ условій пола,—женщины, имѣющія право избирать, могутъ быть и избираемы и законъ этотъ получилъ настолько быстрое и широкое примѣненіе, что во всѣхъ бюро Лондона имѣются уже женщины, а въ двухъ совѣтахъ попечителей столицы женщины имѣютъ большинство и весь составъ служащихъ замѣнили представительницами своего пола. Здѣсь не мѣсто и не время говорить о прогрессѣ женскаго движенія въ Англіи, но не можемъ не замѣтить, что, получивъ право избранія въ совѣты, онѣ дѣйствуютъ на столько энергично и дѣятельностью ихъ общество настолько довольно, что не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ все дѣло общественнаго призрѣнія въ Англіи будетъ находиться въ женскихъ рукахъ. Нельзя не порадоваться этому.

Замѣчательно, что въ актѣ 1894 года *точнаго* указанія о правѣ женщины быть избранной—нѣтъ,—это право дала практика, а судебныя учрежденія допустили исправленіе женщинами обязанностей obersеers'овъ, т.-е. сборщиковъ податей [1]).

Не мало было споровъ (не въ одной Англіи) о томъ—могутъ ли *замужнія* женщины быть избираемыми и большинство отвѣчало отрицательно на томъ основаніи, что только дѣвушки могутъ независимо располагать собою и состояніемъ (В. П. Острогорскій „Женщина съ точки зрѣнія общественнаго права“ стр. 95 и д.). Законъ 1894 года различія между женщинами и дѣвушками не дѣлаетъ, чему можно только порадоваться,—замужнія женщины въ обсужденіе вопросовъ, имъ близкихъ, могутъ вступать облеченныя знаніемъ жизни, чего нерѣдко не хватаетъ старымъ дѣвушкамъ, наивность которыхъ стала баснею.

Не разрѣшая вопроса о томъ—способна ли женщина къ дѣятельности политической, мы не можемъ не признать, въ виду имѣющагося уже опыта, что присутствіе женщинъ въ совѣтахъ попечителей приноситъ громадную пользу. Ими оказываются весьма крупныя услуги, какъ въ

---

[1]) Впервые попечителемъ женщина была избрана въ Кенсингтонскомъ кварталѣ въ Лондонѣ, въ 1884 году въ Лондонѣ ихъ было 14, нынѣ свыше ста. Съ прошлаго года женщины избираются и въ *Общинные* совѣты—родъ нашихъ *думъ*.

видѣ совѣтовъ, такъ и въ негласныхъ дознаніяхъ о просителяхъ, дознаніяхъ, имѣющихъ существенное значеніе, такъ наконецъ и *личнымъ* участіемъ къ бѣднымъ, которыхъ онѣ посѣщаютъ, снабжаютъ работой и нерѣдко избавляютъ отъ офиціальнаго призрѣнія. Зачастую члены частныхъ благотворительныхъ обществъ образуютъ счастливую связь между офиціальнымъ призрѣніемъ бѣдныхъ и частной благотворительностью. Инспекція помѣщеній и внутренней жизни vorkhouses'овъ, назначеніе и выборъ служащихъ и т. д. исполняются женщинами несравненно удачнѣе чѣмъ мужчинами.

Говорятъ, что женщины—мелочны; пусть такъ, въ данномъ случаѣ это достоинство, а не недостатокъ.

Быть можетъ, онѣ менѣе приготовлены къ сложнымъ обязанностямъ бюро попечителей въ сельскихъ союзахъ, которымъ какъ мы увидимъ дальше, присвоены различныя обязанности, ничего общаго не имѣющія съ первоначальнымъ предметомъ учрежденія.

Благодаря этому, число женщинъ избранныхъ въ сельскихъ союзахъ, значительно менѣе, чѣмъ въ городахъ.

Въ отношеніи состава своего бюро сельскія вообще сильно разнятся отъ городскихъ. Въ городахъ и въ особенности въ большихъ попечителями избираются главнымъ образомъ коммерсанты, хорошо работающіе въ бюро, но не честолюбивые, въ сельскихъ-же бюро должность попечителя составляетъ предметъ желанія и исканія, ибо она можетъ выдвинуть личность и даетъ, въ виду теперь многосложныхъ обязанностей, извѣстное положеніе въ союзѣ. Должность попечителя служитъ какъ бы ступенью для другихъ высшихъ общественныхъ должностей и потому почти всегда занимаютъ ее люди интелигентные, надѣющіеся составить политическую карьеру.

Попечители сами избираютъ своего президента (Chairman) и одного или двухъ вице-президентовъ. Секретаремъ служитъ клеркъ по найму. Собранія (митинги) попечителей собираются періодически, обыкновенно, каждые 15 дней. Чрезвычайное собраніе можетъ быть созвано по требованію двухъ членовъ.

Собранія эти *не* гласны и имѣютъ мѣсто обыкновенно въ workhouse'ѣ.

Для дѣйствительности рѣшенія достаточно присутствія трехъ членовъ. Всѣ формальности одинаковы во всѣхъ бюро и установлены закономъ general Consolidated Order'омъ, отъ 24 іюля 1847 года.

Въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ мы увидимъ какъ попечители исполняютъ обязанности администраторовъ общественнаго призрѣнія и какимъ образомъ происходятъ ихъ собранія. На этихъ собраніяхъ рѣшается

ими тотъ или другой родъ помощи и производится провѣрка условій, требуемыхъ на право помощи.

Обязанности бюро попечителей сложны и достаточно разнообразны, вслѣдствіе чего изъ среды своей попечители избираютъ комитеты, обязанные изучать какую-либо отрасль дѣлъ.

Попечителямъ подчиненъ довольно обширный составъ служащихъ по найму, зависящихъ одновременно и отъ мѣстной и отъ центральной власти,—избраніе или принятіе ихъ на службу зависитъ отъ попечителей, но затѣмъ они подчиняются Central Board'у, которое одно лишь имѣетъ право на ихъ увольненіе.

Собственно говоря, именно служащіе по найму (paid officers) представляютъ то, что мы привыкли называть администраціей, попечители же, составляющіе совѣтъ избирательный,—служатъ представителями лишь мѣстныхъ интересовъ.

Одинъ изъ служащихъ по найму, клеркъ-секретарь бюро играетъ весьма значительную роль; это вліятельнѣйшее лицо въ союзѣ хотя іерархически и подчинено попечителямъ. Обыкновенно юристъ по образованію, онъ не только служитъ совѣтникомъ попечителей, но и ихъ вдохновителемъ и руководителемъ. Клеркъ, кромѣ того *предсѣдательствуетъ* при выборахъ попечителей и, какъ увидимъ дальше, вообще исполняетъ сложныя обязанности. Содержаніе клерки въ Лондонѣ получаютъ отъ 500 до 600 фунтовъ стерлинговъ (5—6000 рублей).

Цѣлый легіонъ служащихъ по найму (paid officers) содержитъ въ себѣ кромѣ клерковъ нѣсколько другихъ рязрядовъ, — relieving officers, или раздающихъ помощь, masters, или директоровъ workhsouses'овъ, matrons (надсмотрщицъ), nurses—сестеръ милосердія, и много мелкихъ служащихъ. О штатѣ служащихъ въ workhouses'ахъ мы будемъ говорить своевременно, теперь же скажемъ нѣсколько словъ объ обязанностяхъ relieving officers. Въ каждомъ союзѣ имѣется такихъ служащихъ 2—3 человѣка, причемъ каждымъ вѣдается свой участокъ. (Въ 1883 году relieving officers'овъ считалось 1540 человѣкъ при 87 ассисентахъ. Въ томъ же году общее число служащихъ достигало 19,000). Личный составъ этихъ раздавателей помощи пополняется изъ низшихъ классовъ общества, обыкновенно изъ отставныхъ военныхъ, и хотя господа эти и играютъ въ населеніи извѣстную роль, но престижа не имѣютъ и по значенію своему не могутъ быть сравниваемы съ клерками, людьми обязательно образованными. Relieving officers'ы принимаютъ прежде всего просьбы о помощи, — они изучаютъ затѣмъ право просителя на помощь знакомятся съ его дѣйствительнымъ положеніемъ, составляютъ объ этомъ докладъ, который вмѣстѣ съ мнѣніемъ своимъ представляютъ первому со-

бранію попечителей. Затѣмъ онъ исполняетъ рѣшеніе попечителей,—если рѣшено оказать помощь на дому—онъ самъ долженъ оказать ее въ видѣ ли денежнаго пособія, или въ другой формѣ смотря по постановленію бюро, и нѣкоторое время навѣщать новаго кліента.

Въ особенныхъ случаяхъ онъ можетъ оказывать помощь и безъ постановленія бюро, но *не* денежную. Словомъ, это скромные агенты, но безусловно необходимые и можно смѣло сказать, что отъ ихъ достоинствъ или недостатковъ зависитъ добросовѣстное или нѣтъ распредѣленіе помощи въ союзѣ и вообще дѣло общественнаго призрѣнія въ странѣ. Какъ и вообще это нерѣдко бываетъ, судьба извѣстнаго учрежденія находится въ рукахъ наиболѣе скромныхъ, мелкихъ служащихъ.

Бюро попечителей, представляя собою власть мѣстную, находится подъ сильною опекою центральнаго управленія, Local Governement Board'а, которое, какъ мы говоримъ составляетъ въ Англіи настоящее министерство, вѣдѣнію котораго нынѣ подлежатъ дѣла, весьма мало общаго имѣющія съ его первоначальнымъ назначеніемъ. Ни одна служба въ Англіи не централизована такъ какъ служба Poor law'а, — безъ одобренія центральнаго управленія почти ничего не можетъ быть сдѣлано. Со дня образованія центральнаго управленія, власть его видоизмѣнилась значительно.

Въ первые годы существованія своего оно было занято собственно опредѣленіемъ округовъ и организаціей мѣстныхъ властей, т. е. устанавливались границы каждаго союза и учреждались бюро попечителей,— это былъ періодъ созиданія, такъ сказать. Законъ о бѣдныхъ былъ вновѣ и центральному управленію приходилось его толковать и дополнять,— отсюда цѣлый рядъ приказовъ, правилъ и поясненій. Съ окончаніемъ задачи организаціи открылась другая, — установить постоянный контроль одновременно и административный и финансовый. Агентами перваго контроля—являлись инспектора, замѣнившіе бывшихъ Assistant Commissionners. Инспектора нѣсколько разъ въ годъ присутствуютъ на митингахъ попечителей, посѣщаютъ workhouses'ы, удостовѣряютъ неправильности, производятъ дознанія и т. д. Попечители видятъ въ нихъ не столько старшихъ себя, сколько совѣтниковъ. Можно сказать, что инспекторъ играетъ роль друга и опекуна надъ бюро попечителей своей области. Всѣхъ областныхъ инспекцій 15, кромѣ двухъ столичныхъ. Кромѣ этихъ 17 инспекторовъ имѣются еще 4 для школъ при workhouses'ахъ, одинъ для повѣрки расчетовъ и одинъ для мѣстныхъ займовъ.

Что касается финансоваго контроля, то таковой производится auditors'ами, каковыхъ 37, по числу областей audit, т. е. контрольныхъ. Эти контролеры не менѣе двухъ разъ въ годъ провѣряютъ отчетности

и списки мѣстныхъ властей (въ концѣ марта и началѣ октября); обязанности ихъ считаются наиболѣе важными и ни въ назначеніе ихъ, ни въ вознагражденіе—попечители не вмѣшиваются.

Благодаря дѣятельности съ одной стороны инспекторовъ, а съ другой auditors'овъ, контроль центральной власти весьма твердо поставленъ. Собственно говоря это и есть существенная обязанность Local Governement Board'a, но не исключительная, ибо министерство это имѣетъ власть и законодательную, — оно вызываетъ и проводитъ преобразованія и улучшенія, объединяетъ дѣло и обнародываетъ его путемъ печати.

Источники средствъ общественнаго призрѣнія. Налогъ въ пользу бѣдныхъ. Наиболѣе замѣчательную сторону системы англійскаго общественнаго призрѣнія составляетъ, конечно, poor rate, т. е. налогъ, исключительно предназначенный на образованіе суммъ, необходимыхъ для помощи бѣднымъ.

Существованіе этого налога и есть наиболѣе отличительный признакъ оффиціальной или закономъ установленной благотворительности. Налогъ въ пользу бѣдныхъ далеко не составляетъ необходимости (?) для организуемаго обществомъ призрѣнія,—государство и общество могутъ ограничиться организаціей, централизаціей и распредѣленіемъ частной милостыни, направленіемъ благотворительныхъ учрежденій, созданныхъ частною предпріимчивостью, т. е. сдѣлаться уполномоченными частныхъ людей, какъ это мы видимъ (за нѣкоторыми исключеніями) во Франціи, или же государство изъ средствъ своего бюджета можетъ содержать учрежденія призрѣнія, которое въ такомъ случаѣ будетъ носить характеръ обязательнаго и безъ спеціальнаго на этотъ предметъ налога.

Что чрезвычайно отличаетъ всѣ такія системы, отъ системы англійской, это то, что здѣсь *расходъ* опредѣляетъ необходимую сумму налога, который поэтому и повышается, или понижается смотря по необходимости. Такимъ образомъ самыя нужды, вызываемыя примѣненіемъ закона о бѣдныхъ, опредѣляютъ размѣръ особаго, по англійскому законодательству, налога.

Актъ Елизаветы, если не создавшій, то впервые правильно установившій порядокъ общественнаго призрѣнія въ Англіи, рѣшилъ, что необходимые для благотворительныхъ расходовъ средства будутъ доставляться налогомъ, собираемымъ въ предѣлахъ каждаго прихода overseers'ами, назначаемыми магистратомъ.

Прошло послѣ этого почти три вѣка, но порядокъ этотъ за незначительными измѣненіями остается въ силѣ, — союзы замѣнили приходы, явилось центральное управленіе, но послѣдніе продолжаютъ посредствомъ

своихъ чиновниковъ собирать этотъ налогъ; мало того, въ то время какъ многія разнообразныя, спеціальныя вѣтви выдѣлились изъ вѣдѣнія союзовъ (а значитъ и приходовъ) и союзы для этого сами вступали въ бóльшія союзы,—приходъ продолжаетъ доставлять для всего дѣла денежныя средства,—можно даже сказать, что приходы сохранили свою автономію—лишь въ этомъ отношеніи, а служащіе его—лишь эту дѣятельность.

Было бы ошибкою, однако, считать, что poor rate составляетъ единственный источникъ средствъ призрѣнія,—помимо его имѣются и другіе, не столь обильные, но обойти молчаніемъ которыхъ нельзя, — это государственные займы и подати. Займы разрѣшаются каждый разъ, какъ встрѣчается необходимость сооруженія, или расширенія workhouses'овъ, требующее единовременнаго и крупнаго расхода, который благодаря займу на плательщиковъ налога разлагается на нѣсколько лѣтъ. Займы также разрѣшаются при постройкахъ областныхъ школъ и столичныхъ убѣжищъ и долгое время заключались на предметъ выселенія бѣдняковъ въ британскія колоніи.

Собранія, по которымъ нынѣ разрѣшаются займы, представляютъ свою опасную сторону, такъ какъ союзы весьма охотно согласятся уплату настоящихъ расходовъ отнести на будущія поколѣнія, — въ виду этого центральному управленію предоставлены широкія полномочія для изученія и опредѣленія дѣйствительной и разумной потребности займовъ и ихъ размѣровъ и условій погашенія. Законъ, впрочемъ, самъ опредѣляетъ предѣльный срокъ займовъ, но предоставляетъ центральному управленію сокращать сроки, если по мнѣнію управленія предметъ займа не оправдываетъ столь продолжительнаго срока.

Большею частью эти займы должны погашаться въ теченіе тридцати лѣтъ и въ дѣйствительности продолжительность погашенія не превышаетъ этого періода. Закономъ же опредѣляется соотношеніе, которое должно существовать между суммою займа и налоговъ въ области, которые служатъ гарантіей займа.

Затѣмъ являются такъ называемые *дары* парламента, которые предназначаются на содержаніе pauper lunaties, т. е. бѣдныхъ умалишенныхъ. Государство изъ консолидированныхъ фондовъ выдаетъ по 4 шиллинга въ недѣлю за каждаго умалишеннаго той области, или союзу, въ которомъ душевно больной содержится.

Помощь эта объясняется чисто принципіальнымъ основаніемъ, — относительно неимущихъ умалишенныхъ является *вопросъ общественной безопасности,* которымъ государство не можетъ не интересоваться, почему и считаетъ долгомъ помогать разрѣшенію этого вопроса путемъ денежной помощи.

Также принципіальныя основанія руководятъ правительствомъ при несеніи или значительной доли расходовъ на содержаніе воспитателей и докторовъ на службѣ общественнаго призрѣнія. Назначеніе и содержаніе врачей разсматривается даже какъ обязанность государства, а не общественнаго призрѣнія.

Казалось-бы, что такое финансовое участіе могло бы дать мысль государству внести въ имперскій бюджетъ расходы по общественному призрѣнію, но противъ такой реформы рѣшительно возстаютъ политическіе дѣятели Англіи, несмотря на весьма сильную централизацію, данную организаціи общественнаго призрѣнія, и—нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что настоящее, положеніе лучше отвѣчаетъ требованіямъ благотворительности, хотя на практикѣ и являются иногда неудобства въ неравномѣрномъ распредѣленіи расходовъ между различными областями.

Здѣсь считаемъ не лишнимъ сказать, что налогъ въ пользу бѣдныхъ Англіи, какъ съ точки зрѣнія финансовой науки, такъ и благотворительной экономіи, имѣетъ настолько особый видъ, что вызываетъ цѣлый рядъ весьма любопыныхъ замѣчаній. Характеръ этого налога опредѣленъ вполнѣ, это налогъ *мѣстный* и въ качествѣ таковаго же представляетъ всѣ отличительныя черты, которыми обладаютъ англійскіе мѣстные налоги,—это налогъ спеціальный, прямой и безусловно отличный отъ налоговъ государственныхъ.

Стороны эти заслуживаютъ вниманія. Налогъ въ пользу бѣдныхъ Англіи есть налогъ мѣстный ибо онъ взимается въ приходѣ, на приходскія нужды и съ подлежащихъ налогу, которые его и установили. Объ англичанахъ говорятъ, что по ихъ мнѣнію искусство управленія состоитъ въ томъ, что каждый расходъ долженъ разрѣшаться тѣми, кто его оплачиваетъ, но при ближайшемъ знакомствѣ съ тѣмъ, какъ примѣняется въ жизни эта мысль, безспорно либеральная, не трудно замѣтить насколько слабо фактами выражаются принципы, но въ то же время нельзя не преклониться передъ искусствомъ англичанъ съ какимъ они поддерживаютъ въ народѣ убѣжденіе self-governement'а, т. е. самоуправленія, на дѣлѣ почти не существующаго.

Такъ или иначе, но важно то, что расходы общественнаго призрѣнія покрываются *мѣстнымъ* налогомъ, и что они (расходы) составляютъ *мѣстную* обязанность.

По мнѣнію большинства авторовъ, которыхъ мы назвали — официальное призрѣніе должно возможно менѣе черпать изъ средствъ, даваемыхъ налогами, каковые въ смѣтѣ призрѣнія должны имѣть значеніе побочныхъ источниковъ, главнымъ же источникомъ должна служить благотворительность свободная, частная; но разъ уже налоги слу-

жатъ этимъ источникомъ, они должны быть мѣстными, каковыми они и являются въ Англіи, будучи *прямыми, специальными* и отличными отъ государственныхъ.

Прямой налогъ, составляя фондъ для мѣстныхъ расходовъ, имѣетъ весьма, крупный недостатокъ — отсутствіе подвижности, — имущественный доходъ, на которомъ онъ основанъ, не обладаетъ свойствами повышаться или понижаться вмѣстѣ съ уровнемъ общественнаго богатства. Расходы увеличиваются вмѣстѣ съ развитіемъ богатства и цивилизаціи безостановочно и по мѣрѣ увеличенія расходовъ увеличивается и налогъ; съ другой стороны, предположивъ, что налогъ остается въ одномъ размѣрѣ, — онъ будетъ чрезвычайно обременителенъ въ неурожайные годы, тогда какъ въ періоды благопріятные онъ не дастъ того, что можно было бы извлечь изъ увеличившихся доходовъ.

Несовершенство это не мѣшаетъ, однако, во всѣхъ случаяхъ прямымъ налогамъ принимать все болѣе и болѣе мѣстный характеръ, тогда какъ косвенные налоги получаютъ характеръ общій и доставляютъ средства для управленія центральнаго, или федеральнаго.

Эта, если можно такъ выразиться, локализація уменьшаетъ повсюду, гдѣ существуетъ, тяжесть прямыхъ налоговъ, ибо мѣстные налоги переносятся всегда легчо! Расходы, производимые передъ глазами, такъ сказать, платящихъ налоги, расходы, полезность которыхъ можно видѣть и оцѣнить, оплачиваются безспорно легче населеніемъ. Очевидно, что на этомъ пути не слѣдуетъ доходить до крайности,—чрезмѣрная сумма несовершенныхъ налоговъ доводила плательщиковъ до оставленія земли, въ нѣкоторыхъ областяхъ Англіи, что, собственно говоря, и вызвало въ 1834 году слѣдствіе относительно законодательства объ общественномъ призрѣніи. Въ Лейчестерширѣ, сумма налоговъ достигла фунта стерлинговъ на акръ (болѣе 25 руб. на десятину).

Poor rate, въ качествѣ налога мѣстнаго и по примѣру прочихъ мѣстныхъ налоговъ безусловно отличенъ отъ прямыхъ налоговъ національныхъ. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ land tax, налогомъ поземельнымъ, или съ house duty (налогомъ на дома), т. е. съ налогами, установленными государствомъ и составляющими весьма малую часть доходовъ государственныхъ.

Также, какъ и прочіе мѣстные налоги, poor rate взимается мѣстными чиновниками, которые подсудны не Audite office, имѣющему значеніе нашего государственнаго контроля, но auditors'амъ, т. е. контролерамъ, о которыхъ мы выше говорили и которые для городовъ избираются самими горожанами, а для сельскихъ областей назначаются центральнымъ управленіемъ. Наконецъ poor rate — налогъ *специальный* и составляетъ даже

самую сущность системы спеціальныхъ налоговъ, ибо она примѣняется лишь помѣстно и не существуетъ въ финансахъ государственныхъ; что же касается графствъ, то въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, которыя состоятъ изъ сельскихъ приходовъ, кромѣ общаго налога—county rate,—существуетъ два спеціальныхъ налога: одинъ на предметъ содержанія умалишенныхъ, другой для полиціи.

О выгодахъ и неудобствахъ принциповъ системы спеціальныхъ налоговъ людьми компетентными говорилось не мало. Нѣтъ сомнѣнія, что съ точки зрѣнія теоретической, систему эту нельзя не одобрить, такъ какъ при ней гражданинъ непосредственно оплачиваетъ ту услугу, которую оказываетъ ему государство, провинція, или община, но если принципъ этотъ оправдывается различными другими его примѣненіями, то въ отношеніи къ налогу въ пользу бѣдныхъ, онъ безспорно можетъ вызвать основательныя критическія замѣчанія. Здѣсь налогъ взимается именно съ тѣхъ, которые имъ не пользуются... и слѣдовательно тѣми же основаніями спеціальность налога не можетъ быть оправдана.—По окладному листу, предъявляемому плательщикамъ, часть взыскиваемыхъ съ нихъ налоговъ предназначается въ пользу другого класса населенія,—развѣ не можетъ это вызвать глубокой пропасти между этими двумя классами,—истощить симпатіи и жалость съ одной стороны и создать родъ паріевъ съ другой? Именно это мы и видимъ въ Англіи,—видимъ, какія чувства вызываются въ плательщикахъ увеличеніемъ налога въ пользу бѣдныхъ.

Актомъ Елизаветы опредѣлены (не достаточно, впрочемъ, точно), а закономъ 1836 утверждены правила о томъ, какія именно имущества облагаются налогомъ въ пользу бѣдныхъ. Таковыми имуществами являются исключительно *недвижимыя*, а именно: lands, т.-е. земли, карьеры, источники и т. д.; houses, т.-е. дома и вообще жилыя строенія; reutcharges, или tithes, т.-е. десятичные доходы (духовенствомъ получаемыя); coalmines, т.-е. каменноугольныя копи; saleable underwoods, т.-е. лѣса, предназначенные въ продажу и эксплоатируемыя посредствомъ періодическихъ вырубокъ и т. д.

Актомъ же 1601 года опредѣляется плательщикомъ не собственникъ имущества, *пользующійся доходами съ обложеннаго имущества*, а его владѣлецъ, даже кратковременный съемщикъ (арендаторъ) и съ арендой незначительной. Для правильнаго обложенія налогомъ владѣлецъ недвижимаго имущества, подъ страхомъ наказанія, долженъ представлять oversers'амъ точный списокъ своихъ съемщиковъ, которыхъ имена и заносятся въ rate book, т.-е. книгу налоговъ.

Если налогъ на бѣдныхъ раскладывается пропорціонально, то только въ городахъ, гдѣ онъ составляетъ, такъ сказать, добавленіе къ арендной, или квартирной платѣ и можетъ считаться налогомъ на расходы,—совсѣмъ не то видѣли мы въ сельскихъ округахъ, гдѣ собственно жилище составляетъ ничтожную часть владѣнія, или аренды и гдѣ налогъ опредѣляется, главнымъ образомъ, землею и слѣдовательно падаетъ на доходы съ владѣнія реальнаго, и гдѣ богатый фермеръ, арендуя маленькій клочекъ земли и помѣстивъ свои капиталы въ биржевыя бумаги, платитъ значительно меньше бѣднаго фермера, всѣ средства котораго вложены въ ферму и который долженъ жить исключительно на доходы съ нея, уплативъ предварительно аренду и прочія повинности. Assessment, или опредѣленіе размѣровъ налога, производится oversers'ами, подъ руководствомъ Union assessment Committee, комитета изъ членовъ бюро попечителей, въ числѣ 6—12 человѣкъ. Сборъ производится также obersers'ами, послѣ разрѣшенія магистрата, и ими же ведутся счетныя книги.—Словомъ весь механизмъ poor rate'а зависитъ отъ дѣйствій oversers'овъ,—при которыхъ могутъ быть какъ ассистенты, oversers assistant, такъ и наемные сборщики.

Сумма налога въ приходѣ опредѣляется вѣроятнымъ расходомъ (competent sums of money) и такимъ образомъ налогъ взимается впередъ и на практикѣ производится это по третямъ или четвертямъ года. Если взысканная сумма оказывается недостаточной, прибѣгаютъ къ дополнительному взысканію, „additional rate“.—Вѣроятная сумма налога въ приходѣ опредѣляется бюро попечителей, а такъ какъ таковые суть избранники плательщиковъ, то можно сказать, что опредѣляется она самими плательщиками.

Общая сумма доходности съ недвижимыхъ имуществъ прихода—бюро попечителей извѣстна,—когда же опредѣляется вѣроятная сумма расхода на бѣдныхъ, высчитывается сколько шиллинговъ и пенсовъ должно быть взыскано съ фунта стерлинговъ дохода и каждому плательщику въ его окладномъ листѣ проставляется произведеніе этихъ шиллинговъ и пенсовъ на число фунтовъ его дохода.

Недовольные опредѣленіемъ цифры налога обжалываютъ опредѣленіе это въ Assesesement Committee,—второй инстанціей являются судьи.

Левъ Богд—чъ.

(Продолженіе будетъ).

Генрихъ Сенкевичъ.

Генрихъ Сенкевичъ, какъ психологъ современности.

(Публичная лекція).

Говорятъ, что всѣ роды искусства хороши, кромѣ скучнаго, но и скучный имѣетъ свою прелесть и преимущества. Это сказалось въ грандіозномъ успѣхѣ русскаго романа на всемірномъ литературномъ рынкѣ и въ постепенномъ переходѣ художественнаго творчества отъ стиля легкаго и увеселительнаго къ тону серьезному и содержательному. Романъ давно уже пересталъ быть только одной изъ формъ изящной словесности, предназначенныхъ ублажать досуги обывателя, онъ уже не задается исключительною цѣлью—доставить читателю эстетическое наслажденіе; романистъ не хочетъ ограничиться воскуреніемъ благоухающихъ ароматовъ и разрисовкою занимательныхъ картинокъ, которыя нѣжатъ взоры какъ тонкія кружева и артистическія рукодѣлія нашихъ бабушекъ, но старается, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, будить мысль и рѣшать стоящіе на очереди общественные и нравственные вопросы. Увлекательнаго Александра Дюма смѣнилъ романтичный Викторъ Гюго, поэтичнаго и восторженнаго Гюго смѣнилъ сухой и серьезный протоколистъ Золя, послѣдняго же начинаютъ смѣнять представители нашего русскаго спеціально психологическаго романа. По мѣрѣ того, кавъ жизнь становится болѣе сложной, мотивы ея болѣе разнообразными, богатыми и, если можно такъ выразиться, *болѣе интеллектуальными*, усложняются и задачи творчества и все болѣе и болѣе расширяются рамки романа. Не такъ давно романъ ограничивался только изображеніемъ любви и страсти нѣжной, „романомъ“ въ спеціально дамскомъ смыслѣ слова; теперь любовь, какъ заповѣдная область романистовъ, отходитъ на второе мѣсто, художникъ дерзаетъ разрабатывать историческіе законы (какъ напр. Л. Толстой въ „Войнѣ и мирѣ“), психіатрическія и криминальныя теоріи, какъ Золя, вопросы нравственные и философскіе, какъ тотъ же Толстой и Достоевскій. Каждый романъ Золя представляетъ собою ученый трактатъ, любой романъ Достоевскаго и Толстого—философское произведе-

ніе, въ которомъ рѣшаются самые основные вопросы человѣческаго бытія. Послѣднее слово въ этой реформѣ романа принадлежитъ намъ, русскимъ. Нѣтъ романовъ глубже нашихъ, но нѣтъ и скучнѣе ихъ. Въ нихъ почти ничего не осталось уже отъ изящной словесности буколическаго періода литературы. Они не услаждаютъ читателя, но часто терзаютъ его, заставляя испытывать всѣ мученія операціонныхъ палатъ. Достоевскаго читаютъ, обливаясь холоднымъ потомъ и скрежеща зубами, а все-таки читаютъ, не имѣя силы оторваться отъ книги. Его произведенія какъ-то увлекательно-скучны, очаровательно безобразны. Подобно некрасивымъ типамъ, которыя иногда при рѣзкомъ уродствѣ отдѣльныхъ чертъ, дышатъ внутренней красотою выраженія, романы этого геніальнаго писателя покоряютъ вашу душу безконечнымъ богатствомъ своего внутренняго содержанія титанической силою мысли при полномъ отсутствіи какой бы то ни было художественной гармоничности впечатлѣнія, при явномъ нарушеніи всѣхъ условныхъ законовъ художественной красоты: соразмѣрности частей, правильной распланировки матеріала и пр. Наслажденіе ими граничитъ съ мукой. Они властвуютъ надъ душой читателя своеобразной прелестью зубной боли, высшимъ сладострастіемъ пытки и добровольнаго самоистязанія. Творя, онъ не рисуетъ красивыхъ узоровъ—онъ проповѣдуетъ. Его вдохновеніе приближается къ экстазу Петра Амьенскаго.

Романъ вообще остепенился во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ, отрѣшившись отъ бойкихъ шалостей рыцарскаго періода, но у насъ, русскихъ, это *интеллектуализированіе* его имѣетъ свои особенности, свой спеціальный оттѣнокъ. Болѣе положительный умъ французовъ приблизилъ беллетристику къ позитивному знанію, а философско-мистическій складъ русскаго духа придалъ ей колоритъ религіозно-метафизическій. Эмиль Золя занимается анатоміей и физіологіей человѣческой души, мы же разрабатываемъ философію ея. Онъ разсматриваетъ спеціальные психологическіе вопросы, мы же стараемся схватить общія основы духовной жизни. Онъ хочетъ уподобиться Клоду Бернарду, мы приближаемся къ Платону и Аристотелю. Его творчеству предшествуетъ систематическое изученіе предмета, въ нашемъ сказывается работа широкихъ умозрѣній. Отчасти благодаря именно этой особенности, отчасти же вслѣдствіе усиленной реакціи традиціямъ романтизма французскій романъ грозилъ удариться въ крайности внѣшняго наблюденія и выродиться въ объективный протокольный натурализмъ; мы же, давно покончившіе съ сентиментальнымъ романтизмомъ Марлинскаго и Загоскина, начавшіе свое самостоятельное творчество съ трезваго реализма Гоголя и Пушкина, не имѣли никакой причины вдаваться въ эту крайность и, бла-

годаря преобладанію умозрѣнія надъ наблюденіемъ, благодаря интенсивной идейности своего творчества, ограничили свой реализмъ преимущественно внутренней психологіею, вслѣдствіе чего русскій романъ и сталъ психологическимъ по преимуществу.

Господство его на всемірномъ литературномъ рынкѣ не могло пройти безслѣдно для европейской литературы. Успѣхъ вызываетъ подражаніе, геній увлекаетъ толпы послѣдователей на новые пути. Молодые таланты Франціи воспитываются уже подъ непосредственнымъ вліяніемъ Толстого и Достоевскаго, восходящія свѣтила ея литературы блещутъ отчасти уже заимствованнымъ отъ насъ свѣтомъ. Послѣдніе дни французской беллетристики знаменуются упадкомъ сказавшаго уже свое слово натурализма и переходомъ къ психологическому роману. Къ числу иностранныхъ послѣдователей Толстого и Достоевскаго во Франціи слѣдуетъ отнести Эдуарда Рода и наиболѣе популярнаго изъ молодыхъ французскихъ романистовъ Поля Бурже, создавшаго уже два такіе психологическіе романа, какъ „Ученикъ", въ которомъ разрабатывается мораль позитивныхъ ученій, и „Женское сердце", блещущее почти полнымъ отсутствіемъ внѣшнихъ описаній и протоколизма Золя.

Въ современной польской литературѣ такимъ послѣдователемъ русскихъ тенденцій въ искусствѣ является талантливый беллетристъ Генрихъ Сенкевичъ въ своемъ прекрасномъ романѣ „Безъ догмата".

Послѣ цѣлаго ряда лубочно-патріотическихъ романовъ, правда, изобиловавшихъ художественными красотами (преимущественно въ изображеніи титаническихъ натуръ и порывовъ), но крайне узкихъ по основной идеѣ, заставлявшихъ смотрѣть на него какъ на даровитаго шляхетскаго барда, поэта и воспѣвателя польскаго кулачнаго задора, Сенкевичъ поднимается въ этомъ произведеніи на высоту первоклассныхъ мастеровъ европейскаго творчества. Отъ описанія бранныхъ подвиговъ чуть не средневѣковыхъ богатырей въ родѣ пана Кмичица, Радзивила Кшетусскаго, Володіевскаго и пр., онъ перешелъ къ изображенію тонкой и сложной психологіи современности въ лицѣ главнаго героя романа „Безъ догмата".

Этотъ романъ представляетъ собою изящно тонкую разработку душевнаго состоянія современнаго ни во что не вѣрующаго скептика и изображеніе той потрясающей драмы, которую вноситъ въ его жизнь чувство любви. „Безъ догмата"—это значитъ безъ вѣры во что бы то ни было, безъ внѣдренныхъ въ душу нравственныхъ и житейскихъ правилъ, стоящихъ внѣ анализа и критики, безъ всякихъ моральныхъ или общественныхъ убѣжденій, потому что въ основахъ своихъ всякое убѣжденіе и знаніе, какъ и слѣпая вѣра, всегда зиждется на какихъ-нибудь дог-

матахъ. Мысль въ высшемъ развитіи своемъ приходитъ къ сознанію своего безсилія передъ вѣчными вопросами бытія, она разрушаетъ все зданіе вѣками установившихся вѣрованій, взглядовъ и убѣжденій и или умираетъ какъ Сампсонъ подъ развалинами этого воздвигнутаго вѣками зданія, или же живетъ безучастнымъ созерцаніемъ окружающей жизни унылая и безрадостная, какъ духъ прошлаго на развалинахъ Колизея. Натуры болѣе сильныя, темпераменты болѣе страстные начинаютъ вѣровать въ отрицаніе, какъ нѣчто положительное, изъ развалинъ прошлаго создаютъ новый храмъ, въ которомъ поклоняются новому божеству—Нирванѣ, отъ скептицизма переходятъ къ убѣжденному пессимизму, отъ примиреннаго спокойнаго сомнѣнія къ философіи страстнаго и активнаго отчаянія; тѣ же, у кого темпераментъ не господствуетъ надъ умомъ, остаются вѣрными холодному сомнѣнію и заживо замерзаютъ въ безчувственномъ и безжизненномъ скептицизмѣ.

Къ числу послѣднихъ организацій принадлежитъ и герой Сенкевича, родовитый польскій аристократъ Леонъ Плошовскій. Происхожденіе одарило его всѣми матеріальными благами, природа духовными; въ немъ много силъ, ищущихъ выхода, много рѣдкихъ способностей, жаждущихъ приложенія къ жизни, но онъ не вѣритъ ни въ цивилизацію, ни въ человѣческій разумъ, ни въ нравственныя задачи жизни, ни въ общественные идеалы; у него нѣтъ „догмата" въ душѣ, нѣтъ прочной основы для какой бы то ни было общественной или личной дѣятельности, и со всѣми своими богатыми способностями онъ остается по мѣткому выраженію Сенкевича какимъ-то „геніемъ безъ портфеля", силою безъ приложенія.

Чтобы не быть голословными въ этомъ освѣщеніи личности Плошовскаго, сошлемся на его собственное мнѣніе о самомъ себѣ. Онъ говоритъ: я не считаю себя философомъ по спеціальности (моя спеціальность быть *ничѣмъ*), но какъ и всѣ мыслящіе люди, интересующіеся новѣйшимъ движеніемъ философіи, я навсегда останусь подъ ея вліяніемъ и имѣю полное право говорить о томъ, что вошло въ составъ и повліяло на образованіе моей нравственной и моральной сущности. Прежде всего я долженъ замѣтить, что мои религіозныя вѣрованія, которыя я вынесъ нетронутыми изъ коллежа, не уцѣлѣли отъ столкновенія съ естественнофилософскими книгами. Изъ этого не выходитъ, чтобы я былъ атеистомъ—о нѣтъ! Въ прежнія давно минувшія времена, если кто нибудь не признавалъ духъ, тотъ говорилъ себѣ: матерія—и успокоивалъ себя этимъ словомъ. Теперь только самые отсталые философы стоятъ на такой точкѣ зрѣнія. Теперь философія такихъ вещей не обсуждаетъ, отвѣчаетъ на жгучіе вопросы словомъ „не знаю" *и это „не*

знаю“ вкореняется въ человѣческую душу. Вотъ теперь мнѣ легко будетъ обрисовать мое умственное состояніе. Вотъ оно: не знаю, не знаю, не знаю! И здѣсь-то, въ этой сознательной немощи человѣческаго разума, заключается трагедія; наша духовная природа всегда настоятельно и громко требуетъ отвѣта на предъявляемые вопросы, ибо въ нашихъ вопросахъ заключается огромное реальное значеніе для человѣка. Человѣкъ мятется въ этомъ великомъ незнаніи, чувствуя, что если бы онъ могъ перейти на какую-нибудь сторону, то ему стало бы легче и спокойнѣе.

Это *„великое незнаніе“*—не формулируется ли въ немъ вся мертвая мудрость положительной философіи, безсильной удовлетворить живые запросы живой души? Отвѣчая словомъ „не знаю“ на основные вопросы жизни, позитивизмъ предоставляетъ намъ искать отвѣтъ на нихъ въ дебряхъ метафизики или въ теологіи, и въ то же время, воспитавъ насъ въ положительныхъ методахъ знанія, заранѣе тѣмъ самымъ подрываетъ авторитетность всѣхъ возможныхъ теологическихъ и метафизическихъ отвѣтовъ. Разбивая вѣру, онъ не даетъ и знанія того, безъ чего жизнь темна, нелѣпа и безумна. Скептицизмъ Плошовскаго родился непосредственно изъ неудовлетворенности позитивизмомъ, представляетъ собою психологическую картину дальнѣйшаго развитія и банкротства позитивизма въ смыслѣ его неспособности создать руководящіе идеалы и стимулы жизни. У Плошовскаго нѣтъ никакого руководящаго идеала и поэтому не можетъ быть никакой задачи, никакого дѣла жизни. Онъ ни во что не можетъ увѣровать и ни къ чему не можетъ пристать.

Почти полжизни героя проходитъ по теченію господствующей рутины и по инерціи унаслѣдованныхъ взглядовъ и стремленій. Онъ ѣздитъ по европейскимъ курортамъ, глазѣетъ равнодушнымъ окомъ на чудеса искусства, услаждается гдѣ случится легкими побѣдами надъ легкими женщинами всѣхъ націй и, не отдаваясь ни одному чувству, ни одной страсти всею душой, всюду возитъ съ собою холодную апатію скептика и вѣчную тоску вѣчнаго жида. Онъ уже не хочетъ провести жизнь весело или пріятно, онъ заботится только о томъ, чтобы она прошла у него „прилично“, не оскорбляя привычныхъ взглядовъ и нравственныхъ установленій, чтобы она „тихо сплыла въ тотъ таинственный и неизмѣримый океанъ, въ который сплываетъ все“.

Судьба сталкиваетъ его съ чрезвычайно привлекательной дѣвушкой, представляющей собою какъ разъ противоположный ему типъ, какъ по силѣ и крѣпости внутреннихъ догматовъ, такъ и вообще по обилію моральной красоты и женственности, не тронутой ни святотатственнымъ анализомъ мысли, ни развратомъ цивилизаціи.

Онъ любитъ Анельку, но въ немъ такъ же нѣтъ вѣры въ собственное чувство, какъ нѣтъ вѣры въ науку, общественный прогрессъ и пр. То же самое „не знаю“, которое мѣшаетъ ему жить, не позволяетъ ему и любить. Онъ часто любуется Анелькой—этимъ живымъ воплощеніемъ простоты и естественности, но не рѣшается связать ея судьбы съ своею.

„Могу ли я соединить эту жизнь молодую, свѣжую, полную вѣры въ свѣтъ и Бога, съ моими сомнѣніями, съ моимъ духовнымъ безсиліемъ, съ моимъ безнадежнымъ скептицизмомъ, съ моею критикою, съ моими нервами? спрашиваетъ онъ себя. Что будетъ изъ этого? Вѣдь я-то не воскресну при ней второю духовною молодостью, мозгъ мой не измѣнится, нервы не окрѣпнутъ и... что же? значитъ, она должна будетъ засохнуть возлѣ меня? Да можетъ ли случиться такое чудовищное дѣло? Могу ли я играть роль полипа, который высасываетъ свою жертву, чтобъ обновить себя ея кровью? Съ другой стороны, если все такъ, то зачѣмъ же я допустилъ себя до предѣла, на которомъ стою теперь? Что я дѣлалъ съ той минуты, какъ увидѣлъ Анельку? Я прикасался пальцами къ струнамъ ея души и просто на просто разыгрывалъ на ней концерты. А вѣдь то, что для меня можетъ быть сонатой cosi una fantasia, для нея явится сонатой sosi uno dolore. Да, да! я играю на ней съ утра до вечера и даже больше: не смотря на самоугрызеніе, знаю, что не могу удержаться отъ этого, что буду играть и завтра и послѣзавтра такъ же, какъ игралъ вчера и третьяго дня, потому что это непреодолимо влечетъ меня, потому что кромѣ этого меня ничто на свѣтѣ не привлекаетъ, потому что я люблю эту дѣвушку,—зачѣмъ обманывать себя—люблю“!

Телеграмма о болѣзни отца заставляетъ его разстаться съ Анелькой; смерть его вводитъ сына въ круговоротъ иныхъ ощущеній, которыя еще дальше уносятъ его отъ Анельки, наконецъ, любовь пріятельницы отца, классической красавицы, итальянки Лауры, окружившей Плошовскаго нѣжнымъ попеченіемъ въ самую трудную минуту кризиса, заставляетъ его измѣнить Анелькѣ. Мимоходомъ, но прекрасно очерченъ образъ Лауры, для которой любовь является только поклоненіемъ собственной красотѣ, которая на весь міръ смотритъ только какъ на пьедесталъ для позированія; въ любви ея слишкомъ мало энтузіазма и самопожертвованія, слишкомъ много холоднаго ума и эгоистическаго самолюбованія, граничащаго съ сознательнымъ развратомъ. Естественно, такая любовь, не окрашенная святымъ безуміемъ страсти, очень мало даетъ счастія пресыщенной всяческою эстетикою душѣ Плошовскаго—и послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ самообмановъ они разстаются другъ съ другомъ совершенно холодно.

Впродолженіе всего романа съ Лаурою, этой типичной современной язычницей, которой эстетика замѣняетъ всякую мораль и которая ничего не можетъ ни дать сама ни вызвать въ другомъ, кромѣ любви божественно прекраснаго тѣла—въ воображеніи Плошовскаго все чаще и чаще возникаетъ образъ Анельки, которая умѣетъ любить только всею душою. Онъ грекъ только по воспитанію, но славянинъ по натурѣ и, не удовлетворяясь языческою любовію прекраснаго животнаго—Лауры, все чаще и чаще возвращается въ мечтахъ къ Анелькѣ. Въ это время слишкомъ заботливая тетушка требуетъ отъ него категорическаго отвѣта относительно Анельки, извѣщая его о кандидатурѣ на ея руку какого-то parvenu изъ наживающихъ деньги комерсантовъ, Кромицкаго. Плошовскій въ отвѣтъ желаетъ Анелькѣ „счастья съ паномъ Кромицкимъ", хотя въ душѣ онъ почти сознаетъ, что любитъ только одну ее въ цѣломъ свѣтѣ.

Что побудило его поступить такимъ образомъ? Прежде всего аристократическая брезгливость къ соперничеству съ духовнымъ и моральнымъ parvenu; сватовство Кромицкаго какъ-то пачкало въ его глазахъ Анельку, низводило ее до пошлаго образа барышни-невѣсты, только и думающей о томъ, какъ бы выйти за кого-нибудь замужъ—не за того, такъ за другого; наконецъ онъ немного даже мечталъ о томъ, что она откажетъ Кромицкому и мечталъ съ нѣкоторымъ правомъ, такъ какъ разочарованіе въ любви Плошовскаго еще не давало повода мало-мальски самостоятельной нравственной дѣвушкѣ отдаваться другому безъ любви и влеченія. Но Анелька не въ чувствѣ, а въ проявленіяхъ чувства чрезвычайно пассивно подчиняется установившейся рутинѣ и окружающимъ лицамъ; какъ и Татьяна изъ „Евгенія Онѣгина", она подъ вліяніемъ „отчаянія и мамаши" даетъ согласіе на предложеніе Кромицкаго. Плошовскій проситъ ее черезъ пріятеля перемѣнить рѣшеніе, раскаивается въ своей измѣнѣ, объясняетъ пожеланіе счастія съ Кромицкимъ ревностью и раздраженіемъ—но ничто не помогаетъ: свадьба состоялась.

Въ чувствахъ Плошовскаго не мало истерическаго каприза. Онъ начинаетъ всего больше любить Анельку тогда, когда ее отнимаютъ отъ него, и до отчаянія любви доходитъ послѣ того, какъ она совершенно потеряна. Кромѣ любви къ Анелькѣ у него нѣтъ никакихъ иныхъ интересовъ, никакихъ стремленій; всѣ его силы ушли на это чувство. Для такихъ людей любовь всегда трагедія. Говорятъ, что садовники, чтобы придать одной грушѣ или яблоку гигантскіе размѣры, заранѣе срываютъ всѣ остальные плоды съ дерева; точно также и чувство любви разростается у Плошовскихъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ вслѣдствіе того, что остается единственнымъ. Оно впитываетъ въ себя всѣ силы человѣческой души, всѣ соки сердца. „Кромѣ этой любви ничего не

выросло въ моей душѣ, говоритъ онъ, но за то она разрослась до необычайныхъ размѣровъ". Въ совершившемся фактѣ — замужествѣ Анельки — причинившемъ ему такую боль, онъ хочетъ найти и лѣкарство отъ нея. Онъ рисуетъ себѣ милую Анельку въ видѣ опошлѣвшей и самодовольной пани Кромицкой, и въ надеждѣ, что соприкосновеніе съ пошлой дѣйствительностью излѣчитъ его отъ бреда любви, ѣдетъ къ себѣ въ Плошево, гдѣ Анелька съ больною матерью живетъ у его тетки (мужъ ея вскорѣ послѣ свадьбы уѣхалъ въ Туркестанъ заниматься подрядами). Въ этой системѣ лѣченія много здраваго смысла, только она къ сожалѣнію не всегда примѣнима: приближеніе къ женщинамъ пошлымъ и обыденнымъ разрушаетъ иллюзіи, которыя можно питать только издали, но натуры истинно прекрасныя и высокія, подобно тѣламъ небеснымъ, притягиваютъ къ себѣ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе вы къ нимъ подходите. Любовь Плошовскаго къ Анелькѣ была основана не на иллюзіи, но на инстинктивномъ предчувствіи нравственной чистоты ея натуры. Замѣчательно, что въ каждый моментъ развитія ихъ отношеній она оказывается и выше и лучше, чѣмъ онъ предполагаетъ. Такъ вмѣсто предполагаемой пани Кромицкой, довольной своимъ замужествомъ и пошлой своимъ довольствомъ, онъ встрѣчаетъ прежнюю простую и милую Анельку, любящую, несчастную, но примиренную. Неожиданное появленіе передъ нею Плошовскаго вызываетъ на ея лицѣ не выраженіе гордости, но выраженія смятенія, радости, страха и мольбы.

Онъ успокаиваетъ ея опасенія кстати сказанными словами: „милая сестра", она относитъ свою радость при его появленіи на счетъ родственной любви и между ними устанавливаются, повидимому, только дружественно теплыя отношенія. Подъ покровомъ дружбы и родственной близости Плошовскій строитъ самые хитрые планы покоренія сердца Анельки, ведетъ ихъ съ искусствомъ многоопытнаго побѣдителя парижанокъ и вѣнокъ и всякій разъ обрывается съ конфузомъ: Анелька въ тайнѣ любитъ его, страшно страдаетъ и мучается сама и все же упорно остается вѣрною тому, что считаетъ своимъ долгомъ. Болѣе близкое знакомство съ нею открываетъ въ ней, кромѣ догмата условной морали, много самыхъ святыхъ и прекрасныхъ догматовъ истинно женской природы: она тщательно сглаживаетъ всякія нескладицы въ отношеніяхъ окружающихъ, близко къ сердцу принимаетъ всякое чужое горе и когда Плошовскій, въ раздраженіи на нее изъ-за неполученнаго поцѣлуя, гонитъ крестьянъ, пришедшихъ въ паркъ собирать поломанныя бурей вѣтки, она быстро укрощаетъ его теплымъ заступничествомъ за изгоняемыхъ. Въ богатствѣ и высотѣ ея нравственной природы, въ силѣ и крѣпости ея безсознательныхъ *догматовъ жизни* слѣдуетъ искать источникъ все воз-

растающей любви Леона. То относительное счастіе, которое онъ испытывалъ вблизи любимой женщины, нарушается неожиданнымъ пріѣздомъ Кромицкаго. Это пошлое и грубое животное безцеремонно вступаетъ въ права мужа и Анелька пассивно подчиняется имъ. Плошовскому одинъ исходъ — уѣхать, но уѣхать ему рѣшительно некуда, потому-что внѣ Анельки, внѣ этихъ мукъ и терзаній у него нѣтъ ничего. Онъ страшно ненавидитъ Кромицкаго, всею душой возстаетъ противъ его противоестественной узурпаціи, въ теоріи онъ даже готовъ убить его, а на практикѣ даетъ ему взаймы денегъ для продолженія сомнительныхъ спекуляцій съ поставками въ Ташкентѣ. Душа его осквернена мыслью и рѣшимостью убійства безъ всякой надежды поправить свои дѣла исполненіемъ замысла. Бѣдный Гамлетъ гораздо болѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ даже бѣдный Іовъ. Онъ знаетъ такія страданія, какія и не снились послѣднему: мерзость платоническаго преступленія и муку угрызеній совѣсти за несовершенныя злодѣянія! Вся эта вопіющая обстановка и внутренняя борьба доводятъ любовь Гамлета Плошовскаго къ Анелькѣ до высшаго напряженія. Онъ, всеевропейскій жуиръ и культурный развратникъ, уже не хочетъ обладать ею, онъ хочетъ только любить ее и предлагаетъ ей союзъ душъ—нѣчто въ родѣ любви Данте къ Беатриче, но и тутъ Анелька, опасаясь нарушить свой супружескій долгъ, слово любовь осторожно замѣняетъ словомъ „пріязнь“.

Кромицкій, получивъ деньги, снова уѣзжаетъ въ Азію и изстрадавшаяся душа Плошовскаго получаетъ хоть нѣкоторое успокоеніе въ сознаніи „привязанности“ любимой женщины, но и это временное полусчастіе скоро нарушается беременностью Анельки. Потрясенный до послѣдней степени, съ ненавистью и гадливымъ презрѣніемъ къ Анелькѣ онъ уѣзжаетъ въ Парижъ, мучая себя сопоставленіемъ этого факта съ цѣломудренной замѣной слова любовь обѣтомъ „привязанности“. Въ разработкѣ ощущеній героя въ этой фазѣ его отношеній къ любимой женщинѣ Сенкевичъ является смѣлымъ реалистомъ и тонкимъ психологомъ. Какъ и Л. Толстой, онъ не останавливается на полусловѣ и цѣликомъ говоритъ самую дерзкую, самую горькую правду.

Еле выхоженный отъ тяжелой болѣзни влюбленной въ него нѣмкой, Плошовскій получаетъ извѣстіе о постоянной тревогѣ Анельки; она рисуется ему оскорбленной и поруганной и подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ снова возвращается въ Плошовъ. Она встрѣчаетъ его подавленная, пригнетенная и какъ бы всѣмъ видомъ своимъ говоритъ ему: чѣмъ же я то виновата? Онъ еще болѣе понимаетъ ее и еще болѣе любитъ. Въ это время слишкомъ зарвавшійся въ спекуляція Кромицкій, пускаетъ себѣ пулю въ лобъ, чтобы избѣжать тюрьмы и разоренія. Передъ Пло-

шовскимъ уже возникаетъ перспектива счастія, но это неожиданное извѣстіе такъ сильно дѣйствуетъ на Анельку, что та умираетъ отъ несчастныхъ родовъ.

Больная пожелала видѣть его. Онъ знаетъ, что она умираетъ; это ему сказали не доктора, не медицина, но внутреннее предчувствіе.

„Я видѣлъ ее, пишетъ онъ, душу моей жизни. Она въ памяти, только глаза блестятъ и замѣчается возбужденіе. Боли почти прекратились. Всѣ слѣды ея предыдущаго состоянія исчезли, лицо напоминаетъ ликъ ангела. Она улыбнулась мнѣ и я отвѣтилъ ей улыбкой.

„Со вчерашняго дня я знаю, что насъ ждетъ; мнѣ кажется, что я умеръ, но владѣю собой.

„Анелька взяла меня за руку и долго смотрѣла на меня, словно хотѣла насмотрѣться прежде, чѣмъ глаза ея угаснутъ.

„— Не бойся, Леонъ, заговорила она, мнѣ гораздо легче, только во всякомъ случаѣ, я хочу, чтобъ послѣ меня что-нибудь осталось... Можетъ быть, я не должна бы дѣлать такихъ признаній тотчасъ-же послѣ смерти мужа, но такъ какъ могу умереть, то хочу сказать тебѣ теперь, что я очень любила тебя, очень любила.

„— Я отвѣтилъ ей: „знаю дорогая моя“. Я держалъ ея руку и мы смотрѣли другъ другу въ глаза. Въ первый разъ въ жизни она улыбнулась мнѣ какъ нареченная. И я тоже обручился съ ней въ эту минуту обрученіемъ твердымъ и безповоротнымъ. Хорошо намъ было въ эту минуту, хотя надъ нами вѣяла грусть великая, какъ смерть“.

Анелька умерла и смерть ея отмѣчена послѣднею страницею его дневника и его жизни.

„Я могъ быть твоимъ счастьемъ и сталъ твоимъ несчастіемъ. Это я причина твоей смерти, потому что, еслибъ я былъ другимъ человѣкомъ, еслибъ у меня не было недостатковъ въ жизненныхъ основахъ, на тебя не обрушились бы тѣ потрясенія, которыя извели тебя.

„Это я понялъ во время послѣднихъ минутъ твоей жизни, понялъ и поклялся итти за тобою. Я обручился съ тобою на твоемъ смертномъ одрѣ и теперь первая моя обязанность быть при тебѣ.

„А ты думаешь, я не боюсь смерти! Боюсь, потому, что не знаю, что тамъ, вижу только одинъ мракъ безъ границъ и дрожу передъ нимъ. Не знаю, ничто-ли тамъ, или какая-нибудь жизнь безъ пространства и времени. Но если ты умерла вслѣдствіе моего „не знаю“, то какъ же я могу остаться здѣсь и жить?

„Чѣмъ больше я боюсь, тѣмъ больше не знаю, тѣмъ болѣе не могу отпустить тебя одну, не могу, моя Анелька, и иду“.

Въ настоящую минуту, когда еще такъ свѣжо впечатлѣніе обличенія любви, даннаго намъ въ „Крейцерой Сонатѣ“, когда кумиръ этого затасканнаго божества кажется для многихъ поверженнымъ въ прахъ реальною кистью великаго психолога и сердцевѣда, романъ Сенкевича отчасти реставрируетъ свергнутое и разбитое божество и возстановляетъ его на его пьедесталѣ. Сенкевичъ тоже реалистъ, онъ ничего не выдумываетъ, не фантазируетъ, не прикрашиваетъ; въ приведенной нами заключительной картинѣ дневника Плошовскаго столько же строгой художественной логики и правды, какъ и въ развитіи характеровъ героевъ на всемъ протяженіи романа, и, если истасканный душой и тѣломъ всеевропейскій развратникъ Плошовскій можетъ при всемъ своемъ развратѣ и скептицизмѣ отрѣшиться отъ всякихъ физическихъ вожделѣній и вложить въ чувство свое столько нравственной чистоты и самоотверженности, то значитъ любовь не вся исчерпывается грязною физіологическою стороною, значитъ есть въ природѣ человѣка нѣчто святое и высокое, что оправдываетъ всѣ поэтическіе гимны любви. „Любовь только наслажденіе, и притомъ грязное наслажденіе, говоритъ обличитель, ею нельзя жить“. „А вотъ вамъ любовь, которая отъ начала до конца не наслажденіе, а мука и страданіе, любовь, которою люди живутъ и съ которою умираютъ“, возражаетъ своимъ романомъ Сенкевичъ. Кто же изъ нихъ правъ?

Скептицизмъ и раціонализмъ стоятъ какъ два разбойника на большой дорогѣ человѣческаго прогресса и отнимаютъ у человѣка одинъ за другимъ всѣ дары, всѣ иллюзіи, которые онъ вынесъ, уходя изъ долины между Тигромъ и Эфратомъ. Самое послѣднее, что они отнимутъ отъ него и за что онъ держится обѣими руками—это любовь. Любятъ всѣ: и принцъ Гамлетъ, сомнѣвающійся даже въ любви, и Фаустъ, не вѣрующій въ знаніе, и Демонъ, проклявшій міръ и жизнь—и если смотрѣть на эти жизнеотрицающіе образы, какъ на олицетворенія психики будущаго, то любовь и красота будутъ послѣднею мечтою умирающаго человѣчества. Переживаемая имъ страшная драма мысли переходитъ здѣсь въ область чувства и въ этой формѣ подвергается художественной и поэтической разработкѣ преимущественно славянскихъ „беллетристовъ“. Такова основная идея нашего „Евгенія Онѣгина“, „Демона“ и пр. Близкимъ родственникомъ ихъ по духу является и Леонъ Плошовскій. Общеевропейскій скептицизмъ совпалъ въ его душѣ съ спеціально „славянскимъ безвольемъ“, съ присущимъ нашей рассѣ гамлетовскимъ преобладаніемъ чувства надъ дѣйствіемъ и съ полной утратой энергіи жизни,—этою болѣзнью аристократіи, протекающею вслѣдствіи матеріальной обезпеченности и отсутствія роковой необходимости борьбы за существованіе. Тѣмъ не менѣе герой

Сенкевича все же не исключительно сословно-аристократическій типъ, какъ думаетъ большинство критиковъ, но типъ общечеловѣческій, только взятый авторомъ въ аристократической обстановкѣ жизни и воспитанія, какъ наиболѣе благопріятной для культуры типичныхъ чертъ и особенностей. Аристократическая утонченность чувства, богатая наслѣдственная эстетика, воспитанная въ коллекціяхъ и галлереяхъ всей Европы—не самая суть психологической картины, нарисованной польскимъ романистомъ, но только рамки ея, въ которыхъ всего эффектнѣе выступаетъ образъ скептика, общечеловѣка, и рисуются основныя тенденціи человѣческаго разума.

Плошовскій, съ его духовными разладами, съ тонкою культурою ума и атрофированною скептицизмомъ волею, представляетъ собою типъ высшаго умственнаго развитія и въ тоже время—несомнѣнный типъ вырожденія. Безъ какой бы то ни было религіи жизни, безъ положительнаго идеала ея, жить нельзя, *жить не чѣмъ и не для чего.* Такое глубокое и полное отрицаніе можетъ вести только къ одному исходу—къ смерти. Напрасно огромную пустоту своей души, опустошенной сомнѣніемъ, стремится онъ наполнить безумною страстью къ женщинѣ. Правда, чувствовать такъ сильно, утонченно, страстно и глубоко, какъ Плошовскій, можетъ только культурный скептикъ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ мукъ и счастья его любви. Но уже самая напряженность ея таитъ въ себѣ зародышъ будущей трагедіи. „Я ухватился за любовь къ Анелькѣ, какъ человѣкъ, повисшій надъ бездной, хватается за вѣтку дерева“,—говоритъ Плошовскій—и удачно гальванизируетъ свою мертвую душу доведеннымъ до высшей степени экзальтаціи чувствомъ. Такая безграничная любовь—богатство полнаго банкрота жизни; это дутый вексель, который неумолимый кредиторъ—смерть пишетъ на новый срокъ съ новыми процентами, чтобы еще крѣпче запутать въ своихъ сѣтяхъ жертву. Любовь—это экстазъ творчества жизни, и чтобъ любить, необходимо вѣровать въ жизнь, необходимо имѣть религію жизни. Любовь скептика, лишоннаго вѣры, напряженна, интенсивна, безгранична, но въ ней нѣтъ внутренней правды чувства. Леонъ Плошовскій искренно могъ страдать изъ-за любви отвергнутой, но могъ ли онъ жить любовью раздѣленной? Развитіе его чувства основано на невозможности обладанія. Онъ любитъ Анельку недоступную, Анелька же любящая ему уже почти не интересна. Въ такой любви нѣтъ элементовъ жизни. При всей своей страстности, утонченности и безграничности она въ нѣдрахъ своихъ лжива и поэтому также полна драмы и смерти, какъ грозовая туча полна молніи и грома: въ силу своей внутренней лжи, противорѣчій, разладовъ и безграничной впечатлительности она всегда въ концѣ-концовъ тѣмъ или инымъ путемъ ведетъ скептика все къ той-же роковой, неизбѣжной развязкѣ, подобно тому, какъ вѣрующаго всѣ дороги вели когда-то въ Римъ...

И польскіе и русскіе критики отнеслись къ личности Леона Плошовскаго въ высшей степени отрицательно, преимущественно съ точки зрѣнія господствующихъ морально-гражданскихъ идеаловъ. Осуждая его за скептическую иронію надъ либералами, радикалами, консерваторами и всѣми остальными политическими партіями, они не задавались вопросомъ: на сколько ихъ требованія примѣнимы къ герою „безъ догмата“, и вообще, подсуденъ ли онъ ихъ гражданскому суду? Сознаемся откровенно, что мы затрудняемся представить себѣ: во имя чего можетъ ратовать человѣкъ, если онъ не вѣритъ, что называется, ни въ Бога, ни въ черта, ни въ цивилизацію, ни въ человѣческій разумъ, ни въ нравственныя основы жизни, ни въ общественные идеалы? Ошибка критиковъ объясняется отчасти тѣмъ, что они относятся къ нему какъ къ герою, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности гораздо основательнѣе видѣть въ Плошовскомъ не героя, а скорѣе жертву того громаднаго интеллектуальнаго процесса разложенія старыхъ вѣрованій и взглядовъ, который переживается всей современной цивилизаціей и конецъ и разрязку котораго еще трудно предугадать въ наше время. Можно, конечно, сколько угодно и въ какомъ угодно духѣ морализовать по адресу Плошовскаго, но во всякомъ случаѣ объективная справедливость обязываетъ насъ признать, что Сенкевичъ совершенно вѣрно указываетъ въ лицѣ своего героя и происхожденіе и исходъ душевной болѣзни нашего вѣка. Въ основѣ жизни сознательнаго, умственно-развитаго существа, выдѣлившагося изъ стихійно-физіологическаго существованія животнаго царства, непремѣнно должна быть какая-нибудь животворящая идея, какой-нибудь сознательный идеалъ, а такого-то, къ сожалѣнію, и не хватаетъ въ умственномъ обиходѣ нашего поколѣнія. Нашъ долгъ—засвидѣтельствовать духовное банкротство кончающагося вѣка, утѣшаясь розовыми надеждами на то, что мыслители грядущаго столѣтія съумѣютъ создать положительную религію жизни, которой такъ мучительно недостаетъ намъ. А пока, съ своей стороны, мы можемъ только указать на одну несомнѣнно патологическую сторону нравственной личности этого героя нашего духовнаго вырожденія—черту, пожалуй, если хотите, близкую съ указанною предшествовавшими критиками, но все же далеко не тождественную съ нею: онъ совершенно отдѣленъ отъ общества и не соприкасается съ его жизнью ни однимъ, хотя бы самымъ ничтожнымъ интересомъ. Мы понимаемъ, что въ періоды торжества отрицательныхъ философскихъ направленій общественная жизнь можетъ не захватывать нашу отвлеченную мысль; но какимъ образомъ она можетъ такъ абсолютно не затрогивать наше нравственное чувство? Если же и самое общественно-нравственное чувство умерло въ этой душѣ, отравленной безвѣріемъ,

такъ покажи намъ художникъ его агонію, поставь героя лицомъ къ лицу съ живымъ страданіемъ, которое не найдетъ въ немъ никакого отзвука, прослѣди его мысли и ощущенія, чтобъ мы видѣли его тусклый безучастный взоръ, и почувствовали холодъ его мертваго сердца. Тогда картина нравственной смерти будетъ полная и надъ покойникомъ останется только поставить крестъ. Но Сенкевичъ не показалъ намъ ничего подобнаго, онъ просто оставилъ безъ вниманія эту сторону внутренней жизни Плошовскаго. Чѣмъ объяснить этотъ странный пробѣлъ? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: или герой этого автора или авторъ этого героя, а можетъ быть и тотъ и другой—страдаютъ полной атрофіей соціальныхъ инстинктовъ и, слѣдовательно, въ той мѣрѣ, въ какой человѣкъ есть животное общественное, они не цѣльныя, они нравственно-больныя личности.

Имъ можно еще простить политическій индеферентизмъ, въ которомъ упрекала Плошовскаго критика, такъ какъ принадлежность къ какой бы то ни было партіи требуетъ вѣры въ догматы, которой смѣшно ожидать отъ скептика, — но никакъ нельзя примириться съ этимъ патологическимъ голымъ отсутствіемъ всякаго нравственнаго начала въ ощущеніяхъ героя.

Отсутствіе общественнаго чувства въ душѣ самого автора особенно рѣзко сказалось, между прочимъ, въ новомъ романѣ Сенкевича,—„Семейство Поланецкихъ". Герои его—умы и натуры несравненно болѣе мелкіе, чѣмъ Леонъ Плошовскій — разрисованы авторомъ съ такою же тщательностью, какъ послѣдній, вслѣдствіи чего, кстати сказать, при чтеніи получается утомительное впечатлѣніе растянутости. На первомъ планѣ стоитъ коммерсантъ изъ шляхтичей Станиславъ Поланецкій, хотя не чуждый отчасти тѣмъ же скорбнымъ сомнѣніямъ, которыя мучили Плошовскаго, но тѣмъ не менѣе сумѣвшій найти положительный и высшій интересъ жизни въ наживаніи денегъ всякими правдами и неправдами. Какъ кредиторъ пана Плавицкаго, онъ продаетъ съ торговъ его имѣніе „Кремень", страшно огорчая этимъ дочь должника Марыню, потомъ женится на ней, безприданницѣ, и послѣ рожденія первенца снова покупаетъ для нея ея любимый „Кремень". Такова не хитрая фабула разсказа, рисующая умильными чертами торжество буржуазныхъ добродѣтелей.

„Поланецкій, по словамъ Сенкевича, былъ сыномъ своего вѣка; онъ тоже носилъ въ себѣ частицу той всеобъемлющей тоски, которая какъ кошмаръ давитъ современнаго человѣка, стоящаго на рубежѣ новой эпохи. Въ немъ пошатнулись старыя основы, на которыя до сихъ поръ опиралась жизнь". „Какъ всякій современный новый человѣкъ, онъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ матеріализму, но исхода еще не нашелъ и, главное, ему казалось, что онъ его даже не ищетъ. Онъ весь предавался

своимъ занятіямъ, къ которымъ привыкъ, и лишь въ минуту большого наплыва пессимизма спрашивалъ себя: *къ чему все это*? Къ чему составлять богатство, работать, жениться, плодить дѣтей, если все это потомъ должно пойти прахомъ? Но это—прибавляетъ авторъ—находило на него только временами, не принимая формы постояннаго принципа". Въ обычное время мысль его была поглощена тысячами житейскихъ дѣловыхъ вопросовъ, она не сосредоточивалась на основныхъ, нерѣшенныхъ еще имъ, вопросахъ жизни, не мѣшала ему жить по инерціи, безсознательно и въ силу механической привычки къ жизни, въ силу животнаго органическаго, неразсудочнаго инстинкта. Вообще говоря, Поланецкій въ первой фазѣ его нравственнаго развитія, т. е. до того относительнаго перерожденія, которое производитъ въ его душѣ Марыня, можетъ служить какъ бы живою иллюстраціею къ извѣстной, вызвавшей толстовскую статью о „недѣланіи", проповѣди Эмиля Золя, который на вопросъ: къ чему жить?—отвѣчалъ завѣтомъ: трудись, трудись и трудись! Золя оговаривался, что онъ такимъ путемъ не рѣшаетъ никакой задачи, но зато указываетъ средство спокойно прожить жизнь. Рекомендованный имъ дурманъ труда хотя и не можетъ замѣнить намъ высшей истины, не можетъ удовлетворить сжигающую души потребность въ высшемъ смыслѣ существованія, но тѣмъ не менѣе является, надо думать, самымъ лучшимъ, прочнымъ и долгодѣйствующимъ по сравненію со всѣми прочими болѣе низменными дурманами жизни: съ дурманомъ спорта, съ дурманомъ эротизма, съ дурманомъ честолюбія и пр. Такъ же, какъ Золя, относится къ нему и Поланецкій. „Какое-то чувство часто подсказывало ему, что жизнь, какъ она есть, окруженная ли тайной или лишенная ея, должна быть выполнена цѣлымъ рядомъ трудовъ и подвиговъ. Онъ полагалъ, что если нельзя отвѣтить себѣ на всѣ эти „для чего?", то изъ этого, однако, еще не слѣдуетъ, что нужно сидѣть сложа руки, а напротивъ, необходимо работать, потому что само дѣло можетъ служить до нѣкоторой степени лучшимъ отвѣтомъ. *Быть можетъ это на самомъ дѣлѣ и не такъ*, добавляетъ онъ, но, по крайней мѣрѣ, тотъ, кто такъ смотритъ на жизнь, освобождаетъ себя отъ большой отвѣтственности. Что-же остается? Остается обзавестись семьей *и работать для общества*". Сравнивая себя съ Плошовскимъ—своимъ дальнимъ родственникомъ—Поланецкій отдаетъ ему предпочтеніе относительно оригинальности, утонченности и духовнаго благородства, но считаетъ себя за то болѣе способнымъ къ жизни. „Я сумѣю заработать себѣ кусокъ хлѣба—говоритъ онъ, — Плошовскій же умѣлъ только изъ готоваго хлѣба катать шарики. Я могу еще на что-нибудь пригодиться, въ то время какъ онъ годился бы развѣ только на то,

чтобы занять мѣсто гдѣ-нибудь на общественной этажеркѣ съ бездѣлушками".

Въ этомъ самодовольномъ сравненіи точно такъ же какъ и въ приведенномъ выше рѣшеніи: „обзавестись семьей и *работать для общества*" рѣзко подчеркнута общественная точка зрѣнія, съ которой Поланецкій оцѣниваетъ свою особу и рѣшаетъ гамлетовскій вопросъ жизни: быть или не быть? Къ сожалѣнію, на протяженіи романа онъ успѣлъ осуществить только первую половину своей программы, — очень удачно обзавелся семьей, женившись на прекрасной дѣвушкѣ Марынѣ — вторая же половина, касающаяся „работы для общества", такъ и осталась на глазахъ читателя невыполненной. Но именно съ общественной точки зрѣнія какъ дѣятельность, такъ и вся нравственная личность героя не выдерживаетъ никакой критики. До знакомства съ Марынею онъ былъ довольно жесткимъ хищникомъ. „Когда надо было выказать особую энергію (по взысканіямъ) или прижать кого-нибудь къ стѣнѣ, Поланецкій былъ незамѣнимъ", рекомендуетъ его Сенкевичъ—и такимъ мы его дѣйствительно видимъ въ качествѣ кредитора пана Плавицкаго. Вліяніе Марыни его значительно смягчило, пріучило нѣсколько гуманнѣе относиться къ людямъ, пробудило религіозныя чувства, разсѣяло его гамлетовскія сомнѣнія и умиротворило его бунтующуюся мысль нѣсколько аскетическимъ взглядомъ на жизнь, какъ на великую „службу Божію". Эту истинно-христіанскую точку зрѣнія Марыня усвоила отъ своей несчастной матери, утѣшалась ею сама въ тяжелыя минуты своей семейной жизни и цѣликомъ передала ее мужу. Ея міросозерцаніе представляетъ несомнѣнно высшую ступень его механической вѣры въ трудъ, которая позволяла ему ограничиваться мелкимъ комерческимъ гешефтмахерствомъ. Въ этомъ постепенномъ внутреннемъ перерожденіи Поланецкаго, въ исканіи какой-нибудь высшей нравственной основы жизни, заключается интересъ и психологическая интрига романа. Но странно, что это внутреннее перерожденіе героя, анализу котораго посвящено безчисленное множество страницъ, почти никакъ и ничѣмъ не отразилось на его внѣшней дѣятельности. Если онъ уже не такъ энергично *прижимаетъ къ стѣнѣ* своихъ должниковъ, то все же, и женившись на Марынѣ, продолжаетъ попрежнему давать деньги въ ростъ подъ закладные своему пріятелю адвокату Машко, попрежнему торгуетъ, гешефтъ-махерствуетъ и богатѣетъ. Личная нажива—дѣло хорошее, но во всякомъ случаѣ это не та *„работа для общества"*, которую онъ объявилъ своей „задачей жизни" и ужъ тѣмъ болѣе не та „служба Божія", о которой говоритъ Марыня. Мнѣ кажется, что такой аскетическій взглядъ на жизнь какъ-то умѣстнѣе въ устахъ несчастной матери, погубившей себя въ замужествѣ съ пошлымъ и

мелкимъ тунеядцемъ паномъ Плавицкимъ, чѣмъ въ устахъ счастливой дочери, жизнь которой представляетъ собою полную чашу всѣхъ доступныхъ средней женщинѣ радостей. Поланецкій удачно характеризовалъ Марыню шуткой, что если бы она носила высокія каблуки, то отъ угрызеній, что она обманываетъ людей, у нея сдѣлалось бы воспаленіе совѣсти. Тайна ея вліянія въ ея чистотѣ. Марыня дѣйствительно правдива, идеально честна, и искренна, но она совершенно лишена всякаго общественнаго развитія. Она христіанка, семьянинка, но не гражданка. Всю свою нравственную чистоту она заключила въ маленькую скорлупку своихъ семейныхъ отношеній, а о томъ—какъ стоитъ ея семья по отношенію къ обществу, какова общественная роль мужа, нѣтъ ли лжи, неправды и разбоя въ его дѣятельности внѣ семьи—у нея и мысли никогда не возникаетъ. Вся ея мораль — только личная. Благодаря этому та высшая нравственная правда, которой она подчиняетъ Поланецкаго, не спасаетъ его отъ тѣхъ неправедныхъ съ общественной точки зрѣнія дѣлъ, которыми онъ занимается, и съ другой стороны его общественно-неправедныя дѣла нисколько не оскорбляютъ ея личной нравственной правды. Она вполнѣ счастлива и безъ ума любитъ своего „Стася", ссужающаго деньги подъ проценты, спекулирующаго хлѣбомъ въ голодный годъ и богатѣющаго на какихъ-то темныхъ поставкахъ. Если въ полной высшими духовными разладами и терзаніями жизни Плошовскаго отсутствіе общественнаго чувства не бросалось такъ рѣзко въ глаза, главнымъ образомъ, потому, что скептическая мысль—это такое божество, на жертвенникѣ котораго сгораетъ не только мораль, но и вся духовная личность человѣка, то въ идилліи благоутробнаго довольства Поланецкихъ оно, простите за вульгарное выраженіе, просто бьетъ въ носъ и свидѣтельствуетъ о нравственной тупости автора. Въ романѣ много прекрасно вырисованныхъ второстепенныхъ лицъ, много тонкаго художественнаго мастерства, свойственнаго вообще кисти Сенкевича; онъ не лишенъ даже нравственныхъ тенденцій въ изображеніи внутреннихъ терзаній Поланецкаго, нарушившаго правду своихъ отношеній къ женѣ мимолетною связью съ пустой бабенкою пани Машко, но все это нисколько не искупаетъ колосальнаго нравственнаго уродства героя, въ роли котораго выступаетъ темный спекулянтъ, способный барышничать народнымъ бѣдствіемъ. Въ этомъ „героѣ отъ коммерціи", человѣкѣ реальной жизни и практическаго дѣла, Сенкевичъ пытался дать положительный типъ, художественную антитезу безпочвенному Плошовскому, оторванному отъ жизни и обреченному всѣмъ своимъ внутреннимъ развитіемъ на смерть и уничтоженіе. Чуждый всякой дѣятельности, Плошовскій погибъ отъ сомнѣній, а Поланецкаго спасаетъ практическое дѣло мелкой на-

живы и теплая вѣра въ Бога, которому онъ молится на колѣняхъ о прощеніи за невольное прегрѣшеніе съ чужою женой.

Въ томъ фактѣ, что, наживъ капиталы, онъ покупаетъ имѣнія, нѣкоторые наивные критики-идеалисты видятъ „возвратъ къ землѣ“, что-то въ родѣ нравственнаго обновленія удачливаго дѣльца во вкусѣ проповѣдей Льва Толстого; но, придавая такой характеръ превращенію комерсанта въ помѣщика, они забываютъ, что онъ вернулся къ землѣ не пахаремъ, а паномъ, и не во имя толстовскаго „опрощенія“, а съ планами правильнаго раціональнаго хозяйства, т. е. комерческой эксплоатаціи земли и людей съ помощью богатыхъ, нажитыхъ спекуляціями и ссудами подъ проценты средствъ. Такой „возвратъ къ землѣ“ знаменуетъ только возвратъ шляхты, прошедшей черезъ школу жизни и торговли, къ положенію экономически-господствующаго класса въ странѣ, утрачиваемому крупными, родовитыми фамиліями Плошовскихъ.

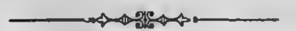
Вотъ каковъ его положительный герой, вотъ какова рекомендуемая имъ положительная программа жизни! Сенкевичъ началъ за упокой аристократической интеллигенціи и кончилъ во здравіе шляхетской буржуазіи. Насколько отрицательный типъ великомученика сомнѣній, исполненный высокой художественности и красоты, является типомъ общеславянскимъ и даже міровымъ (на ряду съ Фаустомъ, Манфредомъ, Онѣгинымъ и пр.), настолько же противопоставляемый ему положительный типъ самодовольнаго благопріобрѣтателя и ростовщика является героемъ ничтожнаго слоя спеціально польскаго общества, стоящимъ далеко ниже нашихъ самыхъ элементарныхъ эстетическихъ и моральныхъ требованій. Въ дневникѣ Плошовскаго Сенкевичъ съ рѣдкой мощью выразилъ всю тоску и ужасъ безвѣрія, обуявшаго современнаго интеллигентнаго европейца, а въ комерческой морали и дѣловыхъ подвигахъ Поланецкаго нарисовалъ картину утѣшенія и примиренія, которое можетъ найти въ личномъ и семейномъ процвѣтаніи только польскій шляхтичъ, полный презрѣнія къ „быдлу“ и лишенный всякой нравственной связи съ народомъ, на бѣдствія котораго онъ спекулируетъ при закупкахъ хлѣба въ голодный годъ. Нужно сознаться, что въ этомъ направленіи Сенкевичъ остался далеко позади передовыхъ дѣятелей и русской и польской литературы. Въ то время когда другіе передовые польскіе писатели служатъ свѣтлымъ гражданскимъ и моральнымъ идеаламъ будущаго, Сенкевичъ, какъ аристократическій беллетристъ, остается въ плѣну темной польской старины, во власти историческихъ воспоминаній о сословномъ господствѣ шляхты и магнатовъ. Проповѣдуемый въ лицѣ его положительнаго героя С. Поланецкаго крайній индивидуализмъ, без-

застѣнчивый культъ сословнаго и личнаго эгоизма — типичная черта польскаго культурнаго общества, игравшая роковую роль въ исторической жизни Польши. Возвысившись, послѣ цѣлаго ряда лубочно-патріотическихъ хроникъ историческаго жанра, въ романѣ „Безъ догмата“ до общечеловѣческой психологіи, Сенкевичъ въ „Семействѣ Поланецкихъ“ снова опускается до спеціально польской, сословно-шляхетской морали, чуждой болѣе широкихъ и демократическихъ тенденцій, въ которыхъ, быть можетъ, таится будущее возрожденіе нашей одряхлѣвшей цивилизаціи.

Онъ похожъ на врача, который прекрасно опредѣлилъ болѣзнь, но вмѣсто цѣлебнаго лѣкарства прописываетъ какую-то ядовитую дрянь грязной гешефтмахерской дѣловитости на аквѣ дистиллятѣ семейныхъ добродѣтелей. Тотъ выходъ, который онъ указываетъ намъ въ лицѣ процвѣтающаго буржуа, Поланецкаго, никуда не выводитъ насъ изъ темнаго лабиринта мучительныхъ сомнѣній о высшемъ смыслѣ существованія, не открываетъ передъ нами никакой перспективы разумной человѣческой жизни. Величайшая драма человѣческаго разума заключается въ томъ, что въ нашемъ сознаніи возникаютъ роковые вопросы, которые необходимо разрѣшить и въ то же время невозможно разрѣшить. Пытливая мысль, окруженная огненною стѣной такихъ жгучихъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ, подобно скорпіону, въ смертельномъ отчаяніи обращаетъ свое жало противъ себя самой и возмущаетъ насъ противъ жизни, которая ее породила. Мысль безсильна—значитъ жизнь безсмыслена. Все наше знаніе кажется пустымъ и мертвымъ; оно не даетъ намъ той истины, безъ которой мы задыхаемся. Насъ томитъ тоска безконечности и воля жить день за днемъ умираетъ въ интелигентныхъ сердцахъ. Если человѣчеству суждено пережить этотъ мучительный кризисъ мысли, то его можетъ спасти только какая-нибудь великая красота, что-нибудь грандіозно высокое и прекрасное. Не только для того, чтобы примирить разлады мысли, но даже для того, чтобы только какъ-нибудь заглушить ихъ, требуется гораздо болѣе возвышенный и напряженный энтузіазмъ, чѣмъ тотъ, какой возможенъ въ душѣ Поланецкаго, ограничившаго свой міръ сферою личныхъ, семейныхъ и, пожалуй, еще шляхетскихъ интересовъ. Такую великую всепримиряющую красоту и такой высокій вдохновляющій экстазъ человѣчество можетъ найти не въ личномъ, семейномъ или сословномъ эгоизмѣ, но только въ вѣчныхъ идеалахъ христіанства, осуществленіе которыхъ зальетъ весь міръ всеобщимъ счастьемъ и радостью. Подобное пересозданіе всей нашей личной и общественной жизни на началахъ христіанской правды и любви проповѣдуетъ одно изъ второстепенныхъ лицъ романа, польскій славянофилъ Васьковскій.

„Христіанство, по его словамъ, сдѣлало пока только половину своего пути, а теперь изъ частныхъ отношеній оно должно еще перейти въ общественныя“. „Европа, говоритъ онъ, обнимаетъ собою три міра: романскій, германскій и славянскій. Первые два міра уже выполнили все то, что имъ предстояло выполнить. Будущность теперь за третьимъ. Ввести Христа въ исторію, основать на немъ историческіе факты—вотъ миссія, которую предстоитъ выполнить славянскому міру“. Этотъ проповѣдникъ *соціальнаго христіанства* обрисованъ въ романѣ какъ симпатичный чудакъ, вызывающій многими своими странностями — въ родѣ вѣры въ таинственныя числа и пр.—невольную улыбку на уста читателя. Самъ авторъ тоже относится къ нему явно отрицательно, но тѣмъ не менѣе его завѣты любви и правды христіанской во всемъ строѣ частной и общественной жизни открываютъ передъ тоскующимъ и подавленнымъ духовными разладами интелигентомъ несравненно болѣе вѣрный выходъ, чѣмъ узкая эгоистическая „дѣлецкая“ мораль главнаго героя Сенкевича—Поланецкаго. Въ его призывахъ больше жизни и больше возможности нравственнаго воскрешенія интеллигентнаго Лазаря. Тотъ, кто утратилъ смыслъ личной жизни, долженъ или умереть или жить любовію къ другимъ. Будда началъ съ философскаго отрицанія жизни и пришелъ къ любви. Льва Толстого привели къ той же любви муки отчаяннаго раціоналистическаго пессимизма, не однажды смущавшія его грознымъ соблазномъ самоубійства; человѣку, дошедшему до такихъ сомнѣній и разладовъ, остается на выборъ: или самоубійство или самоотреченіе. Если не крестъ и Голгоѳа, то ядъ, петля или револьверъ. Предтечи возраждающагося христіанства—Ницше, Шопенгауэръ, философы міровой скорби и отчаянія, которое ведетъ къ просвѣтлѣнію, мыслители „отрицанія и сомнѣнія“, изъ котораго возраждается вѣра. Я не думаю, чтобы любовь и самоотреченіе могли быть исключительною монополіею славянскаго племени; но не подлежитъ сомнѣнію, что такъ какъ наша славянская интеллигенція, создавшая самую пессимистическую литературу міра, наиболѣе проникнута великою скорбью непримиренной мысли, то слѣдовательно она же болѣе всякой другой нуждается и въ спасительной любви.

И. Гофштеттеръ.

ЗАРУБЕЖНОЕ СЛАВЯНСТВО.

Чехія и чехи.

Исторически извѣстная борьба чеховъ съ напиравшимъ со всѣхъ сторонъ врагомъ продолжается уже 1265 лѣтъ со времени не забытаго въ Чехіи знаменитаго царя Само. Теперь эта борьба выразилась въ совершенно новомъ видѣ, принявъ обликъ культуры, которая взошла на Чехію, какъ красное, грѣющее солнце. Чтобы понять, почему выставка въ Прагѣ прошлымъ лѣтомъ имѣла для чеховъ въ особенности, а для славянъ въ общемъ итогѣ, выдающееся значеніе; чтобы оцѣнить всю работу ума этого народа и его патріотизмъ; чтобы обнять, такъ сказать, чешскую жизнь во всей ея подробности, жизнь, составленную изъ милліоновъ убѣжденныхъ отдѣльныхъ стремленій, совокупно заявившихся на выставкѣ,—прежде всего необходимо принять во вниманіе, что эта выставка, вся какъ есть, покоилась на народныхъ средствахъ и на непреклонной волѣ народа,—итти впередъ во что бы то ни стало. Австрійское правительство пальцемъ не шевельнуло для этого дѣла, но въ видахъ экономическихъ, оно только его разрѣшило, оставивъ за собою полицейскій надзоръ. Но чехи и изъ подъ этого надзора сумѣли выйти побѣдителями и фактомъ народнаго воспитанія и политическаго смысла разбили врага, оставшись хозяевами культурно-завоеванной почвы. Послѣдствія уже на лицо: осадное положеніе снято и руководительство народомъ перешло всецѣло къ здоровой и умной партіи младочеховъ, побѣдоносно отражающихъ нападки нѣмцевъ: словомъ, дѣломъ и печатью.

Чехи изъ всѣхъ славянъ наиболѣе поработали и постоянно боролись; они не засыпали, не успокаивались, какъ другіе славяне въ разныхъ странахъ, и потому нравственное ихъ положеніе стоитъ на столько же впереди всѣхъ другихъ славянъ, какъ и ихъ страна въ географическомъ смыслѣ. Духъ чешскаго народа, какъ примѣръ для всѣхъ, высоко паритъ надъ приниженностью славянъ Балкана, надъ розныю сербо-хорватовъ, надъ невѣжествомъ многихъ собратьевъ, надъ добродушіемъ и равнодушіемъ съ немощью тѣхъ, гдѣ много жалобъ, но мало дѣла!..

Бросимъ, для поясненія, бѣглый взглядъ на борьбу чеховъ съ перваго ихъ появленія. Ихъ предки за 600 л. до Р. Х. жили во Франціи, по лѣвой сторонѣ Луары, гдѣ теперь городъ Лиможъ. По неизвѣстнымъ причинамъ, бои-чехи вышли изъ Франціи и поселились въ теперешней Богеміи, въ странѣ боевъ. Нѣмцы боевъ, какъ и самую Богемію, причислили къ своему роду и землѣ, написавъ объ этомъ не мало тенденціозно ложнаго, какъ и про маркоманновъ I столѣтія, этихъ граничаръ боевъ, боровшихся съ Римомъ. Эти маркоманны, граничары въ переводѣ, все равно, что Геродотовы оратаи, названные такъ только по своимъ занятіямъ; жить на границѣ, орать поле. И хроники запада говорятъ, что въ началѣ нашей эры, въ Винделиціи, по Леху, Изеру и Инну, жили славяне, ракузы: ляхи, кошубы и руссы. На эту готовую славянскую почву приходитъ въ 630 г. по Р. Х., изъ-подъ Славенбурга въ Бельгіи, купецъ-ратникъ Само и, изгнавъ аваровъ, водворяется въ Чехіи, гдѣ побѣдоносно сражается противъ франковъ и ихъ короля Дагоберта. Тутъ, и по Эльбѣ, Дунаю, Залѣ, Леху и др. рѣкамъ, Само положилъ основаніе перваго самодержавнаго славянскаго царства. Съ его смертію, въ 665 г., это царство рушится но не рушится народное сознаніе, которое растетъ и крѣпнетъ въ Чехіи, въ Вышеградѣ, гдѣ князь Боривой и Любуша съ ея поэтическимъ судомъ, ярко озаряютъ первоначальную исторію Чехіи. Одновременно начинаетъ подвигаться изъ Баваріи христіанство-католичество и, съ помощью меча Карла Великаго, доходитъ силою и пронырствомъ до Чехіи и Моравіи. Послѣдняя въ это время находилась подъ скипетромъ князя Ростислава, который, разгадавъ намѣренія католичества и нѣмцевъ, обратился къ Византіи, гдѣ искалъ подкрѣпленія своей народности на началахъ пониманія христіанства и славянскаго богослуженія. Духовная помощь была подана и водворилась при Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ въ IX столѣтіи и, какъ намъ говоритъ исторія, это православіе, это восточное католичество, распространилось далеко за предѣлы Велеграда, дошло до Праги, Гнѣзна, и съ этихъ поръ съ береговъ Моравы пошелъ разладъ между западомъ и востокомъ; тутъ была положена грань двухъ міровъ, грань по сю пору существующая и имѣвшая впослѣдствіи, къ XV ст. большое вліяніе на судьбу чеховъ. Съ приходомъ венгровъ въ X ст., Моравское княжество пало, а Чехія ослабѣла. Нѣмцы напирали; князья, а потомъ короли вмѣстѣ съ дворянствомъ нѣмечились; всѣ они вмѣстѣ съ прибывавшими ремесленниками въ города и католичествомъ дѣйствовали за одно противъ славянъ и чеховъ; порабощеніе народа шло прогрессивно изъ года въ годъ и дошло до полнаго истощенія духа. Появленіе Гуса и гуситства въ XV ст. на десятки лѣтъ отвоевало че-

ховъ отъ гнета, отбросивъ далеко ученіе католическихъ патеровъ, и даже самихъ папъ, и усвоивъ ученіе моравскихъ братьевъ. Но славянская рознь все попортила и снова восторжествовали враги, до появленія ученія Лютера и Густава Адольфа. Къ этому продолженію гуситства примкнуло чешское дворянство и масса народа; однако, въ началѣ XVII ст. оно погасло и запечатлѣлось кровью 2.200,000 душъ погибшихъ чеховъ. Насталъ вѣкъ тьмы, полнаго порабощенія, забвенія своей народности и языка. Такое положеніе продолжалось въ Чехіи до Іосифа II, противника власти папъ и ихъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Имперіи. Реакція сверху возродила національный духъ, который съ помощью плеяды даровитыхъ ученыхъ литераторовъ и поэтовъ, воскресъ расцвѣлъ и къ 50-ти годамъ XIX ст. принесъ народу самые обильные плоды. Это выказалось, какъ въ 1848 году, такъ и при министерствѣ Гоэнварта, принявшаго за лозунгъ равенство національностей.

Однако, благодаря министру Ауэршпергу, обѣщанное и возвѣщенное равенство не было выполнено и когда послѣ Садовы устроился дуализмъ Бейста и императоръ короновался венгерскою короною, то и чехи потребовали для себя того же самаго. Имъ отказали и тогда выборные рейхсрата покинули его. Много трудовъ стоило министру Таафе помирить ихъ съ трономъ, съ нѣмцами, но достигнуть этого оказалось невозможнымъ и духовная война продолжается, примиренія нѣтъ. Дѣлами въ Чехіи управляютъ младочехи, т. е. народники, отъ которыхъ отдѣлились дворянство и та чешская интеллигенція, которая вѣрила въ обоюдныя уступки. Младочехи желаютъ, чтобы число ихъ голосовъ было равномѣрно населенію; чтобы Чехія была отдѣльнымъ королевствомъ, какъ Венгрія; чтобы императоръ короновался въ Прагѣ и чтобы равноправность всѣхъ славянъ вообще была признана. Такія притязанія, помимо исторіи, основываются на слѣдующихъ экономическихъ данныхъ:

Чехи считаютъ, что ихъ земля включаетъ: Богемію, Моравію, Силезію и Словенію. Послѣднюю, какъ удѣлъ Моравіи IX вѣка. Все вмѣстѣ составляетъ около $^1/_5$ части дуалистической Имперіи. Живутъ въ этихъ земляхъ 7.800,000 д. об. п. чеховъ т.-е. 19% всего населенія Имперіи и 27% Австріи. Они католики, считаются таковыми, за изъятіемъ 800 т. лютеранъ. Принимая для Австріи 27% чеховъ за основаніе ихъ экономической работы и отсчитывая около 7% нѣмцевъ, проживающихъ среди и вокругъ чеховъ въ Чехіи и Моравіи, мы получаемъ слѣдующія весьма любопытныя данныя по отношенію ко всей Австріи: Чехи занимаютъ 23% населенныхъ мѣстъ Австріи и имѣютъ на каждой квадратной мили на 169 строеній больше чѣмъ въ Австріи. И имъ принад-

лежатъ 15 значительныхъ городовъ,—такое количество, какого нѣтъ въ другихъ провинціяхъ. Густота населенія почти наибольшая, а между тѣмъ они живутъ просторно, съ нѣкоторою роскошью въ обиходѣ. Города устроены хорошо во всѣхъ отношеніяхъ. Деревни, хутора, фермы поражаютъ видомъ и благоустройствомъ. Земля обработана отлично и примѣнительно къ потребности страны стоитъ выше отлично обработанной трехпольной системы и многопольной. Пашень на чеховъ приходится 33% во всей Австріи. Съ нихъ получается пшеницы, ржи, ячменя и овса отъ 32%—41% всей Австріи. Народъ, значитъ, сытъ и можетъ излишекъ продавать. Не имѣя достаточно выгоновъ и пастбищъ, чехи производятъ картофель и свекловицу отъ 59% до 85% на все количество добываемое Австріею. Одновременно они сѣютъ клеверъ и т. п. травы, извлекая кормъ скоту на 20% всей Австріи. Солома также служитъ большимъ подспорьемъ въ количествѣ 33% на всю Австрію. Земля, сохраняя, при такой системѣ хозяйства, свои хорошія качества и давая достаточно, какъ человѣку, такъ и скотоводству, дозволяетъ держать послѣднее отличнаго качества и въ большомъ количествѣ: рогатаго скота, овецъ считается въ Чехіи 23% всего, что имѣется въ Австріи. Скотоводство же даетъ чехамъ молочное хозяйство, скопы и шерсть, ежегодно отъ 25%—41% всего, что добывается въ Австріи. Не довольствуясь этимъ, чехи обратили вниманіе на использованіе всѣхъ неудобныхъ земель, которыхъ тамъ теперь нѣтъ. Болота осушены, а скалы, овраги и утесы засажены лѣсомъ, съ образцовымъ хозяйствомъ. Пути: рѣчные, шоссе, желѣзнодорожная сѣть и земскія дороги, въ образцовомъ порядкѣ, какъ въ котловинѣ, такъ и въ горахъ. Чехи же занялись раціональною разработкою горныхъ породъ и изъ всего количества добываемыхъ на чешскія земли приходится 64%. Добыча серебра вся почти цѣликомъ принадлежитъ Чехіи; желѣза получается 25%, а каменнаго угля 69%. Горнорабочихъ на долю чешскихъ земель приходится 58%. Несмотря на такую количественно большую производительность въ нѣдрахъ земли, тамъ отсутствуютъ всѣ тѣ особенности горнорабочей жизни, въ родѣ стачекъ, несчастій и т. п., какъ-то бываетъ довольно ча́сто въ Англіи и Бельгіи. Одновременно промышленность самаго разнообразнаго вида и свойства очень развита у чеховъ и доходитъ до 46% на всю Австрію. Однихъ машинъ на заводахъ и фабрикахъ въ чешскихъ рукахъ 48%. Отвергая алкоголическія напитки, чехи усердно истребляютъ пиво, разводя хмѣль на 31%. Число акціонерныхъ обществъ съ ихъ капиталами преимущественно сосредоточиваются въ чешскихъ земляхъ. Все это вмѣстѣ взятое, достойно особаго вниманія, и не удивительно, что Чехія и чехи,—наибогатѣйшій народъ средней Европы, съ которымъ эко-

номически и слѣдовательно политически Австріи приходится считаться, уступать имъ и ихъ бояться.

А теперь бросимъ бѣглый взглядъ на нравственно-духовную сторону этого народа, какъ подкрѣпленіе изложеннаго. Высшее образованіе въ Чехіи сосредоточено въ Пражскомъ университетѣ, гдѣ слушаютъ до 3-хъ тысячъ студентовъ. Хотя это далеко не то, что было въ XVI ст., когда Пражскій университетъ былъ почти единственнымъ въ Европѣ и когда тамъ насчитывало 12 тысячъ студентовъ, тѣмъ не менѣе, и теперь этотъ университетъ считается центромъ и квинтъ-эссенціею жизни, познаній, прогресса и направленія народной массы. Теперь чехи ведутъ къ тому, чтобы имѣть свой особый чисто чешскій университетъ, какъ они имѣютъ совершенно отдѣльный техническій чешскій институтъ. Вѣнскій университетъ, гдѣ больше средствъ, но гдѣ обстановка будто слабѣе, какъ бы уступаетъ пражскому по умственному напряженію, и потому вовсе неудивительно, что изъ послѣдняго ежегодно выпускается такое множество хорошо образованныхъ и даровитыхъ людей, какъ то доказывается ораторами и членами Чешскаго сейма, все изъ среды партіи младочеховъ. Среднихъ учебныхъ заведеній на чеховъ приходится 16%. Въ народныхъ школахъ обучается 72% дѣтей, при среднемъ обученіи во всей Австріи 56%. На эти школы обращено особое вниманіе чеховъ и тамъ, гдѣ правительство не помогаетъ, гдѣ чеховъ меньше чѣмъ нѣмцевъ, тамъ чешское общество доброхотно и добровольно идетъ своимъ на помощь. Спеціальныхъ заведеній самаго разнообразнаго типа 29% во всей Австріи; зато духовныхъ не много по особымъ причинамъ и между прочимъ по причинѣ правительственной поддержкѣ, но не общественной, которая отсутствуетъ.

Преступность въ Чехіи ниже чѣмъ въ Австріи вообще, причемъ главныя преступленія падаютъ на государственныя проступки и на таковыя среди многолюднаго фабричнаго люда. Во время осаднаго положенія Праги, что недавно снято, и во время выборовъ, когда мѣстная администрація не брезгаетъ Стамбуловскими пріемами насилія, преступленій больше, отъ взаимнаго раздраженія. Такъ примѣрно, бывало, для выбора лицъ, желанныхъ правительству, но не получающихъ голоса, ставили на постой конницу; и кормятъ людей и лошадей столько времени, сколько понадобится, пока не получится желанный выборъ. При этомъ число дней постоя и число всадниковъ увеличивалось до полнаго истощенія хозяйства. Эта своего рода матеріальная пытка очень въ ходу въ Австріи, наравнѣ съ множествомъ другихъ quasi культурныхъ пріемовъ. И въ результатѣ, отъ такого нажима, битья по карману, выбираются нѣмцы и имъ подоб-

ные, а чехи остаются печальными зрителями многихъ мѣстныхъ безобразій и несправедливостей.

Также въ виду изложеннаго всякихъ исправительныхъ заведеній, тюремъ и т. п. находится въ Чехіи около $^1/_3$, а дней заключенія насчитывается 32% на долю чеховъ.

Въ Чехіи очень важенъ вопросъ сбереженія дѣтей во всѣхъ смыслахъ и видахъ и на это не жалѣютъ денегъ. Оспопрививаніе, акушерство, ясли, воспитательные дома и т. п. все это въ большемъ достаткѣ и можетъ служить примѣромъ любой странѣ. Не менѣе того обращено вниманіе на здоровье людей вообще, на его поддержаніе, на санитарный вопросъ и потому врачей съ ихъ помощниками, да разныхъ больничныхъ заведеній для самыхъ разнообразныхъ болѣзней тамъ столько, сколько ихъ не имѣется въ другихъ богатыхъ странахъ. И все это оказалось возможнымъ осуществить при порядочности жизни чеховъ, ихъ скромности, работѣ и бережливости, но далеко не скупости: на дѣло все, для бездѣлья — ничего. Подтверждается это числомъ сберегательныхъ кассъ: 34% всѣхъ въ Австріи. И чехи, зная, что одинъ въ полѣ не воинъ, изъ года въ годъ все болѣе и болѣе сближаются, группируются по потребностямъ и надобностямъ жизни въ разнообразнѣйшія общества, которыхъ теперь до половины всѣхъ подобныхъ въ одной Чехіи.

Этотъ краткій бѣглый статистическій очеркъ, можетъ хоть отчасти дать понятіе о томъ, что такое Чехія, этотъ лучшій перлъ австрійской короны, которымъ тѣмъ не менѣе, если не пренебрегаютъ, — это невозможно, слишкомъ ужъ она крупная культурная единица,—то все таки ее затемняютъ, постоянно осаживаютъ, гдѣ можно обижаютъ, оскорбляютъ и не даютъ ей такихъ правъ, какъ, примѣрно, дикимъ по своимъ выходкамъ и наклонностямъ уграмъ. И такое положеніе выразилось ярко на Пражской всенародной чешской выставкѣ, истекшимъ лѣтомъ, когда Юпитеръ только сердился, не пожелавъ даже взглянуть на то, какъ копошатся на землѣ эти обдѣленные люди.

Послѣ всего этого также не удивительно, что чехи усвоили себѣ свои собственныя основы борьбы. Все ихъ вниманіе обращено на школы, на развитіе въ дѣтяхъ національныхъ идей: если намъ худо, то вамъ будетъ лучше отъ нашей сознательной работы. И работаютъ они неустанно, всегда трезвы, большіе скопидомы при скромныхъ вожделеніяхъ, каждый знаетъ кой что о промыслѣ, если неиначе, то о кустарномъ, и въ свободное время, когда потребно, чехъ многое что самъ дѣлаетъ, не прибѣгая къ посторонней помощи. А поддерживаютъ каждаго, всѣхъ, самыя разнообразныя учрежденія съ ихъ развѣтвленіями, оказывая всякого рода помощь, не прибѣгая къ правительству, которое такимъ образомъ

очутилось сбоку: народъ будто идетъ своею стезою, какъ бы не нуждаясь въ правленіи. Такое направленіе новой Чехіи, служитъ примѣромъ другимъ славянамъ, но не вездѣ понято здраво это молчаливо работающее противодѣйствіе.

Что касается помощи остальнымъ славянамъ запада, то въ этомъ отношеніи чехи, ни подать руки, ни оказать такую помощь имъ не могутъ: своего дѣла довольно. О взаимности также мало рѣчи; одни словены, какъ передовые на юго западѣ Австріи, идутъ кой какъ съ чехами рука объ руку, за то другіе: хорваты, сербы, угро-руссы, поляки, подавленные галичане, остаются въ сторонѣ и безучастными зрителями, безъ подражанія чехамъ; напротивъ тамъ только одни ссоры, зависть и продажность. Вліяніе чеховъ на остальныхъ славянъ Имперіи еще очень слабо, и совмѣстное, согласное дѣйствіе отсутствуетъ, оно, какъ желанное впереди, хотя и не легко достижимо. Что касается Россіи, то къ ней чехи хотя и относятся любовно, они будто въ ожиданіи чего то, уповаютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта нѣметчина, конституціонализмъ, эта работа съ мелочною жизнью, эта давняя историческая и географическая раздвоенность славянства, съ полнымъ незнаніемъ нашего отечества, все это совокупно провело чрезвычайно рѣзкую черту между чешскою и русскою народностію. Прискорбно, что чешская масса, по незнанію насъ, все еще продолжаетъ пробавляться разсказами Марка Паоло и Герберштейна съ новѣйшими прибавками лжи и извращенія, все, по западнымъ источникамъ, тогда какъ прямыя, изъ Россіи, чехамъ мало извѣстны. Русскій языкъ проникаетъ, литература также, но все это только въ рукахъ и устахъ наилучшей интеллигенціи, тогда какъ остальное, недоумѣваючи глазѣетъ и Россія для этой массы, благодаря навѣтамъ и наговорамъ, все еще представляется державою съ дикими захватами и съ такими же нравами. Разоблаченіе истины, сближеніе болѣе чѣмъ необходимо. Между тѣмъ, наша сосѣдка, дозволяетъ себѣ по отношенію къ намъ многое такое, чего мы обратно не дѣлаемъ, она изъ боязни, придирчива до мелочей ко всѣмъ международнымъ сношеніямъ съ Россіею вообще и чеховъ въ частности, и потому всякія сношенія со славянами крайне затруднительны. Намъ легче сноситься съ какимъ нибудь неизвѣстнымъ племенемъ срединной Африки или Азіи, чѣмъ съ родными по крови и близкими сосѣдями славянами. И въ этомъ отношеніи слѣдуетъ больше винить самихъ себя, чѣмъ боязливыхъ австрійцевъ. А что касается до движенія славянъ къ намъ на встрѣчу, то оно обставлено за границею разными строгостями, сопровождается шпіонствомъ, навѣтами и изгнаніемъ честныхъ людей изъ отечества,

потому оно труднѣе, чѣмъ движеніе отъ насъ въ Австро-Венгрію. Гораздо легче идетъ переселеніе славянъ, въ особенности чеховъ въ Америку, чѣмъ по сосѣдству въ Россію и это намъ въ прямой ущербъ. А между тѣмъ культура, богатство чеховъ, ихъ разнообразная усидчивая работа, какъ примѣръ нашему нуждающемуся въ этомъ народу, очень бы пригодились, какъ нѣкогда чешскіе солдаты, капитаны съ ихъ гуситскимъ военнымъ уставомъ, пригодились для возрожденія нашего войска въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Помочь сближенію можетъ только торговля, открытіе складовъ нашихъ тамъ и у насъ ихъ произведеній. Открытіе въ Прагѣ русской книжной торговли и предметовъ, тамъ отсутствующихъ, основаніе конторъ, все это признано уже весьма желательнымъ дѣломъ, равно какъ учрежденіе консульствъ и агенствъ въ наиболѣе выдающихся центрахъ не только Чехіи, но и Австріи вообще. Ходятъ же къ намъ словаки съ жестяными товарами и распродаютъ ихъ во всѣхъ нашихъ большихъ городахъ, значитъ это нужно, товаръ раскупается. Но мы не знаемъ, не видали, чтобы въ Чехіи появлялись русскіе купцы и хожалые люди и о томъ нѣтъ слуха чтобы въ Прагѣ были русско-чешскія торговыя сдѣлки. У насъ все еще слишкомъ много стоячей воды. А между тѣмъ чехи ищутъ исхода, ихъ дѣятельность, душа, далеко не удовлетворена и они находятъ себѣ пока утѣшеніе молиться въ Пражской православной церкви, куда стекается по праздникамъ народъ, до переполненія. Онъ тамъ усердно молится, забывая свое католичество. Послѣднее поблекло среди чеховъ, считаясь за отрасль администраціи, а патеры за чиновниковъ правительства, желающаго проникнуть въ самую душу, совѣсть всякаго чеха. Въ сущности патеры таковы и есть и потому отъ нихъ держатся подальше. Они, облачаясь въ гражданское платье, скромнаго покроя, посѣщаютъ преисправно рестораны, пивныя; курятъ, пьютъ не хуже другихъ, ведутъ среди публики веселую бесѣду и не близки къ духу своего прямого призванія, зато можетъ косвенному они вполнѣ удовлетворяютъ. И за это и многое другое ихъ одинаково не почитаютъ, не любятъ, какъ открыто исполняющихъ свою обязанность жандармовъ. Вообще католичество видимо теряетъ свою почву и народъ незамѣтно, самъ того можетъ не понимая, по неудовлетворенности, возвращается къ гуситству. Но такъ какъ понятіе о гуситствѣ, не могло выработаться правильно среди чеховъ, было пресѣчено насиліемъ, то вмѣстѣ съ лучомъ понятія о Россіи, до многихъ проникло откровеніе Православія, которое во славянствѣ болѣе понятно и воспріемлемо, чѣмъ латинская служба и проповѣди чисто правительственнаго свойства, но не христіанскія, евангельскія, какъ въ православіи, основанныя на любви къ ближнему.

Все изложенное съ борьбою въ сеймахъ, рейхсратѣ привело предводителей народныхъ интересовъ къ мысли, показать всѣмъ друзьямъ и врагамъ, что такое теперь Чехія. Вооружившись всѣмъ, что добыто въ потѣ лица за послѣдніе 50 лѣтъ, чехи устроили выставку, какой еще не видала средняя Европа. Они не пожалѣли средствъ, чисто народныхъ, до $1^1/_2$ м. р. и во очію всѣхъ и каждаго показали, насколько они богаты, культурны, знающи и что они теперь могутъ существовать безъ помощи другихъ, сами собою. Подкладка этой выставки та, что Чехія можетъ быть самостоятельнымъ королевствомъ для чего, смотрите,—имѣется все, не исключая королевскихъ регалій. Цѣлая понорама деревенскихъ щеголеватыхъ построекъ изъ разныхъ мѣстностей и округовъ рисуетъ народную жизнь. А возлѣ часть старой Праги, до 20 домовъ, XVI вѣка говоритъ о прошедшемъ, страшномъ времени. А настоящее предъ каждымъ посѣтителемъ въ теперешней Прагѣ. По срединѣ выставки красуется зданіе изъ камня, чугуна и стекла, величественно громадное, внутри котораго, какъ и вокругъ вѣетъ духъ тріумвирата, столь чтимыхъ королей, какъ Карлъ I, Подѣбрадъ и св. Вячеславъ. На сколько послѣдній есть олицетвореніе духовной жизни народа, на столько второй—самъ народъ, а первый: милостивый къ чехамъ самодержецъ. А внутри этого зданія есть почти все, чѣмъ изобилуетъ и можетъ похвастаться этотъ трудолюбивый народъ, кончая изобиліемъ народныхъ книгъ, древнихъ и новыхъ; а далѣе идетъ цѣлый рядъ энтографическихъ фигуръ, маннекеновъ, изъ всѣхъ замѣчательныхъ мѣстностей, въ разнообразнѣйшихъ національныхъ костюмахъ, представляющихъ живыя картины народной жизни, какъ она въ дѣйствительности есть. Кругомъ зданія еще множество отдѣловъ, павильоновъ, съ произведеніями всѣхъ отраслей, также не упущена археологія, постройки чеховъ въ Америкѣ и т. д. Выставка окупилась; народу перебывало множество; дѣтей привозили нарочно и показывали имъ національное дѣло со всею страстностію интереса. Пріѣзжали также славяне, цѣлыми партіями, которыхъ встрѣчали дружно. Разныя оваціи и манифестаціи, смѣняли другъ друга, среди порядка, при музыкѣ, съ гуситскими напѣвами, не исключая боевой пѣсни Жижки, при знаменахъ и хожденіи въ ногу, но ни разу не было замѣтно замѣшательства въ толпѣ, не было арестовъ, полиція наблюдала, не мѣшала и все прошло благополучно.

Русскіе пріѣзжали въ одиночку, ихъ было не мало изъ всѣхъ университетскихъ городовъ.

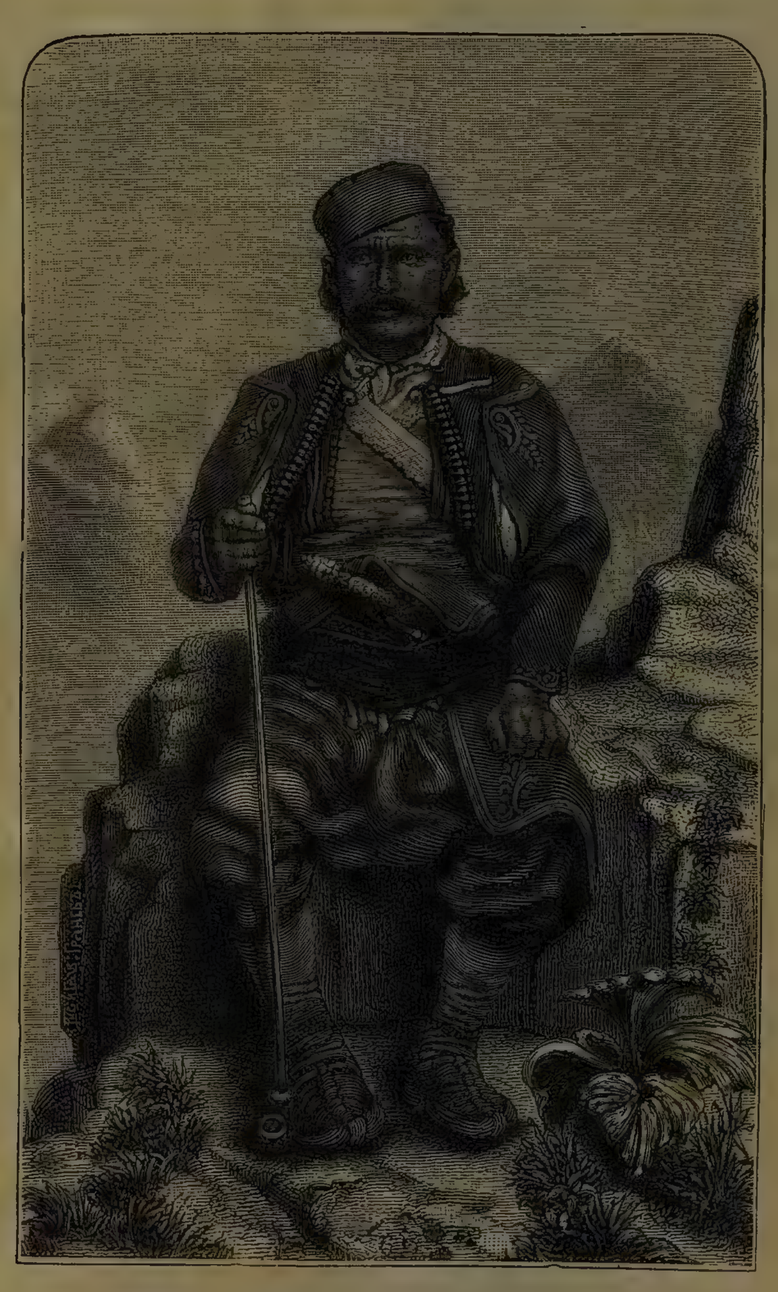
Не разъ говорилось между чехами, о невозможномъ поведеніи поляковъ въ Галиціи: о нерасположеніи къ венграмъ, которые гнутъ сла-

вянъ Угорской короны. А по отношенію къ Россіи, выражалось горячее желаніе, побывать въ 1896 году на Нижегородской выставкѣ и для этого устроить даже особый поѣздъ изъ Австро-Венгріи, для всѣхъ славянъ. Эта мысль очень полюбилась въ Прагѣ, надъ нею хлопочутъ и если она осуществится, то такое дѣло покажетъ славянамъ, что такое эта отдаленная, мало извѣстная имъ Россія и тогда узнавъ ее ближе, по жизни на Волгѣ, вѣроятно измѣнятся многіе взгляды. А вмѣстѣ съ тѣмъ поймутъ, что устроить такой уголокъ, какъ Чехія легче, чѣмъ привести въ порядокъ подобную Имперію, какъ Россія. Въ этомъ отношеніи есть только одно сближеніе: продолжительная борьба съ врагомъ, какъ той, такъ и другой а далѣе каждый пойметъ разницу, которая не подходитъ ни къ какому сравненію.

Кромѣ того, чехи теперь очень заняты глубокою думою, устроить всеславянскую выставку. Они могутъ успѣть въ этомъ, но гдѣ? Не будетъ ли этотъ вопросъ нѣкоторымъ камнемъ преткновенія? Во всякомъ случаѣ, ужъ одна эта мысль, наводитъ на многія другія и намъ остается сожалѣть, что починъ подобныхъ всемірныхъ затѣй, не нарождается и не созрѣваетъ въ головахъ нашихъ передовыхъ людей, а остается за плеядою даровитыхъ борцовъ въ Чехіи. Съ этими людьми, воздвигшими чудные національные монументы, устроившими невиданную во Славянствѣ выставку, умѣющими бороться, вести народное дѣло, можно идти впередъ, съ упованіемъ на лучшія времена, когда единый славянскій Хорсъ, снова начнетъ согрѣвать своими лучами всю единую славянскую землю.

Риттихъ.

Стоянъ Ковачевичъ, герцеговинскій юнакъ.

Черногорская война

(различные ея виды и способы воеванья) *).

III.

Четованье и гайдучество.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ черногорской войны мы видѣли, что починъ принадлежитъ туркамъ, которые, какъ сильнѣйшая сторона, нападаютъ на Черногорію, а черногорцы только защищаются на собственной территоріи и вступаютъ на турецкую, только преслѣдуя непріятеля. Въ четованьи, напротивъ, нападаютъ черногорцы и при этомъ заходятъ очень далеко въ глубь непріятельской страны. Турки нападали на Черногорію отъ времени до времени, и случалось, что проходило безъ войны два-три года; при томъ, проистекая изъ общаго стремленія Турціи покорить себѣ Черногорію или „поставить ее подъ *арач* (дань)", нападенія эти являлись слѣдствіемъ опредѣленныхъ поводовъ, напр. нападенія черногорскихъ четъ на турецкіе торговые и казенные караваны, убійства кого-либо изъ беговъ или вообще знатнаго турка и т. п. Четованье-же представляло собою явленіе постоянное, независящее ни отъ какихъ внѣшнихъ и случайныхъ причинъ или поводовъ. Оно представляло собою такое-же періодическое явленіе, какъ и времена года: начиналось обыкновенно съ юрьева-дня (23 апр.), а оканчивалось дмитровымъ днемъ (26 окт.), т.-е. отъ времени, когда лѣсъ одѣвается листомъ, до того времени, когда листъ начинаетъ опадать.

Четованье такъ глубоко вошло въ черногорскую народную жизнь, что сдѣлалось обычнымъ занятіемъ, какъ и другія занятія, распредѣляемыя по временамъ года. По опредѣленію г. Богишича, разница между войною и четованьемъ состоитъ въ томъ, что на войну всякій

---

*) См. Русск. Бесѣда 1895 г. Октябрь и Ноябрь.

долженъ идти для защиты своего отечества; а въ чету идетъ, кто хочетъ. Но, какъ увидимъ ниже, и четованье было обязательно для каждаго черногорца; тогда какъ и обязательность войны была только въ предѣлахъ одного племени, и случалось, что иныя племена отказывались воевать. Конечно, это осуждалось съ точки зрѣнія нравственной; слѣдовательно, и самая обязательность была нравственная; то *же* самое было и относительно четованья. Однимъ словомъ, провести границу между войною и четованьемъ по существу дѣла весьма трудно, тѣмъ болѣе, что и послѣднее направлено было только противъ непріятеля отечества, вѣчно грозившаго войною, и часто бывало причиною войны; чета разросталась иногда въ цѣлое войско и начатое ею дѣло заканчивалось большою битвою.

Четованье часто смѣшивается съ гайдучествомъ, которое собственно въ Черногоріи не имѣло почвы и потому развивалось только въ Турціи и другихъ государствахъ, овладѣвшихъ чужими землями и преслѣдовавшихъ чужую народность и вѣру, какъ напр. Венеція въ Далмаціи или Венгрія въ другихъ сербскихъ земляхъ. Тѣмъ не менѣе и въ народной пѣснѣ часто четники называются гайдуками, а предводители ихъ арамбашами (глава разбойниковъ), и гайдуцкая шайка называлась четой. Отождествляя однако то и другое въ названіи, народная же пѣсня дѣлаетъ между ними какое-то принципіальное различіе.

Такъ, въ одной пѣснѣ разсказывается, что два арамбаши: Вукъ Митюковичъ изъ Велестова и Вукота Балетичъ изъ Чева (по племени оба озриничи), отправившись въ четованье съ 33 товарищами, остановились у одного мѣста, гдѣ предстояло имъ выбрать путь *вучкій* (волчій) или *айдучкій*. Вукъ Митюковичъ—противъ гайдуцкаго пути и говоритъ Балетичу:

«*Продь се врага айдучкога трага;*	Не ходи ты гайдуцкой дорогой,
Но айдемо уз Ерцеговину».	А пойдемъ съ тобой въ Герцеговину.

Но Балетичъ боится отдалиться отъ своихъ овецъ, такъ какъ при нихъ остается только сынъ Раде, а ожидаютъ нападенія турокъ; и потому происходитъ раздѣленіе: Балетичъ пошелъ гайдуцкимъ путемъ и съ нимъ 7—8 человѣкъ; а Митюковичъ пошелъ въ Герцеговину съ остальными 25-ю. Изъ этого видно, что гайдуцкая чета всегда была меньшая числомъ и выполняла задачу меньшаго значенія, держась притомъ близкаго къ своему мѣсту предѣла; тогда какъ настоящая черногорская чета идетъ глубоко въ непріятельскій предѣлъ и готова встрѣтить цѣлое непріятельское войско. Названіе одного пути *волчьимъ* также показываетъ, что съ нимъ соединялось понятіе болѣе широкое и доблестное,

такъ какъ въ эпитетѣ *волка*, который часто дается людямъ въ видѣ похвалы, заключается тоже понятіе о смѣломъ и открытомъ образѣ дѣйствія; тогда какъ гайдукъ, не уступая, конечно, никому въ храбрости, всегда дѣйствуетъ скрытно и пробирается путями также болѣе скрытными и узкими.

Есть между ними и болѣе существенная разница. Черногорская чета составлялась изъ людей близкихъ между собою: одного племени или братства, часто ближайшихъ родственниковъ, соединенныхъ общимъ интересомъ, состоящимъ прежде всего въ обезпеченіи себя отъ нападенія турокъ или въ отмщеніи за какой бы то ни было ущербъ; и это было однимъ изъ главныхъ условій, такъ какъ каждая мѣстность имѣла свою чету. Черногорскій четникъ не былъ лишенъ своего отечества, какъ гайдукъ; онъ былъ человѣкъ семейный и домовитый и, если не былъ хорошимъ земледѣльцемъ, то былъ хорошимъ скотоводомъ. Въ четованьи онъ проводилъ извѣстное время и потомъ сидѣлъ дома.

Гайдуцкая-же шайка составлялась изъ личностей, собравшихся изъ различныхъ краевъ, часто предварительно не знавшихъ другъ друга. Ихъ не связывалъ никакой интересъ, кромѣ непримиримой ненависти къ притѣснителямъ своего отечества и личныхъ враговъ, которые лишили ихъ дома и заставили скитаться по бѣлому свѣту.

У черногорской четы цѣль составлялъ *шитъяръ*, т.-е. добыча, нажива на счетъ непріятеля; а бой служилъ только средствомъ для достиженія цѣли, доставляя въ тоже время случай показать свою ловкость и молодечество. У гайдуковъ-же, хотя добычею и обезпечивалось ихъ матеріальное существованіе, на первомъ планѣ была месть врагамъ, при томъ месть самая жестокая, не дававшая пощады ни полу, ни возрасту. Гайдуку мало того, чтобы уничтожить своего врага; ему нужно свою жертву намучить, хотя бы то было малое дитя, непричастное къ его страданью.

Въ черногорскихъ четникахъ не было личнаго ожесточенія противъ турокъ; и потому, совладавши съ своимъ непріятелемъ, его убиваютъ и отрубаютъ ему голову, не подвергая однако никакимъ мукамъ; а если захватываютъ въ плѣнъ, чтобы получить хорошій откупъ, то обходятся съ нимъ мягко, благодушно, какъ съ равнымъ и своимъ человѣкомъ. Женщинъ-же и дѣтей положительно не трогали, въ чемъ далеко не такъ великодушно поступали турки.

Внѣ четованья черногорцы съ турками *братимились* и заключали взаимные договоры, которымъ также чаще всего измѣняли турки; вступали они въ *шишано кумство* (постригъ маленькихъ дѣтей).

Нерѣдко случалось, что они пируютъ вмѣстѣ, при чемъ турки не брезгуютъ виномъ и *ракіей* (виноградная водка); а потомъ и побьются. Турки съ своей стороны также четовали противъ черногорцевъ, и ихъ сезонъ былъ другой, около Петрова-дня (29 іюня),

Док удари коса у сіено,	Когда косы станутъ рѣзать сѣно,
Похара се трава на планину,	А на горахъ трава уже потравлена,

т.-е., когда черногорцы выпасутъ свои пастбища на высокихъ горахъ и должны спуститься съ своимъ скотомъ внизъ, а низменности всѣ находились во владѣніи турокъ. То-же самое бывало и зимой, когда черногорцы прикочевывали со скотомъ на турецкую землю въ низинахъ, гдѣ не было снѣгу. Какъ тѣ, такъ и другіе, конечно, старались застать другъ друга врасплохъ; но турки никогда не углублялись такъ далеко въ Черногорію, какъ черногорцы въ ихъ земли. При томъ *калаузами* (указателями пути) турецкихъ четъ, а иногда и предводителями ихъ были всегда почти черногорскіе отступники.

Иногда чета черногорская и чета турецкая встрѣчались, и тогда, конечно, происходила схватка. Это были какіе-то турниры или *мейданы* (поединки), въ которыхъ нѣтъ мѣста чувству мести или озлобленія, а только сильное возбужденіе и одушевленіе, какъ въ какой-нибудь азартной соединенной съ большимъ рискомъ игрѣ, гдѣ ставится на ставку голова. Здѣсь рѣшается вопросъ, *ко је витез*, причемъ ведется счетъ побѣдамъ и отрубленнымъ головамъ. На этомъ основывалось такъ называемое *пребіянье*, т.-е. сверстка убитыхъ съ той и другой стороны, при чемъ, за неимѣніемъ счетовъ изъ ближайшаго времени и изъ своей собственной среды, относили счетъ на весьма отдаленныя времена. Такъ дробняки съ морачанами, однажды, отправились мстить за Бая Пивлянина, который жилъ и умеръ 200 лѣтъ назадъ.

Не входя болѣе въ формальное опредѣленіе четованья, мы смотримъ на него, какъ на явленіе народной жизни, возникшее и развившееся подъ вліяніемъ совокупности обстоятельствъ, среди которыхъ тогда находился черногорскій народъ. Тутъ дѣйствовали: прежде всего постоянно военное положеніе народа, затѣмъ отсутствіе власти, которая-бы упорядочивала эту жизнь и, наконецъ, имущественная нужда, помочь которой не было другого средства, какъ на счетъ своего вѣчнаго должника, непріятеля.

Но, какимъ-бы духомъ ни были проникнуты четы черногорскія, равно какъ и турецкія, ближайшею, матеріальною цѣлью ихъ было поживиться—одному на счетъ другого; слѣдовательно,—добыча, состоявшая

главнымъ образомъ въ скотѣ, а черногорцы пользовались при этомъ также богатымъ оружіемъ и одеждой турокъ.

Турецкія четы нападали на черногорцевъ только тогда, когда они со стадами удалялись отъ своихъ постоянныхъ пастбищъ и жили на такъ называемыхъ *катунахъ*—временныхъ пастбищахъ. Тутъ всѣ были *чобаны* (пастухи), которые такимъ образомъ являлись первыми жертвами нападеній и главными участниками во всѣхъ этихъ битвахъ. Поэтому весь кругъ относящихся къ нимъ пѣсенъ можно по справедливости назвать чобанскимъ.

Надобно замѣтить, что чобаны въ Черногоріи были лучшіе люди и въ прежнихъ условіяхъ черногорской жизни они представляли собою людей, такъ сказать, передовыхъ во всемъ. Поэтому исполнять обязанности чобановъ не стыдились и воеводы, сердари и др. народные главари, а въ семьѣ каждый ея членъ проходилъ эту ступень обязательно, какъ службу, которая въ то же время для маленькаго была повышеніемъ или вступленіемъ на службу. Жизнь черногорскаго чобана проходила насколько въ пастьбѣ скота и вообще въ уходѣ за нимъ, настолько—и даже больше—въ сбереженіи его отъ нападеній турокъ. Бродя со своими стадами по окраинамъ, всегда удаленнымъ отъ населенныхъ мѣстъ, и часто по турецкой землѣ, чобаны составляли для своего народа передовую стражу и въ каждомъ бою были не только соучастниками, но, такъ сказать, застрѣльщиками. Изъ нихъ же поэтому выходили и первые *четоводы* или *четобаши* (предводители четъ), дѣлавшіеся потомъ знаменитыми личностями.

Намъ остается еще сказать, изъ сколькихъ человѣкъ составлялась чета.

Между четой въ собственномъ смыслѣ и войскомъ трудно провести границу. Черногорія никогда не располагала опредѣленнымъ числомъ войска и иногда съ нѣсколькими сотнями принимала на себя удары нѣсколькихъ тысячъ. Поэтому и въ пѣснѣ названіе *чета* и *войско* мѣшается. Такъ одинъ черногорецъ пишетъ:

Покупи ми едну чету малу;	Собери мнѣ маленькую чету;
Не мой чету, но велику војску.	Нѣтъ, не чету, но большое войско.

И дѣйствительно, тогда собралось 1000 человѣкъ. Но въ другомъ случаѣ то же число представляетъ собою малое войско. Такъ въ одной пѣснѣ говорится, что съ сердаремъ Бошковичемъ Вуксаномъ изъ Мартиничей и острожскимъ игуменомъ Георгіемъ шло „Мало войско, хиляда пушаках“ (т. е. тысяча ружей). А М. Медаковичъ, при которомъ четованье еще было

въ ходу, говоритъ, что въ четѣ могло быть отъ 20 до 500 чел. [1]). Въ пѣсняхъ, относящихся къ событіямъ, болѣе отдаленнымъ, когда съ точностью число четниковъ неизвѣстно, говорится обыкновенно: „Подигла се една чета мала, оклен се е вазда подизала, чета мала од тридесет другахъ“ [2]). Это число и можно принять самымъ обычнымъ; но въ помощь ей могло прійти и цѣлое войско.

Перейдемъ теперь къ событіямъ изъ четницкой жизни.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ цѣлымъ кругомъ пѣсенъ и сказаній о четованьи; нѣтъ, кажется, черногорской семьи, въ которой не было бы хотя бы одного знаменитаго четника, особенно на окраинахъ. Намъ, однако, для того, чтобы ознакомиться съ главными чертами четницкой войны, нѣтъ необходимости распространяться обо всѣхъ ихъ, а достаточно прослѣдить четованье по нѣсколькимъ болѣе замѣчательнымъ личностямъ въ нѣсколькихъ событіяхъ.

Такими личностями являются два Томановича въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, съ однимъ изъ которыхъ, Никцемъ изъ Ровинъ, мы уже знакомы; а здѣсь начнемъ по старшинству съ дяди его Вука.

Вотъ одинъ случай изъ его жизни, которая вся прошла въ четованьи противъ турокъ или въ оборонѣ отъ ихъ четъ и нападеній.

Въ селѣ Ровинахъ (въ Малыхъ Цуцахъ) у Вука Томановича пируютъ два его побратима: Гавриловичъ Турчинъ (прозвище) и Радуловичъ Симо, оба съ Чева изъ племени Озриничей; Вукова жена ихъ угощаетъ. А когда они порядочно выпили вина и отъ вина повеселѣли (зауземъ тьефа), среди питья затѣяли разговоры. Говоритъ тутъ гайдукъ, Вукъ Томановичъ. „О во имя Бога, мои два побратима! Не въ прокъ то вино, что попили въ Ровинахъ, когда туркамъ всюду открыты дороги и по нимъ проходятъ ихъ караваны! На Рудинахъ стоятъ турки со стадами: а изъ насъ никто и не знаетъ“.

Изъ этого видно, что значеніе четъ состояло въ непрерывномъ нападеніи на турокъ, чтобы не давать имъ спокойно проходить по дорогамъ и проводить по нимъ караваны съ различнымъ товаромъ. Не можетъ Вукъ Томановичъ смотрѣть и на то, что турки со своими стадами спокойно разгуливали по Рудинамъ, которыя, надобно замѣтить, хоть и граничили съ Черногоріей, но принадлежали никшичанамъ, составляя ихъ планину. Обидно также Вуку, что объ нихъ, гайдукахъ, никто ничего не говоритъ, такъ какъ по черногорской пословицѣ: „Тешко вуку, за ким пси не лаю, и юнаку, за ким нема збора“ [3]).

---

[1]) Животъ и обичаи Церногораца, стр. 100—106.

[2]) Т. е.: «поднялася одна малая чета, откуда она всегда поднималась, малая чета изъ тридцати товарищей».

[3]) Т. е. «тяжко или плохо волку, за которымъ псы не лаютъ, а юнаку, т. е. доброму молодцу—о которомъ нѣтъ разговоровъ».

Пеко Павловичъ, Черногорскій воевода.

Были, однако, причины такого бездѣйствія со стороны черногорцевъ, на которыя и указываетъ Гавриловичъ Турчинъ:

„Поневолѣ, побратимъ мой милый! сильно вооружились турки и ихъ правители понастроили кулы; а въ кулахъ поставили пандуровъ, и стерегутъ они дорогу отъ черногорцевъ“.

За этимъ идетъ перечисленіе этихъ кулъ: въ Банянахъ на пути отъ Требинья, на Крестцѣ передъ Никшичемъ на пути изъ Гацка и Пивы; а на Рудинахъ двѣ, изъ которыхъ одна—„Омутич-паланка“; во всѣхъ нихъ по 40 и болѣе пандуровъ, и завѣдуютъ ими отборные *булюкбаши;* въ Омутич-паланкѣ сидитъ знаменитый Сефер-пиперъ изъ Никшича. „Всѣ они стерегутъ дороги къ Рудинамъ и никшицкихъ овецъ въ Рудинахъ“.

Такимъ образомъ съ этой стороны Черногорія оцѣплена рядомъ укрѣпленныхъ блокгаузовъ, которые могутъ держаться противъ всякой четы, а стража ихъ также можетъ услѣдить всякую чету.

Все это такъ; но Вукъ Томановичъ выслѣдилъ уже овецъ бега Любовича. „На верхнемъ полѣ Невесинскомъ тысяча барановъ отъ *беглука,* что ему райя доставляетъ въ видѣ дара. Легко могли бы ими поживиться, собравши сорокъ человѣкъ надежныхъ; а что намъ кулы и пандуры!“

Возраженій не было; сказано-сдѣлано. Черезъ день чета готова изъ цуцъ, бѣлицъ и чевлянъ и отправляется, раздѣлившись на три части: въ двухъ отрядахъ по 15 человѣкъ, а съ Вукомъ десятокъ.

Надобно замѣтить, что разстояніе тутъ не малое: по прямой линіи верстъ 80, а по горамъ будетъ и цѣлыхъ сто. Сколько они шли неизвѣстно, но пришли къ назначенному мѣсту прежде сумерекъ и потому спрятались, пока настанетъ ночь, да и отдохнуть нужно, собраться съ силами; а только смерклось, кинулись на чобановъ, которыхъ тутъ было 12 человѣкъ и всѣ вооруженные, ни одного изъ нихъ не убили, потому что всѣ они были христіане, только связали и бросили; а овецъ заняли и погнали.

За этимъ слѣдуетъ погоня (*поточ*). Бѣжать скоро съ такимъ большимъ стадомъ невозможно, и потому туркамъ было время собраться.

Въ погоню отправляется сынъ бега Любовича, Османъ-пашичъ, съ тремя стами

«Лака пѣшца и брза коньика,	Легкихъ пѣшихъ воиновъ и конныхъ,
По избору бирана юнака,	Самыхъ славныхъ молодцевъ отборныхъ,
А толико хрта и слѣдника	И не мало гончихъ и ищеекъ;
Отидоше потьерати Вука».	И помчались за Вукомъ въ погоню.

Погоня быстро приближается; разстояніе между ею и бѣгущими становится все меньше и меньше, такъ что ясно можно слышать, какъ

Стои вриска пѣшца и коньика,	Стоитъ гомонъ и пѣшихъ, и конныхъ
Стои штехта хорта и слѣдника.	Лай несется гончихъ и щеекъ.

Дойдя до Рудинъ, гдѣ было 100 пандуровъ, черногорцы раздѣлились: 20 съ добычею пошли впередъ, а 20 остались съ Вукомъ встрѣтить турокъ.

Ободряя свою дружину, Вукъ заключилъ обычною поговоркой: „Во всякомъ случаѣ когда-нибудь умереть нужно". Потомъ, размѣстивъ всѣхъ съ двухъ сторонъ долины, по которой должны были проходить турки, онъ дѣлаетъ такое распоряженіе:

«*Медъю собом турке упуштите,*	Пропустите турокъ въ середину,
Издалека кавге не чините».	Издали на нихъ не нападайте».
Сва дружина ньега послушала,	И дружина послушалась Вука,
Улегоше у лист и у траву.	Спряталась въ траву и за деревья.

За этимъ слѣдуетъ сцена въ ожиданіи вступленія непріятеля: „Всѣ смотрятъ одинъ на другого въ ожиданіи, кто откроетъ бой первый: Турчинъ (Гавриловичъ) смотритъ на Томановича Вука, Вукъ смотритъ на Никца, своего сына, Никацъ смотритъ на Радуловича Сима и т. д. послѣдніе „Вукъ изъ Бѣлицъ смотритъ на Сенича Живка, юнакъ Живко ни на кого не смотритъ", безъ прицѣла выпалилъ изъ своего джевердара. Сразу убили нѣсколько турокъ и затѣмъ: „Алабанда! завргла се кавга"— черногорцы ударили въ ножи, турки смутились и бѣжали. Османъ-пашичъ попался въ плѣнъ; продержавши его съ полгода, отпустили по письму боснійскаго вали за большой выкупъ.

Другой случай приведемъ, въ которомъ не черногорская чета идетъ на добычу въ Турцію, но обратно.

Турки, какъ уже замѣчено, имѣли свое время для нападенія на черногорцевъ.

Вотъ какъ договариваются они между собою:

«Причекай ме до петрова-дана,	Подожди меня до Петрова-дня,
Док удари коса у сіено,	Когда косы станутъ рѣзать сѣно
Похара-се трава у планину».	А на горахъ трава будетъ потравлена.

Въ это время скудныя пастбища черногорцевъ поистощатся, и они спускаются съ горъ внизъ и часто, по договору съ турками, на ихъ землю за извѣстное вознагражденіе сыромъ, масломъ или скотомъ.

Прежде всего они, конечно, разузнаютъ, гдѣ сколько скота и, главное, сколько пастуховъ и кто эти пастухи.

По словамъ пѣсни, вотъ какую картину рисуетъ одинъ турецкій лазутчикъ пославшему его Ибрагиму-пашѣ Парлеаковичу въ Спужѣ:

Колико е дола Ріечкога,
Свега су га струге притиснуле;
По долу се расшириле овце,
На овцама біяху чактари:
А чобаны бильегу гадьяю;
Ест оваца педесет стотинах
И хиляда коняхъ и воловах;
А чобанах стотина пушаках,
Све момчади ка' мрке вучади.

На просторѣ Ріецкой долины
Пастухи и стада размѣстились;
Вся долина овцами покрыта;
И пастухи ведутъ имъ счетъ
Пятьдесятъ, пожалуй, есть ихъ сотенъ,
Тысяча воловъ и быстрыхъ коней,
Пастуховъ съ ними сто ружей,
Молодцы, все какъ сѣрые волки.

Тутъ, значитъ, нечего и думать нападать.

Въ другомъ мѣстѣ „овецъ мало, а много чобановъ“, между которыми девять братьевъ Вукотичей, четыре Домазетовича, два брата Вулашевича—все озриничи. А туркамъ нужно, гдѣ „овецъ много, а мало чобановъ“. Наконецъ, удается *уходить* на Граховскомъ полѣ тридцать табуновъ.

При нихъ нѣтъ добраго юнака, кромѣ сокола Марковича Вука, изъ Трнинъ, села кроваваго (въ Малыхъ-Цуцахъ). И тотъ остался одинъ, пославши 30 пастуховъ на базаръ въ Рисань (Risano), „чтобъ купили вина и табаку, и патроновъ, юнацкаго продовольствія“. Тогда выбираются три добрыхъ юнака изъ Никшича — Хаджиманичъ-Дуро, Ходо-баряктаръ и Иванъ-Бабичъ, отступникъ изъ Пѣшивцевъ (въ Черногоріи), который берется имъ *калаузить*, т. е. идти впереди и указывать путь; съ собою ведутъ чету въ 300 человѣкъ. А въ это время къ Вуку Марковичу приходятъ еще два, тоже Вука, Томановичъ и Бояновичъ съ цѣлью пригласить его въ чету. Но Марковичъ по какому-то предчувствію не рѣшается, потому что некому остаться при овцахъ, и оставляетъ гостей у себя ночевать, пока воротятся чобаны.

Закололъ хозяинъ яловую овцу, изготовили ужинъ и угостились, чѣмъ Богъ послалъ.

«Вечераше три біесна Вука,
Па чибуке свое запалише,
Уз чибуке се збора задьедоше.
А све Вуци зборе за юнаштво:
Колико су главахъ одкинуше,
Колико су узели плѣновах;
Би л' на овце турци ударили,

Вотъ усѣлись три Вука за ужинъ,
И всѣ трое трубки запалили,
Курятъ трубки и ведутъ бесѣду.
Говорятъ они все о геройствѣ:
Сколько каждый головъ вражьихъ срѣзалъ,
Сколько плѣнниковъ привелъ съ собою;
И подумали еще три Вука:
Не напали-бъ на стадо ихъ Турки,

Кад би знали, ко е код овацах.	Коль узнаютъ, кто стеречь остался.
Рече соко Томановичъ Вуче:	Говоритъ Вукъ Томановичъ соколъ:
«Да Бог даде, оба побратима,	«Что Богъ дастъ намъ, мои побратимы,
Ако икда ктели ударити,	«Если турки напасть замышляютъ,
Ютрос ни се турци коясили».	«То на утро придутъ непремѣнно».
Мало продье, не би николико,	И проходитъ недолгое время—
Ударише на торину турци.	На торину набросились турки.

Три Вука скрылись въ ближнихъ скалахъ; а Ходо-баряктаръ, не видя никого, кинулся,

чтобы отворить торину. Въ то время раздается выстрѣлъ Вука Марковича:

И дивно е згодіо турчина,	Хорошо нацѣлился онъ въ турка,
На прси му токе оштетише,	Положилъ его выстрѣломъ сразу,
А на ледья срце истурише,	На груди перебилъ ему токи,
Мртав турчин стругу притворіо.	Черезъ спину выбилъ ему сердце;
	Мертвымъ турокъ упалъ на порогѣ.

Овецъ однако угоняютъ, а три Вука, скрываясь за скалами, идутъ за ними; а защищаетъ овецъ Иванъ Бабичъ. На него и кидается хозяинъ тѣхъ овецъ Вукъ Марковичъ:

Но га Иван гадья джефердаром:	Но Иванъ въ него выстрѣлилъ изъ джефердара.
Десну му е ногу саломіо.	Прострѣлилъ ему правую ногу.
Паде Вуче у траву на главу:	На траву Вукъ Марковичъ свалился:
А прискочи Бабичу Иване,	А Иванъ набросился на Вука,
Да Вукову посіече главу.	Хочетъ ему голову отрѣзать.
Но се Вуче сѣчи не даваше,	Защищается Вукъ, что есть силы,
На здраву се ногу придигао,	Приподнялся на ногѣ здоровой,
А упири свога джефердара,	На врага ружье свое направилъ
Те, погоди Бабича Ивана:	И попалъ онъ въ Бабича Ивана:
Обіе му ноге саломіо;	Перебилъ ему онъ обѣ ноги;
Паде Иван Бабичъ украй Вука.	И упалъ Иванъ на землю мертвымъ.
Кад погибе турска булюкбаша,	Какъ погибъ турецкій булюкбаша,
Сва се турска войска препанула.	Все турцкое войско испугалось.

Къ тому времени приспѣли тридцать чобановъ и погнали турокъ, а овецъ вернули назадъ.

Весело они возвращаются съ овцами и приходятъ на то мѣсто, гдѣ лежитъ раненый Вукъ Марковичъ, а близъ него мертвый Иванъ. Вукъ Томановичъ хотѣлъ было отрубить голову Ивану, но Марковичъ умоляетъ:

«Не, за Бога, Вуче побратиме!	«Нѣтъ, мой Вукъ, прошу тебя я Богомъ!
Доста си се главах посѣкао;	Много ты головъ отсѣкъ турецкихъ;
Но понесте мене на Ивана,	Поднесите вы меня къ Ивану

Да крвника посіечем главу,	Голову хочу срубить злодѣю,
Кои ми е крило саломіо».	Онъ сломалъ мнѣ правое колѣно».
Понесоше Вука рањенога,	Понесли пораненаго Вука,
Те посѣче главу Иванову.	И отсѣкъ онъ голову Ивану.

Послѣ того оба гостя отправились въ чету, а Марковича положили на носилки изъ ружей и понесли въ Рисань для излѣченья, и только за годъ онъ вылѣчился, давши за то лѣкарю два джефердара Бабича Ивана и Хода-баряктара.

Опет Вуче код оваца подье;	Вукъ пошелъ охранять овецъ снова;
Ма не може више четовати.	Но не можетъ онъ больше сражаться.

Неизвѣстно, когда сходитъ со сцены Вукъ Томановичъ, но послѣ его заступаетъ Никацъ изъ Ровинъ, котораго мы уже знаемъ по его дѣлу на Ублах-чевскихъ въ 1750 г. Пѣсня называетъ его сыномъ, а въ дѣйствительности онъ былъ племянникъ. Сынъ же его Живко сдѣлался отступникомъ, принялъ магометанство съ именемъ Каримана, вслѣдствіе тяжкаго оскорбленія, нанесеннаго ему въ Вельихъ-Цуцахъ, которымъ онъ послѣ мстилъ, водя на нихъ турецкія четы.

О Никцѣ ходитъ много сказаній, изъ которыхъ возьмемъ одно, представляющее встрѣчу двухъ четъ: черногорской и турецкой.

Собралась чета по обычаю въ 30 человѣкъ и *передъ нею* т. е. во главѣ, какъ предводители, два юнака: Никацъ изъ Ровинъ и Раде Балетичъ съ Чева.

Любопытны здѣсь подробности относительно похода четы:

Отидоше четом уз планину,	Вотъ идутъ они четою въ гору
Док на воду дошли Милетину;	И пришли на воду Милетину;
Ту уморна чета починула;	Отдохнуть здѣсь чета захотѣла;
Воде пила, хлѣба заложила	Воду пьетъ, а хлѣбомъ заѣдаетъ;
Осушила на ноге опанке	Осушила на ногахъ опанки,
И юначке струке и торбице.	И плащи, и промокшія торбы.

Когда наступила ночь, опять тронулись въ путь:

Притврдише на ноге опанке,	Завязали опанки покрѣпче,
Посріеда пушке дохватише,	И закинули ружья на плечи
Уз Рудине равне загазише.	Въ путь пустились по ровнымъ Рудинамъ.
Ночно прошли турске карауле,	Въ ночь прошли мимо стражи турецкой,
Освануше на сред од Рудинах.	И застало ихъ утро въ Рудинахъ.

Здѣсь уже турецкая область и нужно быть всякую минуту наготовѣ. Никацъ идетъ впереди на разстояніи „менѣе пистолетнаго выстрѣла“. За тѣмъ слѣдуетъ картинное описаніе самого Никца:

Ал' какав е Никац од Ровинах!
На нему су токе убоите,
Брци му се по нима просули,
А у руке носи джефердара,
А с пушком се Никац разговара:
«Джефердаре, мой уздани друже!
Ако мене додье до неволе,
Не мой мене ватром преварити!
Е ако ме ватром не превари,
Свак тье казат и мене, и тебе:
«Добре пушке у добра юнака!»
Ако-ли ме ватром изневѣри,
Нагрдитьеш и себе, и мене,
Свак тье речи и мени, и теби:
«Лоше пушке у лоша юнака!» [1])

Но каковъ былъ изъ Ровины Никацъ!
Какъ блестятъ на груди его токи,
Длинный усъ на токи упадаетъ,
Предъ собою ружье несетъ Никацъ,
И къ ружью обращается съ рѣчью:
«Эхъ ружье мое, вѣрный товарищъ!
Выручай, когда наступитъ время,
Не давай меня врагамъ въ обиду!
Ели ты ружье не промахнешься,
Всѣ тогда о насъ съ тобою скажутъ:
«По герою—славное оружье»!
А когда ты, ружье, промахнешься,
И себя, и меня опозоришь;
Всѣ тогда о насъ съ тобою скажутъ:
«Самъ онъ плохъ и ружье его плохо»!

Идутъ они съ цѣлью угнать скотъ у Асанъ аги Звиздича изъ его кулы на Крстцѣ въ Никшицкой-дугѣ (8 часовъ разстоянія отъ Никшича). Въ то же время тронулась турецкая чета отъ Никшича подъ предводительствомъ ихъ первыхъ юнаковъ Сефера-Пипера и Сукича-барактара.

Замѣтивши черногорскую чету и увидѣвъ, кто передъ нею, они притаились и дали черногорцамъ пройти впередъ, а между тѣмъ дали знать въ Никшичъ и поручили привести имъ еще войска „дьегодь надьеш злице и крвавца, а пред нима Шаба-баряктара“, чтобы напасть на обратномъ пути, у той-же Милетиной-воды:

Кад уморни додью црногорци,
На воду тье жедни окренути.
Ту ми турци западоше,
Западоше шесдесет турака:
По два друга око друма-пута,
На сред пута Сефере-Пипере,

Подойдутъ уставши Черногорцы,
Остановятся воды напиться.
Тутъ давно ихъ турки поджидаютъ,
Шестьдесятъ притаилось здѣсь турокъ:
По два турка около дороги,
Середи дороги Сеферъ-Пиперъ,

который долженъ былъ открыть бой выстрѣломъ въ Никца.

Какъ предполагали, такъ и сбылось: черногорская чета возвращалась со скотомъ, захваченнымъ изъ кулы Звиздича, и впереди Никацъ, котораго только и ждетъ Сеферъ-Пиперъ:

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ къ этому добавляется:

Ако здраво додьеш у Ровине
Стевень тью ти други направити,
А уз тебе од злата пасове;
Главу тью ти сребром оковати.

Какъ вернусь я счастливо въ Ровины,
Весь прикладъ тебѣ сдѣлаю новый,
На шнуркѣ повѣшу золоченомъ,
Въ серебро дуло твое оправлю.

Да га чека, чекати не смiе;	Ждетъ его онъ, дождаться не смѣетъ;
Нiе лако Никца дочекати!	Не легко было встрѣтиться съ Никцемъ.
И у страху пушку опалiо,	Въ страхѣ Пиперъ изъ ружья стрѣляетъ
Те е Никцу раном обранiо,	И поранилъ удалаго Никца,
Саломи му ногу у колѣно;	Прострѣлилъ ему ногу въ колѣнѣ
Паде Никац насред друма пута.	И свалился Никацъ на дорогу.

Тутъ началась общая свалка:

Турци вичу Муя и Алiю;	Стали турки аллаху молиться,
Црногорци блажену Марiю.	Призываютъ Муя и Алiю,
Дье допире блажена Марiя,	Черногорцы—Святую Марiю.
Не помаже Муе, ни Алiя.	А когда помолишься Марiи,
	Не поможетъ Муя и Алiя;

Турки начали уже отступать;

Но Бог уби друга найгрдьега	Накажи Господь подлаго труса
Из Ровинах Вучу Ресковича!	Изъ Ровины Вучу Ресковича!

который закричалъ, что идетъ большое войско отъ Грахова.

Вступать въ бой съ новымъ войскомъ, конечно, было невозможно, и какъ ни храбры черногорцы, а тутъ струсили и бѣжали, бросивши добычу, и захватили съ собою только своихъ раненыхъ Никца и Жутка Липлянина и мертваго Живка изъ Залютья.

Какъ былъ Никацъ раненъ, мы видѣли, но и Сефера-Пипера тутъ же убилъ Раде Балетичъ; а въ то же время Шабо-барьяктаръ кинулся на Никца съ ножомъ, чтобы отрубить ему голову, но раненый убилъ его выстрѣломъ изъ пистолета, только Сукичъ-барьяктаръ безнаказанно убилъ Живка изъ Залютья. Мы пропускаемъ подробности описанiя, какимъ образомъ черногорцы угнали скотъ, перелѣзши черезъ каменную высокую стѣну и отворивши ворота.

Это черногорцы продѣлывали часто. Иногда три человѣка такимъ образомъ забирались во дворъ и угоняли всю скотину. Этому отчасти помогала турецкая безпечность и гаремная жизнь, располагающая къ нѣгѣ. Сонъ турка, полагающагося на твердость и неприступность его кулы, бываетъ такъ крѣпокъ, что черногорскiй гайдукъ забирается въ его внутреннiе покои, снимаетъ со стѣны все его оружiе, переодѣвается въ его платье и уходитъ благополучно. Иногда впрочемъ и пробудившись онъ не смѣетъ шевельнуться, такъ какъ не имѣетъ черногорскаго обычая спать, не раздѣваясь и не снимая съ себя оружiя.

Послѣ описаннаго случая Никацъ вылѣчился отъ раны и опять мы видимъ его на излюбленныхъ имъ Изворахъ только со своими юными сыновьями Богданомъ и Вукайломъ да вѣрнымъ псомъ Гаровомъ. Тутъ его нашла и смерть.

Хотя онъ сидѣлъ на Изворахъ, договорившись впередъ съ турками, но все-таки имъ не вѣрилъ и берегся. Цѣлую ночь онъ просиживалъ на какой-нибудь вершинѣ, не выпуская изъ рукъ джефердара, зорко ко всему присматриваясь и ко всему прислушиваясь, и только днемъ ложился спать, передавая стражу дѣтямъ. Однажды онъ, просидѣвши такъ всю ночь, утромъ захотѣлъ спать.

Тада Никцу санак одоліо—говоритъ пѣсня:
Ние санак, него судни данак.

Тогда Никца сонъ одолѣлъ
То былъ для него не сонъ, но судный день.

Прилегъ онъ въ *плужинѣ* (маленькій шалашикъ, въ родѣ собачьей конуры, при стадѣ); какъ вдругъ залаяли собаки. Полагая, что это волки напали на овецъ, онъ выскочилъ съ джефердаромъ въ рукѣ; но увидѣлъ, что его окружили турки, и на него прямо бѣжалъ Якшаръ Бабичъ, который его и выслѣдилъ. „Ты-ли, старый Никацъ"? крикнулъ Якшаръ; а Никацъ, узнавши его голосъ, отвѣчаетъ:

«Эво Никца, турски булюкбашо!
Дье е біо, он се ніе кріо».
Трчи они едан пут другога,
Сретоше се у біеле овце;
Еданак им пукли джефердари,
Оба мертви пали медью овец.

«Вотъ онъ—Никацъ, турецкій разбойникъ!
Гдѣ-бъ онъ нибылъ, ни когда онъ не прятался».
И напали они другъ на друга,
Стали биться средь бѣлаго стада;
Въ одно время выстрѣлы раздались,
Средь овецъ оба мертвыми пали.

Такъ окончилась жизнь этого пастуха-воина, вся посвященная борьбѣ съ турками, которыхъ онъ убивалъ всюду: приходили ли они въ Черногорію и на его торины, или бродили со своими стадами на своихъ планинахъ, или безпечно спали въ своихъ гаремахъ, полагаясь на неприступность своихъ укрѣпленныхъ жилищъ и на бдительность всюду разставленныхъ пандуровъ. То онъ пастухъ и четникъ, то предводитель войска цѣлаго края, какъ главарь, чѣмъ онъ, однако, номинально не былъ, да и не хотѣлъ быть, потому что и безъ главарства его слушались въ краѣ. Такъ относились къ нему и турки. Однажды собралось турецкое войско подъ предводительствомъ какого-то *аги* и, взявши харачъ въ Вельихъ Цуцахъ, пришло затѣмъ же и въ Малыя. И зная, что вся сила въ Никцѣ, ага съ 30-ю отборными молодцами пришелъ къ нему въ домъ. Выслушавъ требованіе аги, Никацъ стрѣляетъ въ него изъ пистолета; но пистолетъ осѣкся и ага тотчасъ схватился за джефердаръ. Тогда Никацъ, нисколько не растерявшись, а спокойно и полушутливо, замѣчаетъ: „Эхъ, турчинъ! если ты испугался незаряженнаго пистолета, то что было бы съ тобой, еслибъ онъ былъ зарядженъ"?!. Турчину, стало стыдно: онъ опустилъ ружье и сталъ важничать (*зорити се*). Тогда Ни-

кацъ стрѣляетъ въ другой разъ и ужъ безъ осѣчки. Началась свалка и турки были прогнаны.

Какое невозмутимое спокойствіе и какая находчивость!

Не бывши никакимъ главаремъ и называясь часто гайдукомъ и арамбашей, онъ не имѣлъ никакого богатства, кромѣ овецъ, которыхъ самъ пасъ и стерегъ съ двоими сыновьями да съ вѣрнымъ псомъ *Гаровомъ*, который, оберегая хозяина, и погибъ отъ турецкаго выстрѣла. Не упоминается нигдѣ, чтобы онъ имѣлъ коня и гарцовалъ бы на немъ, только разъ везли его на лошади, когда былъ раненъ; онъ всюду былъ, какъ говорятъ черногорцы, „пѣшкѣ на опанке“. Все его богатство состояло въ блестящихъ токахъ и оружіи, которое, какъ мы видѣли, служило и для расплаты съ лѣкарями.

Такихъ было не одинъ Никацъ, и на этихъ людяхъ безъ важнаго званія и держалась свобода Черногоріи, ими же красится ея исторія.

Всякій булюкбаша, какъ предводитель четы, былъ для нея все: онъ ее велъ, потому что зналъ мѣстность, какъ никто, „знаде кланце и богазе у поночи, као у сред дана“; сообразно съ тѣмъ онъ назначалъ, гдѣ кому стать и кому начать бой: онъ же исполнялъ роль *уходы* (лазутчика, развѣдчика), что вовсе не подобало бы ему, какъ предводителю. Но дѣло въ томъ, что тутъ роли исполнялись не по положенію, какое кто занимаетъ, а по способности и призванію, и между всѣми четниками было полнѣйшее равенство.

Добыча дѣлилась на всѣхъ одинаково, только предводителю давалось нѣчто большее, и называлось *старѣйшинство*: обыкновенно что-нибудь изъ оружія, а иногда конь, кому онъ былъ нуженъ; дѣлили при томъ и на мертвыхъ, какъ на живыхъ, передавая ихъ части семьѣ.

Повиновеніе четы своему четобашѣ было полнѣйшее, проистекавшее при томъ изъ глубокаго убѣжденія, что всѣ его распоряженія непогрѣшимы и потому должны быть выполнены. Къ нѣкоторымъ четобашамъ было какое-то суевѣрное почтеніе; считали, что они состоятъ въ общеніи съ *вилами*, и потому всякій шелъ съ ними съ увѣренностью, что не погибнетъ.

Служа своей четѣ примѣромъ военной доблести и морали, эти люди были очень скромны, и всегда глубоко вѣрующіе и преданные Церкви. Передъ какимъ-нибудь особенно важнымъ дѣломъ они брали благословеніе монаха, и иногда исповѣдывались, дѣлали завѣты церкви, которую никогда не забывали своими приношеніями. Послѣ удачно исполненнаго дѣла служили благодарственный молебенъ въ церкви.

Таковы были и всѣ четники. Находясь въ полной послушности своему четобашѣ, они между собою держались истинно по-братски, тѣмъ

болѣе, что многіе были родня между собою. Дѣля все вмѣстѣ, какъ добычу, такъ и славу, зная, что одинъ безъ другого не можетъ, они всегда были готовы другъ другу на выручку и всякую помощь, не питая никакой зависти и не стараясь отличиться, такъ какъ всякій исполнялъ свое дѣло и свой долгъ.

Это было не то, что у турокъ, гдѣ искали людей,

Кои нема кутье, ни баштине,
Кои нема тора, ни обора,
Ни другога блага, не имутья,
До сим струке и оружья сяйна.

У которыхъ ни дома, ни сада,
Ни кола, ни двора, ни скотины,
Никакого имущества въ домѣ,
Лишь одно блестящее оружье.

Или, какъ скадарскій паша Бушатлія, даетъ хасану-пашѣ 6,000 войска,

Арбанаса, убойника люта,
Безпутьника и безобразника,
Од зла оца и од горе майке и т. д.

Арбанасовъ[1]), разбойниковъ страшныхъ,
Безобразныхъ людей и безпутныхъ
Отъ злого отца и злой матери.

При томъ *калаузами* (путеводителями) и даже предводителями служили всегда почти черногорскіе измѣнники. У черногорцевъ, напротивъ, всѣ четники были люди, имѣвшіе свой домъ и семью, которыми они жертвовали долгу передъ ихъ родиной. Отъ перваго до послѣдняго въ этомъ войскѣ зналось, кто онъ и какого рода, потому что „скитачина поштенья нема", а честное имя было первымъ условіемъ добраго воина. О настоящемъ юнакѣ говорилось:

Юнаштва му у хиляду нема,
Ни людскаго збора, ни разума.

Не найти изъ тысячи такого героя,
Чтобъ такой же былъ мудрый и славный.

Въ старое время въ Черногоріи, особенно на окраинахъ, не было ни одного человѣка, если онъ не былъ какой нибудь уродъ или калѣка, который бы не ходилъ въ чету, и начиналось это очень рано. Отецъ водилъ съ собою въ чету сына; а если не могъ самъ, то поручалъ его другимъ, при чемъ давалъ ему такое напутствіе: „Если получишь рану сзади, то лучше, чтобъ домъ твой никогда тебя не видалъ". Напутствіе это, однако, бывало излишне.

Такіе новички обыкновенно храбры черезчуръ и нисколько не крылись отъ пуль, вслѣдствіе чего старшіе бросали въ такого камнями, давая тѣмъ знать, чтобъ онъ присѣлъ и скрылся. Иной и самъ уходилъ въ чету, не спрашиваясь у родителей, если представлялся тому случай, а на позволеніе родителей не могъ вѣрно разсчитывать. Такимъ образомъ начинали ходить въ четы иногда 14-ти лѣтніе мальчики. По

[1]) Арбанасы—албанцы.

первому же дѣлу составлялась о немъ слава, съ какою онъ вступалъ въ боевую жизнь и съ которою онъ оканчивалъ свою жизнь.

Вотъ примѣръ такого юноши, которому привелось имѣть дѣло одинъ на одинъ съ туркомъ, извѣстнымъ уже своею храбростью и опытностью.

Па ми треѣо момче искочило	И тогда третій юноша вышелъ,
Од малога братства Колезиѣах,	Изъ Колезичей-племени родомъ,
А па име Радовиѣ Новица.	По имени Радовичъ Новица.
А какав је, весела му мајка!	И каковъ онъ собой уродился!
Науснициа нема, ни бркова,	Нѣтъ усовъ у него и въ поминѣ,
Нема њему до шеснаест љетах;	И шестнадцати лѣтъ не минуло;
Вељу пушку у бој не понио,	Онъ не взялъ ружья съ собой большого,
Осим једну малу за појасом.	А всего пистолетъ свой любимый.
Он на љуту змију нагазио,	И пошелъ на врага съ пистолетомъ,
На турчина Малијѣа ѣехају,	На змѣю турецкую—Малійча,
Буљукбашу од све Тосканије.	Булюкбашу всей земли Тосканской.
Он турчину загон учинио;	Новица набросился на Турка;
Но га Малиѣ сабљом дочекао,	Но на саблю Малійчъ его встрѣтилъ
На Новицу вранца паѣерао.	И коня разогналъ воронаго.
Но се момче листо намјерило,	Изогнулся Новица змѣею,
Уви му се под коњем витезом,	За коня турецкаго прикрылся,
Те му турчин не посјече главу;	Чтобъ не могъ его Турокъ ударить;
Сину момче, као змија љута!	А потомъ вдругъ выпрямился снова,
Уграби му иза сабље руку,	Изъ руки врага выхватилъ саблю,
А низ хата нагнуо ѣехају;	А его самого опрокинулъ;
А упири своју пушку малу,	И направилъ пистолетъ свой малый,
Те Малијѣа погодио дивно,	Прямо въ лобъ намѣтился онъ турку,
Саломи му чело под саруком	Прострѣлилъ ему лобъ подъ чалмою,
Паде Малиѣ вранца дебелога,	И упалъ тогда Малійчъ на землю,
Новица му сабљу уграбио	А Новица поднялъ его саблю
И с њом му је главу одкинуо.	И отсѣкъ ею голову турку.
(С. О. LVII, 230—258).	

Съ какою любовью и какъ картинно изображаетъ его пѣсня!

За то черногорецъ, до 20 лѣтъ не ходившій въ чету, былъ презираемъ своими сверстниками; съ нимъ не стала бы говорить хорошая дѣвушка, какъ бы онъ ни былъ красивъ или богатъ. Такимъ образомъ школа эта являлась обязательною и уклоненіе отъ нея приравнивалась къ измѣнѣ отечеству. Молодежь здѣсь дѣйствительно воспитывалась духомъ и тѣломъ: она пріучалась къ самопожертвованію и презрѣнію опасностей жизни, къ перенесенію труда и разнаго рода физическихъ лишеній; научаясь, какъ лучше поразить непріятеля и спасти себя, вырабатывала въ себѣ спеціально военные инстинкты; но въ то же время въ ней не заглушалось чувство человѣчности, а напротивъ еще возвы-

шалось тѣмъ, что тутъ не было мѣста суетности и своекорыстію, а все дѣлалось сообща и во имя идеи „за крст часни и слободу“. Рядомъ съ этимъ развивалось важное въ военномъ отношеніи качество—безусловное повиновеніе. Откуда и укоренилась пословица: „у младьега поговора нема“. Когда открывалась настоящая война и собиралось большое войско, четы, составляющіяся всегда изъ людей близкихъ, изъ одного братства или рода, имѣли значеніе отдѣльныхъ частей, управляемыхъ своими старѣйшинами, которымъ нужно было указать цѣль и задачу, и они исполняли ее безъ дальнѣйшей команды по своему разумѣнію. Но передъ тѣмъ непремѣнно происходило совѣщаніе, на которомъ по общему соглашенію вырабатывался планъ дѣйствій, какъ общаго, такъ и для отдѣльныхъ частей, кому куда итти и что дѣлать. Какъ только начинался бой, команда прекращалась и каждая часть, каждая, можно сказать, единица выполняла свое дѣло самостоятельно.

Кромѣ этихъ предпріятій, совершаемыхъ „пѣшке на опанке“, черногорское племя цеклиняне четовали и на лодкахъ, которыя въ обыкновенное время служили имъ для перевозки тяжестей и для рыбной ловли.

Самое крупное предпріятіе цеклинянъ представляетъ взятіе турецской крѣпости Жабляка въ 1835 г., горстью отчаянныхъ головъ изъ 12 человѣкъ, завершившееся, однако, потомъ столкновеніемъ двухъ войскъ. Онъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней находился совершенно въ рукахъ черногорцевъ; но былъ уступленъ обратно туркамъ по приказанію тогдашняго владыки Петра II, и по настоянію иностранныхъ консуловъ и особенно русскаго, изъ опасенія, чтобы это не повело къ большой войнѣ съ Турціей.

Крѣпость Жаблякъ стоитъ на скалистомъ холмѣ, на отлогомъ спускѣ котораго, къ востоку, находилось довольно значительное турецкое поселеніе; а къ черногорской сторонѣ онъ спускается отвѣсными скалами, что и обезпечивало его отъ черногорскихъ нападеній.

Въ крѣпости находилась постоянная стража подъ командою диздара (коменданта) Якубъ-аги и при томъ было всегда наготовѣ три пушки. Нѣсколько отчаянныхъ головъ цеклинянъ вздумали овладѣть крѣпостью. Но какъ подняться туда? Нашлась возможность смѣрить ея высоту.

Въ крѣпость къ женѣ Юсуфа-аги, диздарева брата, приходила одна цеклинская женщина, чтобы продать кое-что. Въ одно изъ посѣщеній она повела рѣчь о томъ, какой градъ выше — Жаблякъ или Рѣцкій. Жена Юсуфа-аги спустила изъ окна клубокъ съ нитками и, взявъ такимъ образомъ мѣру высоты Жабляка, дала ее цеклинянкѣ, чтобы прикинуть её къ Рѣцкому граду на Ободѣ.

По этой мѣрѣ цеклиняне срубили самую высокую, какую только могли найти, осину и сдѣлали изъ нея лѣстницу т. е. зарубки на ней.

Такимъ образомъ планъ былъ готовъ, а для выполненія его отобралось 12 чел. подъ предводительствомъ Кеня Станкова, и отправились въ лодкѣ, конечно, ночью. Дѣлая лѣстницу, они не сообразили, что мѣра взята по вертикальному направленію; когда-же, приставляя её, дали нѣсколько наклонное положеніе, высота ея оказалась недостаточною. Но дѣлать было нечего, Кéнё полѣзъ первый. Добравшись до конца лѣстницы, онъ какъ-то приподнялся еще немного и ухватился за жерло торчавшей въ амбразурѣ пушки, а потомъ взобрался и на самую стѣну. Оттуда онъ спустилъ поясъ, пò которому поднялись и остальные. Когда всѣ вошли, онъ лѣстницу столкнулъ; такъ что возврата уже не было. Тихо пробрались они до воротъ; связали стражу и бывшаго близъ нея Юсуфа-агу, а затѣмъ и самаго диздара Якуба-агу. Все это, однако, не могло произойти безъ шума, на который поднялся весь городъ. Турки кинулись было въ крѣпость на выручку плѣнниковъ; но черногорцы, заваливъ ворота камнями, размѣстились такъ, что отъ ихъ выстрѣловъ нельзя было подойти близко, а иные не могли даже выйти изъ своихъ домовъ, не рискуя тотчасъ погибнуть. Такъ прошелъ первый день и второй день до вечера; а тогда собралось уже большое войско отъ Подгорицы и сосѣднихъ арнаутскихъ племенъ. Между тѣмъ и къ черногорцамъ подоспѣлъ Вукъ Лѣшевичъ изъ с. Рвашей съ 200 воиновъ (онъ погибъ въ 1840 г. подъ Додошами). Эти 200 чел. вошли въ крѣпость, присоединились къ своимъ, и оборона была обезпечена. По мѣрѣ того какъ прибывало турецкое войско, собирались и черногорцы. Нападеніе турокъ было окончательно отбито; но, какъ мы уже говорили, по распоряженію владыки, Жаблякъ былъ опять имъ возвращенъ, и черногорцы удовлетворились только славой и трофеями, въ числѣ которыхъ находились и двѣ пушки. Пушкамъ этимъ даны были имена *крня* и *зеленко*, и на одной изъ нихъ вырѣзана слѣдующая надпись, сочиненная владыкой:

Црногорци кад оно витешки	Когда Жаблякъ, турецкую крѣпость,
Жабляк тврди турски похараше;	Черногорцы храбрые плѣнили,
Онда мене старца заробише.	Меня, старца, въ плѣнъ съ собою взяли,
На Цетинье србско донесоше [1])	Принесли на сербское Цетинье.
10 марта 1835.	

[1]) Еще прежде черногорцы унесли пушку и изъ Спужскаго-града, не смотря на его еще большую неприступность, чѣмъ Жаблякъ. И её владыка тоже снабдилъ надписью:

Јунаштво те Вида и Мирчете	Храбростію Вида и Мирчеты
И нихове гласовите чете	И ихъ смѣлой знаменитой четы
Са тврдого Спужа уграбише,	Ты захвачена въ крѣпости Спужѣ
Црној-Гори тебе донесоше.	И въ Цетиньѣ стоишь Черногорскомъ.
24 марта 1833.	

Брали черногорцы Жаблякъ и въ другой разъ при кн. Даніилѣ и также взбирались по лѣстницѣ; но тогда было 130 человѣкъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать вообще объ набѣгахъ, которые они совершали на лодкахъ по всему Скадарскому озеру, при чемъ жгли и грабили турецкія села, лежащія на берегахъ по ту и по другую сторону; захватывали скотъ и увозили, не вызывая погони за собою; если же бывала погоня, то они очень ловко отстрѣливались. Дерзость этихъ смѣльчаковъ доходила до того, что они подъѣзжали къ самому Скадру и захватывали скотъ какъ разъ на лугу между городомъ и озеромъ. Точно также свободно они разъѣзжали и по Хумскому-блату. По середамъ, когда въ Скадрѣ бываетъ самый большой базаръ, они подстерегали турокъ, возвращавшихся оттуда съ большими покупками, и грабили. Иногда собиралось до 10 лодокъ, а то по 3—5. Въ лодкѣ обыкновенно было 24 чел., изъ которыхъ 9—12 были на веслахъ, а остальные отстрѣливались. При обстрѣливаніи со стороны турокъ главною цѣлью былъ кормчій; поэтому рядомъ съ нимъ всегда находился одинъ на готовѣ, чтобы его замѣнить; а иначе съ потерею кормчаго лодка тотчасъ измѣняла направленіе, становилась поперекъ, давая непріятелю возможность обстрѣливать съ боку, имѣя такимъ образомъ болѣе широкую цѣль; въ то же время задерживался ходъ и нарушался порядокъ по отношенію къ другимъ лодкамъ. Если рѣшались сдѣлать прямое нападеніе на непріятельскія лодки, то они свои лодки сбивали въ кучу (у грун) и ударъ былъ неотразимый. Набѣгамъ этимъ не могли препятствовать и укрѣпленія, сдѣланныя съ тою цѣлью на Вранинѣ и маленькомъ островкѣ Лесендрѣ; такъ какъ цеклиняне проходили эти мѣста ночью. Заведенные въ послѣднее время Турціей два-три парохода, довольно плохой конструкціи, не могли догонять цеклинскихъ лодокъ, которыя, кромѣ того, проходили тамъ, гдѣ пароходъ пройти не могъ.

Однажды, въ позднѣйшее время, турецкій пароходъ, пользуясь большою водой, вошелъ въ устья р. Морачи до рукава Кӯріоштицы и тамъ остановился, чтобы оттуда доставить провіантъ прямо въ Жаблякъ. На рѣкѣ-же прошелъ слухъ, что пароходъ этотъ пришелъ съ большимъ провіантомъ и сталъ на мели, на основаніи чего явилась мысль овладѣть имъ. Главари вполнѣ понимали невѣрность слуха и невозможность овладѣть пароходомъ; но народъ разсуждалъ по своему. И вотъ собралось и отправилось туда болѣе 20 цеклинскихъ лодокъ.

Какъ только они приблизились, съ парохода начали стрѣлять по нимъ изъ ружей и пушекъ. Большая часть лодокъ воротилась, но 3 или 4 подошли вплоть къ пароходу. Тогда въ нихъ стали бросать разрывныя бомбы съ зажженными фитилями и пускать струи горячей воды

изъ парового котла; а въ то же время одинъ стоялъ у порохового магазина съ двумя револьверами, чтобы въ крайности все взорвать. Но дѣло до того не дошло, хотя иные уже хватались за бортъ парохода. Цеклиняне удалились, потерявъ 7 или 8 чел. мертвыми, и около 80 чел. было ранено.

Въ 1861 г. цеклиняне со своимъ сердаремъ Савою Іовичевичемъ съ помощью своей флотиліи сдѣлали нападеніе на турецкія укрѣпленія на Вранинѣ: разоривши, что было подъ силу, они убили 130 чел. изъ турецкаго низама; а главный ихъ комендантъ Османъ-Кука, не хотѣвшій предаться, затворился съ нѣсколькими въ кулу и тамъ сгорѣлъ. Затѣмъ былъ знаменитый бой въ Криницахъ (въ Крапнѣ), въ которомъ взяты были въ плѣнъ главные турецкіе вожди Асанъ-хотъ и Мурто съ 300 простыхъ воиновъ, которые всѣ со связанными руками приведены были на Цетинье (послѣ, конечно, всѣ отпущены). А въ слѣдующемъ году отнято у турокъ с. Понары, находящееся какъ разъ за Жаблякомъ.

Въ послѣднюю войну эта флотилія оказала очень важную услугу, провезя пушки со всѣмъ количествомъ боевыхъ припасовъ и съ значительнымъ числомъ войска какъ разъ мимо вооруженной сильною артиллеріей Лессендры для осады Бара (1878 г.). Въ послѣдній разъ на 50 лодкахъ провезено было войско съ двумя пушками для занятія Крапны. Цеклиняне со своими ладьями всегда были грозою турокъ въ краяхъ, прилегающихъ къ озеру, и изъ исторіи этой непрерывной войны на водѣ могла-бы составиться цѣлая эпопея.

Сербскій *хайдук* или *айдук* и болгарскій *хайдутин*, у грековъ *клефтъ* одно и то же; иногда онъ называется *арамія*, а предводитель ихъ *арамбаша*. Это, какъ мы видѣли, тотъ же черногорскій четникъ, только насиліемъ притѣснителей своего народа лишенный родины и родного крова и всю жизнь свою посвящающій мщенію за себя и свой народъ. Собственно въ Черногоріи, какъ мы уже сказали, не было почвы для гайдучества; оно было только въ странахъ, гдѣ было порабощеніе цѣлаго народа, какъ въ Греціи, Болгаріи, Старой-Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ и въ прежнее время въ Шумадіи, нынѣшнемъ королевствѣ Сербіи. Объ этихъ гайдукахъ говорится много у всѣхъ путешественниковъ по тѣмъ странамъ, начиная съ первыхъ европейскихъ посланниковъ въ Турціи, державшихъ путь черезъ Балканскій полуостровъ до Константинополя. Спеціальное сочиненіе объ нихъ на нѣмецкомъ языкѣ Розена, а на русскомъ прекрасная статья А. Н. Пыпина: Герцеговинскіе гайдуки сто лѣтъ назадъ (Вѣстн. Евр. 1877 г., іюль, стр. 712—

746), въ которой безъ большихъ подробностей дается понятіе о происхожденіи гайдучества и его характерѣ; а тамъ же помѣщенная жизнь знаменитаго гайдука Станислава Сочевицы (перев. изъ соч. Ловрича—Osservazioni и т. д.) даетъ намъ живую картину, такъ сказать, in concreto [1]).

Въ Черногоріи же если и были гайдуки, которые ходили въ одиночку далеко въ глубь Герцеговины и Босніи, то это были скорѣе искатели приключеній, удальцы, которымъ не сидѣлось дома, или же ихъ призывали сербы тѣхъ краевъ для наказанія какого нибудь жестокаго угнетателя ихъ, аги или бега, а иногда и паши. Такъ, говорятъ, что Вукъ Мандушичъ изъ Велестова нѣсколько лѣтъ гайдуковалъ въ Котарахъ (въ Далмаціи); а другіе напротивъ, утверждаютъ, что то былъ одноименникъ. Въ селѣ Косіерахъ (Рѣцкой нахіи) есть разсказъ, что оттуда изъ-подъ планины ихъ Дебеляка вышелъ родоначальникъ сербскихъ гайдуковъ Новакъ Дебеличъ представляетъ собою личность историческую изъ XVI в. и извѣстно, что родина его въ Старой-Сербіи, а главнымъ пріютомъ ему служила планина Романіе, лежащая на цареградской дорогѣ отъ Сараева черезъ Старую-Сербію; Косіеры же присвоили его себѣ по тождеству его прозвища съ ихъ планиной и усвоили существующую объ немъ легенду.

Въ началѣ текущаго столѣтія гайдуковалъ въ сосѣднихъ съ Черногоріей герцеговинскихъ краяхъ чевлянинъ Голубь Петровъ, о которомъ существуетъ много разсказовъ. Въ Цермницѣ въ с. Подгори существуетъ цѣлый родъ, носящій прозвище Гайдуковичей, вслѣдствіе того что предокъ ихъ гайдуковалъ главнымъ образомъ въ сосѣдней турецкой части Приморья; а иногда обращалъ оружіе и противъ сосѣдей паштровичей, если они причиняли какую-нибудь обиду или вредъ цермничанамъ.

Это не были, однако, настоящіе гайдуки, такъ какъ никогда не разставались надолго со своимъ роднымъ селомъ и, совершивши какой нибудь набѣгъ, продолжали жить дома, какъ и другіе односельчане, предаваясь мирнымъ занятіямъ.

Но Черногорія всегда была открыта, какъ убѣжище для гайдуковъ и ускоковъ изъ другихъ сербскихъ земель. Одни изъ нихъ, проводя въ Черногоріи зиму или вообще сколько имъ требовалось по обстоятельствамъ, возвращались въ свои края, гдѣ и продолжали свой промыселъ; а иные такъ и оставались въ Черногоріи и дѣлались ея постоян-

[1]) Въ концѣ 70-хъ гг. на болгарскомъ языкѣ вышли очень любопытныя записки Понайто, который самъ гайдуковалъ передъ послѣднею войною. Объ нихъ есть наше сообщеніе въ Отеч. Запискахъ. 1878 г.

ными жителями. Ими населился цѣлый край между Горнею-Морачею и Дробняками, до сихъ поръ по нимъ носящій имя Ускоковъ. По старымъ связямъ и по привычкѣ они и отсюда продолжали свои гайдуцкія похожденія; но не предавались этому исключительно.

Убѣгали въ Черногорію въ одиночку или съ дружиной и изъ Шумадіи, когда турки снова наложили на нее свое иго, подавивъ возстаніе Карагеоргія. Тогда же приходилъ въ Васоевичи хаджи-Проданъ, по имени котораго названа одна мѣстность, гдѣ онъ стоялъ, на горѣ Превіи изъподъ Ериньей-главы противъ Андріевицы. Тамъ же, говорятъ, кончилъ свою жизнь и воевода Секула, стѣсненный турками.

Въ концѣ прошлаго столѣтія былъ въ Черногоріи извѣстный гайдукъ Лазарь Пецирепъ. Онъ былъ родомъ изъ подъ Голіи, которая въ то время принадлежала туркамъ. Однажды никшичане, давно имѣя на него зубъ, убили его братьевъ, разорили домъ; и онъ только съ сестрой и съ небольшимъ стадомъ овецъ пришелъ въ Велестово. Тутъ его отлично приняли, и онъ тамъ поселился; но не могъ онъ забыть того, что сдѣлали ему никшичане, и потому постоянно нападалъ на нихъ на пути и дома: убивалъ ихъ, отбивалъ стада, грабилъ ихъ караваны и уводилъ женщинъ. А наконецъ, насытившись всѣмъ и считая, что чувство мести удовлетворено съ избыткомъ, заключилъ съ ними миръ на Сливнѣ и съ тѣхъ поръ ихъ не трогалъ; но оставаться мирно онъ не могъ и перенесъ свою дѣятельность въ Герцеговину. Къ нему приходили Станко и Лука Сочевицы. Изъ многихъ похожденій его разскажемъ плѣнъ бега Любовича.

Однажды онъ со своею четою отправился въ Невесенье, поручивши впередъ нѣкоему Лукѣ Ратковичу приготовить обѣдъ. Этотъ принялъ ихъ отлично и испекъ ягненка, у котораго была черная голова. Пообѣдавши, гайдуки преспокойно отправились на свое дѣло. Но провѣдалъ о томъ бегъ Любовичъ въ Оджакѣ и призываетъ къ себѣ Луку на допросъ. Этотъ сначала отпирался, но когда тотъ сказалъ, что у него былъ испеченъ ягненокъ съ черною головою, увидѣлъ, что бегу все извѣстно, и тогда палъ передъ бегомъ на колѣни со словами: „Ну, сѣки мою голову“!

— Нѣтъ! отвѣтилъ бегъ,—я не сдѣлаю этого; а только ты замани къ себѣ Лазаря, чтобы мы могли его схватить. Дѣлать было нечего, и Лука обѣщается исполнить это приказаніе бега. Ему извѣстенъ былъ притонъ гайдуковъ въ Бабѣ-планинѣ; онъ отправляется туда съ приглашеніемъ, которое гайдуки охотно принимаютъ. Но въ то же время Лукѣ стало жаль и совѣстно погубить своего брата сербина, и онъ открылъ Лазарю, что ему готовится засада. Тогда тутъ-же рѣшено было схва-

тить самого бега. Приходитъ Лазарь съ 8-ю товарищами и скрывается около дома; а Лука сообщилъ бегу, какъ было съ нимъ уговорено. Бегъ, увѣренный въ себѣ, какъ человѣкъ необыкновеннаго роста силы, и чтобы еще больше пріобрѣсть славу, беретъ съ собою только 4 человѣкъ, расчитывая на десятокъ хорошихъ молодцовъ въ домѣ Луки. Приходитъ бегъ и спрашиваетъ, а Лука отвѣчаетъ: „Звалъ; но вотъ до сихъ поръ нѣтъ; боюсь, что не явится“.

Бегъ сталъ угощаться; а гайдуки ворвались въ домъ.

Не легко было справиться съ бегомъ; но съ Лазаремъ былъ Иванъ Драговичъ съ Велестова (дѣдъ нынѣшнихъ Марка и Живка Драговичей, извѣстныхъ своими статьями и въ русской литературѣ), который также отличался ростомъ и силой. Онъ схватилъ бега въ охапку, и его связали; а съ остальными легко было справиться. Плѣнивши такимъ образомъ бега, повели на Чево, гдѣ и держалъ его у себя въ домѣ сердарь Вукале Вукотичъ отъ рождественнаго поста до масляницы. Бегъ получалъ извѣстія изъ своего дома и сообщалъ о себѣ, и жилъ въ полномъ удовольствіи, игралъ *на пловки, въ градъ, камена-рамена* и т. п. Онъ такъ здѣсь привыкъ, что, когда ему допустили отправиться домой, разставался съ сожалѣніемъ и обѣщался пріѣхать въ гости на Чево.

Лука Ратковичъ послѣ этого не могъ оставаться въ своемъ мѣстѣ и со всею семьей и скотомъ переселился на Чево. Но тѣснота, недостатокъ земли заставили его воротиться домой. Тамъ его тотчасъ же схватили и повѣсили; а семья его, однако, осталась и снова водворилась на своемъ мѣстѣ, и ей не было ни малѣйшаго притѣсненія.

Лазарь Пецирепъ, однако, продолжалъ свои дѣйствія въ Герцеговинѣ и былъ такъ тяжелъ туркамъ, что два визиря мостарскій и скадарскій договорились употребить всѣ средства, только бы схватить его. И нашли они подходящаго для того человѣка Кадича въ Бѣлопавличахъ. Надобно замѣтить, что это былъ родъ, изъ котораго всегда выходили люди съ выдающимися способностями, хотя въ то же время они не держались строго нравственныхъ правилъ, смотря больше на то, что считали для себя выгоднѣе. Такъ въ 1713 году, когда спужскій капитанъ затѣялъ нападеніе на Вука Мандушича, онъ пишетъ письмо воеводѣ Раду и юнаку Петру Бошковичу въ Бѣлопавличахъ, которые въ то время подчинялись туркамъ, и при томъ наказываетъ:

„Не остав'те Кадича Манойла“, который былъ племянникомъ П. Бошковича и явился главнымъ предводителемъ войска и уходою. А когда турки ударили на Чурилацъ въ Бѣлопавличахъ (1792 года) и сожгли его, попъ Раде защищалъ церковь св. Ѳеклы,

У помоћ му добар јунак дође,	И пришелъ къ нему на помощь добрый витязь,
Кадић Марко од села Вучице.	Марко Кадичъ изъ села Вучицы.

Но въ то же время одинъ Кадичъ убилъ кн. Данiила въ Которѣ, служа безъ сомнѣнiя орудiемъ вражьей политики (1860 г.). Изъ ихъ же рода одинъ передалъ туркамъ и Лазаря Пецирепа. И вотъ какъ это было. Какъ извѣстный юнацкiй домъ, Кадичи были въ постоянныхъ сношенiяхъ съ Велестовомъ. Однажды одинъ изъ нихъ (не Марко-ли?) приходитъ на Велестово и зоветъ Лазаря крестить ему дитя (на крштено кумство), отъ чего по черногорскому обычаю безъ особенно уважительныхъ причинъ никто не откажется. Отправляется Лазарь туда; совершается обрядъ крещенiя ребенка съ обычнымъ пиромъ, и затѣмъ всѣ ложатся спать. Между тѣмъ Кадичъ, хозяинъ дома и кумъ, даетъ знать объ этомъ въ Спужъ, откуда и является капетанъ Алиль-ага съ 30-ю отборными молодцами. Лазаря схватываютъ соннаго, связываютъ и отводятъ въ Спужъ. Онъ попросилъ только позволенiя написать своей женѣ, кто его должники, чтобъ она могла собрать эти долги и жить. Ему это позволили, и письмо было отправлено съ одною женщиной. Тутъ только на Чевѣ узнали, гдѣ Лазарь и что съ нимъ дѣлается. Озриницкiй сердарь Вукале, предполагая, что его поведутъ для казни въ Герцеговину, гдѣ валiя, обычнымъ путемъ черезъ Никшичъ, собралъ 80 человѣкъ и самъ съ ними пошелъ ожидать конвоя въ Дугѣ, гдѣ и простоялъ 10 дней. Но турки были въ этомъ случаѣ очень осторожны: они повели Лазаря сокращенными путями черезъ Слатину (въ Белопавличахъ) и Жупу-Никшицкую, а оттуда въ Дробнякъ. Собрались было отбить его дробняки, но ихъ остановили коджобаши (кнезы, сельскiе старшины); и такъ его безпрепятственно провели въ Плевле, а оттуда въ Травникъ къ валiю, гдѣ и совершена была его казнь.

Сочевицы оба брата послѣ этого ушли гайдуковать въ Лику и Корбаву; а Кадичамъ, конечно, грозили черногорцы, что и принудило ихъ переселиться на другую сторону Зеты.

Въ дополненiе къ разсказу о плѣнѣ бега Любовича на Чевѣ, сообщимъ о Маркѣ Вукотичѣ, бывшемъ заложникомъ въ Никшичѣ. Это былъ гайдукъ, который наносилъ никшичанамъ страшное зло: съ своею четой онъ погубилъ ихъ до сотни. Случился въ Черногорiи голодный годъ; а хлѣба тогда невозможно было достать нигдѣ, кромѣ Никшича. Наличныхъ денегъ въ то время у чевлянъ не было, а турки не вѣрили безъ залога, въ залогъ же брали кого-либо изъ нихъ же: женщинъ изъ извѣстныхъ семействъ или и мужчинъ. На этотъ разъ турки отвѣтили: „Не надо намъ никого, кромѣ Марка Вукотича“, которому въ то время было уже 70 лѣтъ.

Отправляется онъ и помѣщается въ домѣ бега Мушовича, у котораго стригъ двоихъ дѣтей (Био је шишани кум); поэтому тутъ онъ

жилъ, какъ въ своемъ домѣ. Приходитъ Божичъ (Рождество); хозяинъ приготовляетъ для гостя праздникъ; самъ печетъ барана на вертелѣ, а Марко сидитъ возлѣ огня, держа на рукахъ маленькаго хозяйскаго сынка, котораго и стригъ. Вдругъ раздается выстрѣлъ, и Марко падаетъ, едва успѣвъ передать ребенка со словами: „Возьмите, чтобъ не сгорѣлъ!“ Похоронили его, какъ слѣдутъ, передъ Петровскою церковью, и Мушовичъ показываетъ видъ, что ему это убійство пріятно. „Я не могъ убить его *на лѣб и со* (т. е. какъ гостя); но аферимъ тому, кто убилъ; я далъ бы ему за то вотъ этотъ ножъ“.

А ножъ богатый: весь въ серебряной оправѣ съ драгоцѣнными каменьями и золотою надписью по клинку. Въ это время подходитъ къ нему одинъ и говоритъ: „Ну, такъ этотъ ножъ—мой“. Т. е. что онъ убилъ Марка. Да такъ-ли это?—допрашиваетъ Мушовичъ.—Не хвались зря; смотри, чтобы не пришелъ завтра другой и не сказалъ-бы, что ножъ его.—Тотъ клянется и представляетъ доказательство. Тогда Мушовичъ подаетъ ему ножъ, но все будто сомнѣвается и не хочетъ дать; а потомъ изъ пистолета въ него—трахъ! и убилъ наповалъ. Послѣ этого никшичи побились между собою, и съ двухъ сторонъ погибло до 30 чел. Тогда управлялъ Никшичемъ Амза капетанъ.

Черногорскіе гайдуки иногда продѣлывали надъ турками шутки. Такъ Чоко-Пейовъ изъ Чева съ нѣсколькими товарищами отправились въ Никшичъ, чтобы чѣмъ-нибудь поживиться. Днемъ они пробрались подъ Будошъ (гора на краю Никшицкой равнины); а ночью отправились въ городъ и забрались въ домъ Мекича. Вошли сначала во дворъ, проломили конобу (нижній этажъ подъ жилымъ помѣщеніемъ), вывели оттуда 5 воловъ; а Чоко тихонько по ступенькамъ пробрался въ комнату, гдѣ Мекичъ спалъ со своею булой. Увидавъ ихъ, Чоко спустился обратно внизъ и говоритъ: „Дайте мнѣ ножъ!“.—Зачѣмъ?—спрашиваютъ его. „Зарѣжу кого-нибудь“, отвѣчаетъ онъ спокойно. Товарищи, однако, не дали ему ножа; тогда онъ пошелъ опять вверхъ: взялъ красные турецкіе штаны, висѣвшіе въ головахъ у турка, и на мѣсто ихъ повѣсилъ на гвоздь свои, а тѣ тотчасъ же надѣлъ на себя; взялъ также двѣ леденицы, оставивши вмѣсто нихъ свой плохенькій пистолетъ, повѣсивши также надъ головою турка, и ушелъ; а потомъ всѣ товарищи благополучно отправились съ добычею домой, гдѣ повеселились и попировали; а никшичанамъ отъ того былъ великій стыдъ.

Такихъ разсказовъ у черногорцевъ множество, и во всѣхъ нихъ проглядываетъ удальство, сопровождающееся часто неизбѣжною рѣзнею; но нигдѣ не видно жестокости, доходящей у гайдуковъ иногда до звѣрства.

Заключимъ разсказомъ о гайдукѣ Голубѣ Петровѣ и объ одной его продѣлкѣ.

Онъ былъ чевлянинъ и современникъ занятія Далмаціи и Боки французами. Высокаго роста, страшной силы; на немъ гунь безъ рукавовъ; нѣтъ и рубашки, а спереди открытая грудь, поросшая волосами, какъ руно на овцѣ. Однажды французы схватили его брата и заключили въ тюрьму въ Дубровникѣ. Узнавъ объ этомъ, онъ взялъ 5 чел. и отправился съ ними на выручку брата. Шли они черезъ Бѣлую гору, Зубцы и подъ Дубровникомъ дошли до р. Омблы и стали изъ-надъ Гружа, гдѣ было множество народа. Оставивши товарищей на высотѣ, онъ сошелъ внизъ и сѣлъ на краю дороги. Какъ вдругъ идетъ какой-то латинскій *попъ*, весь въ шелку, и видно, что очень важный. Онъ цапъ его одной рукою за шею, а другою зажалъ ротъ и потащилъ, какъ волкъ овцу, въ гору, оттуда съ товарищами довелъ его до Чева, гдѣ и держалъ, предоставивъ ему вдоволь пить и ѣсть и всякое удобство. А между тѣмъ послалъ въ Бокку извѣстіе, что попъ у него, но что онъ не будетъ выпущенъ, пока не выпустятъ его брата. Обѣщались выдать брата черезъ одного добротянина (с. Доброта рядомъ съ Которомъ). Тогда Голубь ведетъ своего попа на Вельи Залозы, откуда чуть не по отвѣсному спуску сходитъ съ нимъ до одного мѣста и оставляетъ его тутъ, а самъ спускается въ с. Доброту. Спрашиваетъ его извѣстный уже добротянинъ: „А гдѣ попъ“. — Тамъ, отвѣчаетъ онъ, показывая вверхъ на гору.—„Что-жь ты не привелъ его сюда?“— Покуда не приму я брата, не примете вы вашего попа. Тогда послали въ Дубровникъ, привезли его брата, а онъ передалъ имъ попа, который былъ какой-то важный прелатъ.

Когда было свиданіе владыки Петра съ Мормономъ въ Которѣ, они вели разговоры въ особой комнатѣ, а свита ихъ сидѣла въ другой вродѣ передней. Черногорцы сидѣли на одной сторонѣ, а французы на другой, и конечно не разговаривали, потому-что не знали языка одинъ другого. Тутъ же былъ и Голубь. Между французами, однако, оказался одинъ, должно быть хорватъ, который зналъ по-сербски. Выступивъ впередъ, сталъ доказывать черногорцамъ, что они напрасно надѣются на свои скалы и силы, куда могутъ скрываться. „Мы имѣемъ—прибавилъ онъ—псовъ, которые будутъ васъ вытаскивать изъ ямъ за уши“.— А я полѣномъ по головѣ и пса, и его господина! отвѣтилъ Голубь, поднявшись во весь ростъ и показавъ во всемъ величіи свою грозную фигуру. Когда хорватъ передалъ этотъ разговоръ французамъ, они много смѣялись и, конечно, поняли съ кѣмъ имѣли дѣло.

Итакъ гайдучества въ собственномъ смыслѣ, какъ насильственнаго протеста противъ существующаго порядка, въ свою очередь державшагося на насиліи, въ Черногоріи не было. Да и не было для того почвы, такъ какъ всякій черногорецъ былъ свободенъ, не чувствовалъ надъ собою ничьего насилія, исключая какого-либо личнаго столкновенія, вслѣдствіе чего черногорецъ иногда покидалъ свою родину и шелъ служить врагамъ ея, туркамъ.

Отчасти мы уже знакомы съ этими людьми, изъ которыхъ турки пополняли свои военныя силы. Остановимся немного подробнѣе на этомъ типѣ, весьма характерномъ въ жизни Черногоріи, и на причинахъ и обстоятельствахъ, приводившихъ черногорца къ отступничеству.

Начнемъ съ разсказа объ измѣнникѣ, весьма замѣчательной личности, Вукѣ Голубовѣ Перовичѣ изъ Трешнева въ Вельихъ-Цуцахъ. Онъ былъ извѣстный юнакъ, четобаша и ґроза турокъ. Но одинъ случай поссорилъ его со своими, и онъ передался туркамъ. Вотъ какъ это было. Пешиканы убили одного изъ перовичей; тогда перовичи задумали по обычаю отомстить своего. Однажды три пешикана приходятъ къ Вуку на какое-то праздество, кажется, на „крсно име". Перовичи рѣшились тутъ-же убить ихъ; но Вуко отвѣтилъ, что въ его домѣ онъ этого не допуститъ, а послѣ пусть дѣлаютъ, что хотятъ; но и тогда совѣтовалъ имъ не трогать ихъ, какъ его гостей. Послѣ этого гости отправились, а Вуко, не говоря имъ, что ихъ собираются убить, подалъ только совѣтъ, чтобы остерегались, такъ какъ *должны голову*. „Трое противъ троихъ не боимся, а если ихъ будетъ вдвое больше, то и тогда постоимъ" — отвѣтили они, и дѣйствительно были люди юнаки. Но перовичи собрали цѣлую чету и засѣли на ихъ пути въ одной тѣснинѣ; убили ихъ тутъ и посѣкли. Вуку, который всегда съ малымъ числомъ нападалъ на турокъ въ гораздо большемъ числѣ, это показалось низкимъ и обиднымъ для него. Разсердившись на это, онъ отправился въ Никшичъ, оставивши семью, въ которой, кромѣ другихъ, было 6 сыновей; и оттуда сталъ бить своихъ. Онъ посѣкъ 17 головъ, которыя всѣ были выставлены въ Никшичѣ. Потомъ турки сдѣлали его начальникомъ надъ пандурами въ Рудинахъ, гдѣ они стояли въ двухъ кулахъ на Трубелѣ и Омутичѣ. Много разъ нападали на него черногорскія четы, но всегда были отбиваемы съ урономъ для нихъ; такъ что черезъ Рудины имъ совершенно былъ закрытъ проходъ, и когда черногорцы однажды хотѣли ударить на Луково, гдѣ были никшицкіе катуны, они были отбиты отъ Рудинъ и принуждены были пойти окольною дорогой черезъ Сливле. Когда Рудины, по размежеванію европейской коммиссіи, были присоединены къ Черногоріи, князь (кажется

Николай) звалъ его на Цетинье; онъ не пошелъ и отказался отъ посланной ему медали. Изъ 6 его сыновей пятеро погибли въ разныхъ битвахъ противъ турокъ, а младшій умеръ въ 1889 г., сынъ же этого послѣдняго Голубь (внукъ Вука) въ настоящее время капетанъ въ Рудинахъ.

Иногда причиною такой измѣны бывала неудачная любовь или скорѣе оскорбленное самолюбіе при сватовствѣ и предпочтеніе его другому. Оскорбленный покидалъ свое отечество и не унимался до тѣхъ поръ, пока не убивалъ своего соперника или не завладѣвалъ предметомъ любви; а иногда просто мстилъ всѣмъ и каждому. Надобно замѣтить, что всѣ эти личности обладали сильнымъ характеромъ и рѣдко мѣняли свою вѣру.

Важное значеніе въ отступничествѣ игралъ и сербскій *инат*, о которомъ мы уже говорили выше, и который много сербовъ вообще довелъ до перемѣны вѣры и измѣны отечеству. Иногда же причиною была стѣсненность жизни въ Черногоріи; тогда какъ у турокъ для такихъ людей всегда были распахнуты ворота и для поддержанія ихъ въ томъ не жалѣлись средства. Но, чтобы крѣпче связать перебѣжчика, турки требовали отъ такого, чтобъ онъ убилъ какого-либо извѣстнаго черногорца или принесъ бы вообще черногорскую голову. Тогда ему уже не было возврата домой и онъ вполнѣ отдавался туркамъ. Отъ нужды временно передавались туркамъ цѣлыя племена, какъ мы тоже видѣли выше; поэтому нельзя удивляться отдѣльнымъ личностямъ. Можно даже удивляться тому, какъ ихъ было мало. Но чтобы былъ измѣнникъ внутри Черногоріи, который бы тайно помогалъ туркамъ—этого не бывало никогда. Не бывало также, чтобы черногорецъ выдалъ черногорца, хотя бы то былъ изъ другого рода или племени, съ которымъ были въ ссорѣ или имѣли какіе-нибудь счеты. Въ виду турка забывалась всякая личная вражда. Всякая выдача своего, хотя бы то былъ гайдукъ не черногорецъ, считалась величайшимъ преступленіемъ, послѣ котораго выдавшему не было больше житья въ Черногоріи, какъ то видѣли на Кадичахъ, которые были бѣлопавличи, въ то время не вполнѣ освободившіеся отъ турецкаго господства, и все-таки они должны были покинуть свое родное мѣсто и уйти дальше отъ черногорской границы. Спахичи не пришли на помощь Никцу изъ Ровинъ, можетъ быть по слабости и трусости, и это также считается измѣной: „Издаше га поганы Спахичи, од них нигдѣ не остаде трага" т. е. „видали его поганые Спахичи, отъ нигдѣ не осталось слѣда" [1])!

---

[1]) Замѣчательно, что изъ того же рода впослѣдствіи нашелся Михаилъ Спахичъ, который, будучи подкупленъ Турціей, два раза покушался на жизнь воеводы Луки Вукаловича, вождя герцеговинскаго возстанія 1857—1862 г; а впослѣдствіи одному изъ спахичей привелось быть при сдачѣ Черногоріей герцеговинскихъ батальоновъ

Однимъ словомъ, кромѣ отступниковъ и людей подневольныхъ, ни одинъ сербъ изъ турецкихъ предѣловъ не поднималъ оружія противъ Черногоріи. Какъ исключительный случай, мы знаемъ, что въ Граховѣ былъ одинъ четобаша Милутинъ Ковачевичъ, который спеціально занимался отнятіемъ скота у своихъ сосѣдей черногорцевъ, цуцъ и озриничей, никогда не поворотивши ружья на турокъ. При отъемѣ скота ему удавалось, конечно, убивать черногорскихъ чобановъ и сѣчь имъ головы. Однажды онъ съ четырьмя товарищами напалъ на озринскій торъ; но извѣстный юнакъ Дука (собств. Лука) Радуловичъ, предувѣдомленный о томъ, собралъ значительное войско, окружилъ его и заставилъ положить оружіе: обобравши и раздѣвши почти донага, онъ отпустилъ плѣнниковъ домой. Обиды этой Милутинъ не могъ простить и далъ клятву, что не будетъ носить оружія, пока не сниметъ его съ мертваго Дуки. Владыка Петръ I приказалъ возвратить оружіе и все, что было отнято у Милутина, и Радуловичъ, какъ черногорецъ, повиновался своему владыкѣ; но Милутинъ не принялъ того, и оставался при своей клятвѣ, а наконецъ, вотъ что сдѣлалъ:

Узнавши, что Дука отправился съ четой глубоко въ Герцеговину въ Заводье, (Билечскаго кадылука за р. Требишницей) отправляется въ Никшичъ и, поднявши всѣхъ никшичанъ, захватилъ путь, гдѣ долженъ былъ проходить Дука. Узнавъ объ этомъ, Дука пошелъ окольнымъ путемъ на Стоспуды; но войско было велико, его окружили и завязался отчаянный бой. Радуловичъ былъ раненъ въ ногу и при этомъ упалъ въ щель между двумя камнями и, не видя спасенія, приготовилъ свой джефердаръ, чтобы не умереть *безъ замѣны*. Въ такомъ положеніи видитъ его Милутинъ и кидается, чтобы посѣчь. Но Дука даетъ выстрѣлъ въ него и убиваетъ наповалъ; а турки затѣмъ посѣкли и его.

Кромѣ Грахова мы ни на одномъ краю Черногоріи не знаемъ подобнаго рода отношеній, исключая случаевъ, когда между сосѣдями существовала сильная вражда, какъ, напримѣръ, цермничанами и паштровичами изъ-за пастбищъ или вообще изъ-за какихъ-нибудь открытыхъ столкновеній.

П. Ровинскій.

Австріи, 17 окт. 1879 г., и, движимый патріотическимъ чувствомъ, онъ чуть не убилъ Петра Радомана, по порученію своего правительства уговаривавшаго герцеговинцевъ сдаться безъ всякаго сопротивленія. Одинъ Спахичъ раненъ былъ въ 1862 г., когда отъ Рѣки шелъ на Черногорію Омеръ-паша и Дервишъ-паша; отъ ранъ онъ и умеръ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Важнѣйшія политическія событія въ истекшемъ году. — Австрійскія намѣренія воспользоваться турецкимъ наслѣдствомъ. — Наша задача при рѣшеніи Восточнаго вопроса.—Столкновеніе между Англіей и Соединенными Штатами.—Побѣда абиссинцевъ надъ итальянцами. — Отношеніе Франца Іосифа къ представителямъ Галицко-русскаго народа.—Слова предсѣдателя Славянскаго Общества графа Игнатьева о *духовномъ* единеніи нашемъ съ галичанами. Поясненіе этихъ словъ.

Минувшій годъ представляетъ особый интересъ въ отношеніи нашей внѣшней политики.

Послѣ многихъ лѣтъ крайней сдержанности и почти безучастнаго отношенія къ многоразличнымъ вопросамъ, возникавшимъ въ международной жизни, Россія снова выступаетъ на арену дѣятельной политической борьбы. Не маловажныя обстоятельства вынудили насъ выйти изъ состоянія покоя, посвященнаго, впрочемъ, дѣятельной работѣ надъ упорядоченіемъ внутренней нашей жизни, и принять участіе въ международныхъ треволненіяхъ.

На дальнемъ Востокѣ, гдѣ, казалось, родъ людской почилъ навѣки, поднялась нежданно-негаданно цѣлая буря событій, создалось было положеніе, угрожавшее нашимъ законнымъ надеждамъ на господство въ этомъ отдаленномъ, дикомъ, но весьма важномъ для насъ краѣ, свободному выходу нашего великаго Сибирскаго пути въ Тихій и Индѣйскій океаны. Легкія побѣды надъ громаднымъ Китаемъ естественно возбудили въ Японскомъ народѣ неумѣренную алчность и зародили въ немъ чрезмѣрныя надежды. Китай былъ до того обезсиленъ, что долженъ былъ согласиться на всѣ требованія побѣдителя. Минута была критическая и для насъ. Если бы наша дипломатія не оказалась на высотѣ своего призванія—не была достаточно настойчивой по отношенію къ Японіи и достаточно умѣлой для образованія цѣлой коалиціи противъ зазнавшихся островитянъ, если бы Симоносекскій договоръ былъ осуществленъ въ томъ видѣ, какъ того желали японцы,—нашему положенію на Великомъ океанѣ нанесенъ былъ бы громадный и трудно поправимый ущербъ. Но быстрое и разумное вмѣшательство измѣнило положеніе вещей въ нашу пользу: Японія введена въ свои предѣлы, Китай, относившійся къ намъ по временамъ, до разгрома его японцами, съ нѣкоторымъ даже высокомѣріемъ, заискиваетъ теперь у насъ. Есть

полное основаніе надѣяться, что Россія получитъ столь необходимый для нея на Востокѣ незамерзающій портъ и удобный путь къ этому порту.

Корея освобождается отъ японскихъ войскъ и японскаго вліянія и безъ сомнѣнія, если не теперь, то черезъ нѣкоторое время добровольно отдастъ себя подъ защиту могучаго сосѣда, со стороны котораго ей нечего опасаться эксплоататорскаго гнета и насилія надъ своими обычаями и нравами.

Всѣмъ этимъ мы обязаны смѣлому дѣйствію нашей дипломатіи, не убоявшейся отнестись вполнѣ независимо къ возникшимъ осложненіямъ, и рѣшительной поддержкѣ, оказанной ей финансовымъ вѣдомствомъ, за что обоимъ имъ честь и слава!

Не успѣли закончиться переговоры съ Японіей, какъ поразившіе всю Европу константинопольскіе безпорядки заставили насъ сосредоточить вниманіе на турецкихъ дѣлахъ. То, чего боялись проницательные люди еще въ 1894 г., т. е. при первыхъ извѣстіяхъ о турецкихъ звѣрствахъ въ Арменіи, свершилось. Армянскій вопросъ, вслѣдствіе безпримѣрной халатности турецкаго правительства, разросся до размѣровъ стараго, страшнаго для всей Европы, Восточнаго вопроса. Мы говоримъ „страшнаго", ибо европейскому миру угрожаютъ только два неразрѣшенныхъ или дурно рѣшенныхъ вопроса. Одинъ изъ нихъ—Восточный, другой—Эльзасъ-Лотарингскій.

Только по удовлетворительномъ разрѣшеніи этихъ двухъ вопросовъ мечтанія „друзей мира" могутъ получить нѣкоторый дѣйствительный смыслъ. Но еще не мало крови прольется прежде, чѣмъ будетъ достигнуто такое удовлетворительное ихъ рѣшеніе.

Старый вопросъ выступилъ на новой почвѣ, при томъ столь для насъ невыгодной, что нашими государственными людьми признано, повидимому, цѣлесообразнымъ отсрочить по возможности его рѣшеніе, удовлетворившись пока кое-какими полумѣрами. Намъ предстоялъ выборъ — либо отказаться отъ великаго нашего историческаго призванія—защиты угнетенныхъ восточныхъ христіанъ, либо собственными руками создать на нашей границѣ новую политическую силу, еще менѣе надежную, еще болѣе вѣроломную, чѣмъ подчинившаяся (временно, конечно) австрійскому вліянію Болгарія. Но Восточный вопросъ можетъ быть поставленъ ребромъ и помимо нашего желанія. У Дарданеллъ стоитъ уже громадный англійскій флотъ, Италія тоже сочла необходимымъ прислать свою эскадру въ турецкія воды. Къ сухопутнымъ границамъ Турціи и сопредѣльныхъ ей славянскихъ странъ стянуты австрійскія войска.

Между прочимъ, вотъ что сообщаютъ намъ изъ Черногоріи: „Какое бы значеніе ни имѣлъ армянскій или вѣрнѣе малоазіатскій вопросъ, а узелъ всему—на Балканѣ, и къ разрѣшенію его Австрія готовится изо

всѣхъ силъ. Бокка теперь страшно вооружена: всюду крѣпости, которыя постоянно наполняются боевыми припасами; въ Тивтѣ (Теодо) теперь военный портъ и постоянно находятся броненосныя суда; въ Которѣ и Дубровникѣ строятся новыя казармы, а покуда впередъ нанимаются подъ постой новыхъ войскъ, имѣющихъ прибыть, частные дома, дѣлается опись подвозочныхъ средствъ, телѣгъ, лошадей и вьючныхъ животныхъ, пароходы постоянно запаздываютъ вслѣдствіе выгрузки казенныхъ припасовъ; работа идетъ ужасная; тоже слышится и изъ Герцеговины, отъ Плевля. Однимъ словомъ: Австрія собирается впередъ. Одинъ отдѣлъ ея войскъ пойдетъ къ Новому Пазару; но тамъ врядъ ли удастся пройти, потому что будетъ сильное сопротивленіе со стороны; не даромъ на дняхъ выпущенъ изъ-подъ ареста въ Стамбулѣ Мула-Зека (изъ Печи), о чемъ корреспонденцъ-бюро сообщило особою телеграммою: это очень вліятельная въ томъ краю личность, энергичная и непротивникъ православныхъ сербовъ. Этимъ движеніемъ, однако, будетъ достигнуто разъединеніе Сербіи и Черногоріи, или, вѣрнѣе, отнята будетъ возможность ихъ соединенія. Но съ другой стороны Австрія пойдетъ на Скадаръ, гдѣ магометане сильны только въ городѣ, а вся окрестность — малисары, мирдиты и проч. — все католики, совершенно преданные Австріи и ждущіе ея прибытія съ распростертыми объятіями. Черногорія такимъ образомъ будетъ блокирована Австріей и преданными ей арнаутами, а Баръ (Антивари) и Ульцинъ (Дульциньо) со всѣмъ Черногорскимъ приморьемъ сдѣлаются первою жертвою австрійскаго флота, *если никто не предупредитъ*, т. е.—броненосныя эскадры Россіи или Франціи. Не знаю, прибавляетъ почтенный авторъ этого сообщенія, думаетъ ли у насъ кто-нибудь объ этомъ; а это готовится“.

Будемъ надѣяться, что, въ отношеніи нашей западной неспокойной и задорной сосѣдки Австро-Венгріи, русская дипломатія проявитъ не меньшую твердость, какъ и въ отношеніи Японіи. Если же воинственный Габсбургъ и его не менѣе воинственные польскіе политики захотятъ ускорить постановку на очередь Восточнаго вопроса, то пусть они будутъ увѣрены, что Россія потребуетъ и добьется такого его рѣшенія, о какомъ думаютъ русскіе люди съ тѣхъ поръ, какъ стали себя помнить, т. е. со временъ Олега и Святослава и особенно со времени паденія Византійской Имперіи. Да и черногорскіе соколы, увѣрены мы, не посрамятъ подареннаго имъ недавно Русскимъ Царемъ оружія и сумѣютъ постоять за тѣ сербскія и албанскія земли, которыя должны составить законное ихъ наслѣдіе послѣ Османа. Обиднѣе всего для русскаго чувства то, что когда надо было расшатать великую силу мусульманскую, Россіи великодушно предоставили дѣйствовать одной на собственный

страхъ и рискъ. Но послѣ того, какъ доблестью и жертвами русскаго и сербскаго народа османское могущество было сокрушено, у насъ и у нашихъ братьевъ, балканскихъ славянъ, оказалось столько сонаслѣдниковъ, что хоть отбавляй. Надо правду сказать, не обошлось здѣсь и безъ нашей вины, по крайней мѣрѣ вины нѣкоторыхъ нашихъ оффиціальныхъ представителей, какъ Нессельроде и его сотрудники, добровольно отказавшіеся въ пользу западныхъ государствъ отъ правъ, добытыхъ Россіей по Ункіаръ-Искелесскому договору. Согласно послѣднему Россіей обѣщана была помощь Турціи противъ всѣхъ враговъ ея, а Порта обязалась ни подъ какимъ предлогомъ не пропускать черезъ Дарданеллы иностранныхъ военныхъ судовъ; иными словами, Турція подчинена была протекторату Россіи.

По Лондонскому же договору 1841 г., который заключенъ былъ по нашему же почину, суверенныя права султана признаны неприкосновенными и хотя сохраненъ запретъ для прохода иностранныхъ военныхъ судовъ чрезъ Дарданеллы, но такой же запретъ установленъ былъ и для русскихъ военныхъ судовъ по отношенію къ Босфору. Съ тѣхъ поръ намъ и приходится въ восточномъ, т. е. въ сущности только Русско-турецкомъ вопросѣ вѣдаться съ концертомъ европейскихъ державъ.

На возможный выходъ изъ этого положенія указываетъ даровитый обозрѣватель „Русскаго Вѣстника“ „Не лучше ли для Россіи, спрашиваетъ г. С. Татищевъ, въ настоящую критическую минуту, не примыкать на Босфорѣ къ такъ называемому европейскому концерту, а дѣйствовать отдѣльно отъ него и вполнѣ самостоятельно. Пусть не говорятъ намъ, что она не имѣетъ на то права, въ силу обязательствъ, наложенныхъ на нее Берлинскимъ трактатомъ. Чтобы освободиться отъ этихъ обязательствъ, ей, слава Богу! не предстоитъ надобности объявлять кому либо войну. Достаточно напомнить державамъ-участницамъ конгресса 1878 г., что актъ этого конгресса нарушенъ во всѣхъ своихъ частяхъ большинствомъ дворовъ, его подписавшихъ, и что затѣмъ онъ не можетъ сохранять обязательную силу для одной Россіи. И теорія международнаго права, и практика всѣхъ государствъ, во всѣ времена, одинаково устанавливаютъ, что договоръ, нарушенный одною или нѣсколькими сторонами, перестаетъ быть обязательнымъ для всѣхъ другихъ. Но, желая, чтобы Россія устранила себя отъ участія въ обще-европейскихъ дипломатическихъ совѣщаніяхъ по восточнымъ дѣламъ, въ конференціяхъ и конгрессахъ, мы вовсе не хотимъ, чтобы она дѣйствовала на Востокѣ одиноко, въ разрѣзъ съ прочими державами. Напротивъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, мы считаемъ крайне полезнымъ соглашеніе Россіи съ каждою изъ великихъ державъ въ отдѣльности. Намъ представляется

вполнѣ возможнымъ такое соглашеніе Императорскаго кабинета и съ Франціею, и съ Германіей, и съ Англіею, даже съ Австро-Венгріею (?) и Италіею, такъ какъ всѣ эти державы нуждаются въ Россіи, но, чтобы соглашенія эти отвѣчали нуждамъ и пользамъ Россіи, они должны состояться съ каждою державою отдѣльно, а не въ совокупности ихъ, какъ то было доселѣ, на печальной памяти дипломатическихъ собраніяхъ въ Парижѣ и Лондонѣ, въ Берлинѣ и Константинополѣ".

Вѣрная мысль,—за исключеніемъ только указанія на возможность какого бы то ни было соглашенія въ Восточномъ вопросѣ съ Австро-Венгріей. Политическія задачи Россіи и Австро-Венгріи прямо противоположны и союзъ или даже какое бы то ни было соглашеніе съ нею для Россіи противоестественно и можетъ быть куплено только цѣною славянскихъ и кровныхъ русскихъ интересовъ. Австрія—нашъ врагъ до тѣхъ поръ, пока она существуетъ, и пусть она знаетъ, подымая Восточный вопросъ, что единственное для насъ рѣшеніе этого вопроса—это упраздненіе вмѣстѣ съ Турціей и Австро-Венгріи и образованіе на мѣстѣ этой послѣдней славянскаго союзнаго государства.

Западно-европейская печать въ концѣ года переполнена была толками по поводу внезапнаго столкновенія между Англіей и Соединенными Штатами,—столкновенія, грозящаго перейти въ настоящую войну. Исторія этого столкновенія вкратцѣ такова: На границѣ между южнымъ американскимъ государствомъ Венецуэлой и британской колоніей Гвіаной открыты богатѣйшія золотыя розсыпи. Венецуэльцы Богомъ клянутся, что вся эта золотоносная полоса принадлежитъ имъ, англичане же утверждаютъ, что „по крайней мѣрѣ" половина этой полосы принадлежитъ имъ, англичанамъ, во всякомъ случаѣ; относительно же остальной части они готовы, пожалуй, подчиниться рѣшенію третейскаго суда.

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ Кливелендъ предложилъ Салисбери передать весь споръ на обсужденіе третейскаго суда, но Салисбери отказался. Тогда Кливелендъ обратился къ вашингтонскому конгрессу съ посланіемъ, въ которомъ, отстаивая необходимость для правительства Соединенныхъ Штатовъ противиться всѣми силами всякому незаконному захвату со стороны Англіи въ Америкѣ (въ силу принципа Монроэ—„Америка для американцевъ"), предлагаетъ назначить коммисію, которая установила бы пограничную черту между Венецуэлою и британской Гвіаной. „Разрывъ съ Англіей, конечно, дѣло прискорбное, но его слѣдуетъ предпочесть потерѣ національной чести". Предложеніе президента принято конгрессомъ съ восторгомъ, популярность Кливеленда, какъ сообщаетъ телеграфъ, возрасла, „феноменально"! Уже внесенъ въ сенатъ законопроэктъ объ усиленіи боевой готовности республики, требуется кре-

дитъ въ сто милліоновъ долларовъ, ирландская лига предлагаетъ снарядить на собственный счетъ стотысячную армію добровольцевъ и отдать ихъ въ распоряженіе правительства, а великій Эдиссонъ, подобно древнему Архимеду въ осажденныхъ Сиракузахъ, занялся изобрѣтеніемъ губительныхъ снарядовъ!.. Само собою разумѣется, что англичане, отказавшись отъ третейскаго суда, не могутъ подчиниться постановленію чиновниковъ, назначенныхъ Кливелендомъ; тѣмъ болѣе что самый принципъ, на которомъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ основываетъ права свои на вмѣшательство, лишенъ юридическаго значенія. Доктрина Монроэ никогда европейскими державами не признавалась, а потому она и не можетъ имѣть силы международнаго закона; тѣмъ непріятнѣе, конечно, будетъ Англіи уступить. Уступить безъ позора—для Англіи почти немыслимо, такъ какъ самое посланіе Кливеленда, о которомъ мы говорили, уже само по себѣ оскорбленіе ея чести. Съ другой стороны война съ Соединенными Штатами, по всей вѣроятности, ничего хорошаго Англіи не принесетъ: потеря Канады и всѣхъ прочихъ колоній на западномъ материкѣ представляется очень возможнымъ послѣдствіемъ этой войны. Англо-Американская война облегчила бы Россіи ея задачу на Босфорѣ и на дальнемъ Востокѣ.

Горькое разочавованіе приходится испытывать англичанамъ и въ ихъ южно-африканской политикѣ. Въ Европѣ очень мало извѣстно было объ англійскихъ проискахъ въ этой благодатной части земного шара, хотя нѣмцы, повидимому, кое-что подозрѣвали. Страна къ Сѣверу отъ Капской колоніи, названная Трансваалемъ, оказалась чрезвычайно обильной пищевыми произведеніями, въ нѣдрахъ ея открыты несмѣтныя богатства. —Этотъ лакомый кусокъ, по мнѣнію англичанъ, „лежалъ плохо“... Британскіе щупальцы, въ видѣ мистера Джемсона и его почтенныхъ товарищей, потянулись къ нему. Но нападеніе было встрѣчено достойнымъ образомъ. Пораженіе Джемсона уязвило до крайности англійское самолюбіе. Досаднѣе всего, что и наказать трансваальцевъ за ихъ молодецкую расправу съ великобританскими подданными представляется невозможнымъ, вслѣдствіе явнаго заступничества за побѣдителей Германіи. Императоръ Вильгельмъ послалъ поздравительную телеграмму президенту Трансваальской республики Крюгеру. По всей вѣроятности англичанамъ придется теперь отказаться отъ надежды присоединить Трансвааль къ своимъ владеніямъ...

Итальянцы понесли пораженіе отъ абиссинцевъ. Отъ всей души привѣтствуемъ мужественный абиссинскій народъ съ этой побѣдой и желаемъ ему дальнѣйшихъ и болѣе рѣшительныхъ успѣховъ въ его мужественной и справедливой борьбѣ за политическую и національную свободу. Абис-

синцы доказали, что они не кафры и не готтентоты. Если они менѣе образованы, чѣмъ ихъ противники, то во всякомъ случаѣ не менѣе ихъ преданы своей вѣрѣ, не менѣе любятъ свою родину и дорожатъ ея достояніемъ и обычаями.

Пораженіе Тозелли Расъ-Маконеномъ произвело въ Италіи угнетающее впечатлѣніе. Это было такъ неожиданно. Правительство сообщало до послѣдняго времени однѣ пріятныя новости; слава генерала Баратьери раздута была до колоссальныхъ размѣровъ, его „геройскія" войска казались соотечественникамъ непобѣдимыми. И вдругъ ихъ побили. Криспи потребовалъ уже отъ палаты кредита въ 20.000.000 лиръ для покрытія расходовъ по „военнымъ дѣйствіямъ въ Африкѣ", причемъ онъ заявилъ, что дѣло идетъ не о новомъ расширеніи Эритреи, а только объ охранѣ ея нынѣшнихъ границъ и необходимости возстановить обаяніе итальянскаго оружія, потускнѣвшее вслѣдствіе пораженія при Амбаладжи. Палата, конечно, разрѣшила требуемый кредитъ, но министру-президенту пришлось выслушать много непріятнаго отъ представителей оппозиціи. Очень любопытно заявленіе бывшаго главы консервативнаго министерства и министра иностранныхъ дѣлъ маркиза ди-Рудини о томъ, что онъ, Рудини, считаетъ Уччіальскій договоръ „основаннымъ на двусмысленности". Не даромъ, слѣдовательно, негусъ Менеликъ заявлялъ, что его обманули, что въ абиссинскомъ текстѣ Уччіальскаго договора нѣтъ ни одного постановленія, откуда слѣдовало бы, что Абиссинія признала надъ собою протекторатъ Италіи. Въ связи съ этимъ большое значеніе получаетъ слѣдующее извѣстіе, сообщенное по телеграфу миланской газетѣ „Secolo" изъ Петербурга: „Въ русскихъ компетентныхъ сферахъ обратили вниманіе итальянскаго посла графа Маффеи, что Россія вынуждена будетъ сдѣлать возраженія противъ завоеваній итальянцевъ въ Абиссиніи, если таковыя состоятся, такъ какъ Абиссинія формальнымъ договоромъ поставила себя подъ протекторатъ Россіи. Итальянскій посолъ протестовалъ и заявилъ, что Италія не признаетъ никакого договора, кромѣ Уччіальскаго, которымъ, какъ извѣстно, верховныя права надъ Абиссиніей предоставлены Италіи"... Приведенное заявленіе ди-Рудини удостовѣряетъ однако же, что „верховныхъ правъ" Уччіальскимъ договоромъ Италіи не предоставлено.

Несчастные наши братья русскіе галичане не извѣрились еще въ возможность найти себѣ защиту у Франца-Іосифа. Святая простота! Этотъ престарѣлый императоръ не нашелъ для обратившихся къ нему съ своимъ горемъ русскихъ подданныхъ другихъ словъ, кромѣ словъ несправедливой укоризны да шаблонно-оффиціальнаго—„будетъ разсмотрѣно". Депутаты просили о командированіи въ Галичину чрезвычайнаго правительственнаго

комиссара, о распущеніи сейма и назначеніи новыхъ выборовъ. Но императоръ выразилъ неудовольствіе по поводу отсутствія изъ Львова стольких духовныхъ лицъ какъ разъ во время вступленія туда возведеннаго въ санъ кардинала митрополита Сембратовича, а также по поводу того, что отправка столь многочисленной депутаціи (220 ч.) является слишкомъ дорогою, несообразною и безцѣльною манифестаціей.—И это правда: развѣ могли бѣдные галичане надѣяться осилить Бадени въ Вѣнѣ, развѣ они не знали, что въ Вѣнѣ смотрятъ на нихъ австрійскими глазами да еще черезъ польскіе очки? О, они это знали безъ сомнѣнія! Но когда давитъ гнетъ, когда измѣна и предательство соединяются съ насиліемъ, надо же чѣмъ-нибудь выразить свой протестъ и облегчить душу хотя бы и безпомощнымъ воплемъ. Но быть можетъ этотъ вопль услышатъ братья... и когда-нибудь да отольются австрійскому волку овечьи слезы. Приведемъ въ заключеніе слова предсѣдателя нашего славянскаго общества графа Н. П. Игнатьева, посвященныя Галиціи (въ рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи 11 Декабря.) „Съ тяжелымъ чувствомъ пришлось бы говорить о нашихъ родичахъ, русскихъ въ Галиціи, но по понятнымъ причинамъ мы не можемъ касаться этой больной раны. Всѣмъ извѣстно, что 3-хъ-милліонный русскій народъ въ Галиціи лишился теперь и тѣхъ немногихъ представителей, которые защищали его передъ польскимъ управленіемъ. Для русскаго народа, очевидно, теперь еще будетъ тяжелѣе жить, чѣмъ прежде. Мы, члены Славянскаго благотворительнаго общества, были и остаемся сторонними (?), хотя и неравнодушными зрителями событій въ славянскомъ мірѣ и, вѣрные своимъ цѣлямъ—содѣйствовать взаимному духовному общенію славянъ и проясненію ихъ духовныхъ стремленій, продолжаемъ нашу мирную дѣятельность въ этой области“.—Въ поясненіе этихъ словъ скажемъ отъ себя, что область духовныхъ стремленій достаточно широка—человѣческому духу свойственно стремиться и къ политической свободѣ и къ племенному или народному единству, и тамъ, гдѣ отсутствіе этихъ благъ черезъ чуръ даетъ себя чувствовать, стремленія къ нимъ съ одной стороны и обязанность идти на встрѣчу этому стремленію съ другой становятся преобладающими.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ РОССІИ.

Внутреннее обозрѣніе.

За нами издавна установилась довольно странная репутація—почти національнаго неуваженія къ закону. Мы, по общепринятому мнѣнію, составляемъ въ этомъ отношеніи прямую противоположность западноевропейскимъ народамъ, въ жизни которыхъ законъ, какъ охранитель права. играетъ первенствующую роль. Законъ у насъ только терпимъ, онъ является чѣмъ-то безличнымъ и незамѣтнымъ, какъ бѣдный родственникъ въ семействѣ богача. Въ лучшемъ случаѣ и въ лучшія времена онъ похожъ на англійскую королеву, которая, какъ извѣстно, только царствуетъ, но не управляетъ. Пассивную и часто страдательную роль закона въ нашей русской общественной и гражданской жизни признаютъ почти всѣ; относительно самого наличія беззаконій не возникаетъ, кажется, ровно никакихъ разногласій. Въ этомъ признаніи сходятся даже такія крайнія противоположности какъ либералы и консерваторы, разногласящіе только въ томъ, что первые все вздыхаютъ о правовомъ порядкѣ, тогда какъ вторые нормальнымъ порядкомъ русской жизни признаютъ именно полный правовой безпорядокъ и анархію произвола. Но уже самыя вожделѣнія законности и проповѣди беззаконія, идущіе, обыкновенно, отъ явленій дѣйствительности, одинаково краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о болѣе или менѣе полномъ бездѣйствіи закона. Между передовыми людьми, признающими и отсутствіе закона и желательность его, разногласія возникаютъ преимущественно въ тонѣ отношенія къ печальному явленію отсутствія въ русскомъ обществѣ чувства законности: одни, безъ дальнихъ размышленій, успокаиваются на мысли, что, молъ, для насъ законъ не писанъ, а другіе изъ смутнаго желанія подсластить горькую истину какъ бы мимоходомъ замѣчаютъ при этомъ, что мы-де—„люди не закона, а совѣсти“.

Съ фанатиками розги и иступленными анархистами кнута, облыжно прикрывающими свою ненависть ко всякимъ формамъ общественности лживой личиною благонамѣренности, конечно, спорить не будемъ, но въ

вышеприведенныхъ „передовыхъ разногласіяхъ“ относительно внутренняго значенія и происхожденія всероссійскаго беззаконія разобраться не мѣшаетъ.

Противопоставлять закону, какъ формальному праву, начало совѣсти, какъ свободное выраженіе высшей справедливости, возможно и умѣстно только въ какомъ-нибудь совершенно патріархальномъ государствѣ въ сородѣ Черногоріи, среди патріархальнаго народа, чистая и дѣтская совѣсть котораго не нуждается въ указкѣ формальнаго и писаннаго права. Въ патріархальномъ быту такого народа законъ можетъ быть замѣненъ совѣстью, хотя бы въ силу того, что законъ еще не выработанъ, а совѣсть еще сохранилась. Но по мѣрѣ того, какъ государство слагается и ростетъ, отношенія усложняются, личное начало выдвигается впередъ, патріархальныя нравы разрушаются, и вся безсознательная нравственность „добраго стараго времени“ разлагается подъ тлетворнымъ вліяніемъ биржевой и трактирной цивилизаціи,—совѣсть въ значительной мѣрѣ утраченная и отсутствующая, уже не можетъ быть единственнымъ руководителемъ взаимныхъ отношеній и для согласованія сталкивающихся корыстныхъ поползновеній отдѣльныхъ лицъ становится необходимымъ авторитетное посредничество и узда закона. Такъ какъ въ основѣ западной культуры стояло личное начало, индивидуализмъ и эгоизмъ, то естественно, что и законъ, какъ историческая узда личнаго эгоизма, игралъ въ ней огромную культурную роль; нашъ же патріархальный бытъ былъ основанъ на семейномъ и общинномъ началѣ, вслѣдствіе чего законъ и не могъ получить такого первенствующаго и творческаго значенія. Наша патріархальная деревня въ кругу своихъ общинныхъ потребностей и дѣлъ можетъ и по сейчасъ, съ значительнымъ успѣхомъ, руководствоваться „мірскою совѣстью“, и близкіе къ народу наблюдатели и знатоки его быта часто свидѣтельствуютъ о почти идеальной справедливости, царствующей хотя бы напр., въ раздѣлѣ земли, въ распредѣленіи тягла, въ надѣленіи вдовъ и сиротъ и т. д. Но сравнительно съ патріархальною деревнею жизнь и нравы города значительно прониклись индивидуалистическою культурою запада и мы, носители и представители личнаго начала, едва ли также могли бы обойтись въ своемъ болѣе усложненномъ быту съ одною совѣстью, безъ закона и его представителей: мировыхъ судей, судебныхъ слѣдователей, судебныхъ приставовъ и т. д. Въ этомъ смыслѣ теперь большинство русскаго народа стоитъ какъ разъ на морально-правовомъ перепутьи: свою патріархальную совѣсть мы въ значительной мѣрѣ уже растеряли, а культурнаго уваженія къ закону и свойственнаго западнымъ народамъ чувства законности еще не пріобрѣли (не выработали). Словомъ „ни туда Петрусь, ни сюда, Петрусь“ какъ гово-

рятъ хохлы. На первый взглядъ странное и удивительно развращающее вліяніе цивилизаціи объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что наша культура носитъ характеръ чего-то чуждаго, насильственнаго и иноземнаго, а не представляетъ собою самобытнаго развитія тѣхъ добрыхъ началъ, которыя заложены въ нравахъ и духовномъ складѣ славянскаго племени. Цивилизуясь по чужому образцу, мы тѣмъ самымъ губимъ въ зародышѣ свою самобытную культуру и, не успѣвъ перенять чужого хорошаго, не даемъ развиться и расцвѣсть тому, что есть хорошаго въ насъ самихъ. Мы не считаемъ возможнымъ повторять устарѣвшія фразы о „гниломъ западѣ“, но должны сознаться, что многое изъ того, что было перенесено съ запада къ намъ, оказалось несомнѣнно гнилымъ и мертвымъ именно потому, что не привилось къ намъ и не могло дать живыхъ ростковъ. Такъ на западѣ право выросло изъ борьбы и, формулированное закономъ, представляло собою несомнѣнно живое начало нравственнаго и гражданскаго роста европейскихъ народовъ; у насъ же этотъ законъ или, вѣрнѣе эти законы, были во многихъ случаяхъ цѣликомъ списаны съ европейскихъ и перенесены въ нашу жизнь безъ всякой органической связи съ бытомъ народа, съ его міросозерцаніемъ съ его исторіею, съ его нравами. Въ итогѣ получилось вотъ что: на западѣ всякое право, являющееся плодомъ борьбы, уважается какъ завоеваніе, купленное потомъ и кровью поколѣній, какъ живое равновѣсіе борющихся общественныхъ силъ. Мы же, привыкшіе въ патріархальномъ быту больше руководствоваться совѣстью, не придаемъ этому праву никакого значенія, какъ пустой скорлупѣ, не имѣющей ядра, и уже въ силу коренного несоотвѣтствія нашего славянскаго быта съ какимъ-то тамъ, совершенно чуждымъ, римскимъ правомъ, вполнѣ основательно смотримъ на выражающій его законъ, какъ на пустую форму безъ содержанія. Благодаря отсутствію естественнаго развитія обычнаго права во всемъ законодательствѣ страны, русскій народъ, такъ сказать, исторически воспитывается въ безправіи; нормированіе жизни по чужимъ, не сроднымъ духу и нравамъ, законамъ равносильно систематической и вѣковой практикѣ беззаконія, потому что единственнымъ естественнымъ закономъ въ нравственной жизни народа можетъ служить только его собственный *самобытный* законъ, выражающій эту жизнь, а преизобиліе чужихъ законовъ равносильно совершенному отсутствію закона. Естественнымъ послѣдствіемъ нравственной чуждости и иноземнаго происхожденія закона является полное отчужденіе отъ него народа, равнодушное отношеніе его къ своимъ правамъ. У насъ не было борьбы за право; нѣтъ и умѣнія защищать его нѣтъ привычки постоять за свои права. Происхожденіе права, не выросшаго на родной почвѣ, но списаннаго съ чужого законодательства, вполнѣ объясняетъ фиктивность его въ дѣйствительной жизни.

Въ Европѣ права были завоеваны—и охраняются неприкосновенно, какъ живое равновѣсіе общественныхъ силъ. Намъ они даны свыше и остаются не дѣйствующимъ началомъ жизни, а безплотною и безсильною фикціею. Отсюда эта общая деморализація права, недостатокъ чувства законности и рабское фактическое безправіе въ юридически свободной и правомѣрной странѣ. Фактическое право (т.-е. такое, которое всегда можетъ быть защищено и осуществлено) составляетъ какъ бы естественную границу произвола всякаго другого лица, но фиктивное право имѣть такого значенія не можетъ.

Обиліе въ русской жизни фиктивныхъ правъ, не представляющихъ по своей фиктивности никакого ограниченія, никакого предѣла произволу, создало для развитія послѣдняго безгранично широкое поприще. Безправіе однихъ рождаетъ беззаконія другихъ. Беззаконія, рождаемыя безправіемъ и безправіе воспитанное практикою беззаконій, царятъ во всѣхъ сферахъ нашей жизни не только въ отношеніяхъ къ гражданамъ со стороны низшихъ представителей администраціи, но и во взаимныхъ отношеніяхъ самихъ гражданъ, въ самихъ, слѣдовательно, нѣдрахъ нравовъ. Мужикъ безправенъ передъ своимъ старшиной, ремесленникъ передъ старостой, подмастерье передъ мастеромъ, у котораго живетъ, и который считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ „проѣхаться по сусаламъ“. Хорошо безъ закона, но по совѣсти, но плохо живется тѣмъ гражданамъ, въ общественной жизни которыхъ нѣтъ ни совѣсти, ни закона. Законъ— какой бы онъ ни былъ: худой или хорошій — есть, во всякомъ случаѣ, норма общественной жизни, а свобода и безнаказанность правонарушеній равносильна полной правовой безурядицѣ. Въ милліонахъ случаевъ нашей повседневной жизни мы можемъ чуть не ежедневно наблюдать, что озорное своеволіе разныхъ Ноздревыхъ, Титъ Титычей и гоголевскихъ Держимордъ, свободно попираетъ элементарные права и законы, и, оставаясь безнаказаннымъ, тѣмъ самымъ становится выше воли Законодателя.

Неестественность такого „безпорядка вещей“ всегда сознавалась высшею властью, которая издавна, всѣми отъ нея зависящими мѣрами, стремилась воспитать въ народѣ чувства законности и уваженія къ гражданскимъ уставамъ страны. Еще Петръ I говорилъ: „всуе законы писать, ежели оные не исполнять“. Но предпринятая имъ коренная ломка всего быта Россіи по иностраннымъ образцамъ, которая и могла быть произведена только тяжелою рукою ничѣмъ неограниченнаго властителя, и, не согласная съ бытомъ, а слѣдовательно и съ волей народа, опиралась въ значительной мѣрѣ на личный произволъ реформатора,— должна была естественнымъ путемъ повести къ преобразовонію всего строя и

всѣхъ органовъ государственной жизни въ направленіи бюрократическо-полицейскаго абсолютизма. Все, что въ какой бы то ни было мѣрѣ могло служить тормазомъ начинаніямъ реформатора, было перековеркано въ духѣ вѣяній времени. Церковь окончательно лишена самостоятельсти, патріархъ, увѣщанія котораго казались помѣхою жестокому своеволію, при Петрѣ былъ упраздненъ, а замѣнившій его „Духовный коллегіумъ“ поставленъ въ полное подчиненіе государству или, вѣрнѣе сказать, бюрократіи. Созданныя Петромъ для упорядоченія, якобы, единоличнаго начала коллегіальныя учрежденія, пополняемыя по назначенію высшихъ представителей администраціи и не связанныя съ историческою жизнью страны, только отчасти могли исполнять предуказанное имъ назначеніе. Такимъ образомъ насажденіе чувства законности встрѣчало неодолимое препятствіе въ исключительныхъ задачахъ и условіяхъ реформаторской дѣятельности Петра. При его преемникахъ, лишенныхъ преобразовательныхъ замысловъ, роль административнаго элемента въ русской жизни продолжала рости и развиваться; начало личнаго усмотрѣнія во многихъ случаяхъ ставилось выше начала закона. Эта естественная склонность, вырабатываемая всѣмъ складомъ жизни, продолжается и при поддѣлывавшейся подъ русскую стать Екатеринѣ, любившей бесѣдовать съ Вольтеромъ, но не потерпѣвшей бесѣдъ Новикова; и при Александрѣ I, перенесшемъ свое довѣріе со Сперанскаго на Аракчеева, и при Николаѣ I, когда вернувшійся ко власти Сперанскій явился такъ сказать Калитою русскаго бюрократическаго законодательства.

Наиболѣе дѣйствительныя и обильныя мѣры въ видахъ гражданскаго воспитанія народа и насажденія въ немъ чувства законности были предприняты въ началѣ царствованія Царя-Освободителя. Тотчасъ же послѣ великаго крестьянскаго освобожденія производится быть можетъ не менѣе великое преобразованіе судебной части, даруются изстрадавшемуся въ прежней волокитѣ и безсудицѣ народу—новые „Судебные уставы“; судопроизводство изъ подъяческаго, бумажнаго, тайнаго и потому доступнаго произволу, дѣлается гласнымъ и устнымъ, и законъ, какъ выраженіе общественной совѣсти, получаетъ полное господство въ судопроизводствѣ. Населенію обѣщается „судъ скорый, правый и милостивый“, а надъ входомъ въ судебныя учрежденія начертываются золотыя слова: „Правда и милость да царствуютъ въ судахъ“. Одновременно съ высшими судебными учрежденіями создается учрежденіе мировыхъ судей, которые должны были приблизить законъ къ народу, ввести его въ самыя нѣдра народной жизни. Мировые судьи, говорится въ журналѣ засѣданія Государственнаго совѣта 1862 года, должны быть по преимуществу

мѣстными судьями и охранителями мира; „общее довѣріе мѣстныхъ обывателей составляетъ необходимое условіе ихъ назначенія, а потому правительство было бы поставлено въ крайне затруднительное положеніе, если бы приняло на себя ихъ избраніе“ и поэтому рѣшено было для замѣщенія всѣхъ должностей мировыхъ судей „предоставить обывателямъ каждой мѣстности пріискать людей для опредѣленнаго округа“ [1]). На ряду съ учрежденіемъ суда присяжныхъ, введеніе избираемыхъ населеніемъ мировыхъ судей можетъ быть названо великимъ актомъ дарованія русскому народу самоуправленія совѣсти.

Нѣтъ сомнѣній, что этотъ путь ближе всѣхъ другихъ велъ къ основной цѣли всякаго благоустроеннаго и христіанскаго государства— развитію чувства законности, уваженія къ закону и возможно полнаго осуществленія выражаемыхъ имъ требованій права и справедливости въ жизни и взаимныхъ отношеніяхъ гражданъ. Мировой судья и присяжный засѣдатель, судившіе не только по буквѣ закона, но и по духу его, по живому его разумѣнію и по совѣсти, были какъ бы посредниками между забытой народной правдой и отдалившимся отъ нея писаннымъ закономъ. Нравственный авторитетъ мирового судьи, за короткое время существованія этого учрежденія, выросъ и окрѣпъ въ довѣріи народа. Призывъ „къ мировому“ сталъ выраженіемъ развивающагося гражданскаго правосознанія массы народной. Темный обыватель нерѣдко обращался къ мировому по самымъ разнообразнымъ, нерѣдко даже совсѣмъ неподходящимъ, напримѣръ чисто семейнымъ, интимнымъ дѣламъ, оправдывая этимъ предсказанія покойнаго Безобразова, „что мировой судъ внесетъ право въ такую сферу, гдѣ не существовало и признака права, даже понятія о возможности права“. „Правовыя положенія, устанавливаемыя судебными рѣшеніями мировыхъ судей, справедливо говоритъ г. Анциферовъ, не ограничиваютъ своего дѣйствія кругомъ лишь тѣхъ лицъ, до которыхъ они относятся непосредственно: они разливаются въ массу и ею руководятъ“, воспитывая правосознаніе народа.

Судебное преобразованіе, во всей его сложности, не являлось одною ласточкою, которая еще не дѣлаетъ весны; оно было введено вмѣстѣ съ крестьянскимъ освобожденіемъ, вмѣстѣ съ земскимъ самоуправленіемъ, вмѣстѣ съ новымъ городовымъ положеніемъ, новыми законами о печати, всеобщей воинской повинностью, новымъ университетскимъ уставомъ и другими преобразованіями, перестроившими всю нашу дореформенную жизнь на новыхъ началахъ *признанія гражданскихъ правъ человѣческой личности*. Въ связи съ другими общепреобразовательными мѣрами

---

[1]) Джаншіевъ «Изъ эпохи великихъ реформъ».

она не была только узко-технической реформою суда и пріемовъ правосудія, но такъ сказать—преобразованіемъ всей гражданской жизни страны. Пробужденное національнымъ позоромъ крымскаго разгрома живое общественное чувство не позволяло переливать въ старые мѣха новое вино и со всѣмъ пыломъ здравой любви къ родинѣ и бодраго гражданскаго чувства смѣло шло навстрѣчу будущему, видя въ новыхъ порядкахъ суда обезпеченіе новыхъ гражданскихъ началъ русской общественной жизни. Но именно эта внутренняя связь судебной реформы съ гражданскимъ возрожденіемъ Россіи въ позапрошломъ царствованіи и послужила причиною того, что ослабленіе передовыхъ теченій, закончившее эпоху преобразованій, отразилось крайне пагубно на жизни судебныхъ установленій. Обратная волна общественнаго регресса не дала развиться вполнѣ основнымъ началамъ судебной реформы. Слѣдственная часть, отданная вопреки закону въ руки не достаточно самостоятельныхъ и опытныхъ слѣдователей, страдала и продолжаетъ страдать многими недостатками, которые и отражаются на исходѣ дѣлъ большимъ процентомъ оправданій по недостаточно подготовленнымъ обвиненіямъ. Оправдательные приговоры при наличности злодѣянія дали, казавшійся справедливымъ, поводъ къ нареканіямъ на судъ общественной совѣсти,—на учрежденіе присяжныхъ засѣдателей. Походъ противъ новыхъ судовъ закончился ограниченіемъ круга вѣдѣнія суда присяжныхъ, повелъ къ изъятію многихъ дѣлъ отъ гласнаго обсужденія, къ упраздненію выборныхъ мировыхъ судей и замѣнѣ ихъ судьями по назначенію, сословными представителями, и къ передачѣ обязанностей мировыхъ судей земскимъ начальникамъ. Дѣятельность съ самаго уже начала урѣзанныхъ учрежденій не оправдала вполнѣ тѣхъ надеждъ, которыя на нихъ возлагались, но и коронный судъ, въ вѣдѣніе котораго были переданы нѣкоторыя дѣла, выносилъ такъ же много безусловныхъ оправданій, или же только формальныхъ обвиненій съ минимальною степенью наказанія. См. интересную статью г. Муравьева въ „Ж. Гр. и У. Пр.“, № 2. 1881 г.

Всѣ послѣднія преобразованія въ связи съ новымъ духомъ времени снова понизили чувство законности въ народѣ и въ свою очередь сдѣлали необходимыми и неизбѣжными дальнѣйшія преобразованія. Въ концѣ прошлаго царствованія была назначена подъ предсѣдательствомъ г. министра юстиціи Муравьева особая коммисія по пересмотру судебныхъ уставовъ, на которую высочайшею отмѣткою покойнаго государя Александра III возложена высокая задача: **„Сдѣлать такъ, чтобы наконецъ дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи“**. Коммисія съ первыхъ же шаговъ своихъ прибѣгла къ широкой гласности и пригласила всѣхъ желающихъ высказаться по вопросу о желательномъ устройствѣ правосу-

дія въ Россіи, постановивъ чуть не на первую очередь своихъ работъ насущный вопросъ о типѣ „мѣстнаго, ближайшаго къ населенію судьи“, который имѣетъ такое преобладающее значеніе въ юридическомъ воспитаніи народа.

Несомнѣнно громадное вліяніе на развитіе чувства законности имѣетъ между прочимъ и распространеніе грамотности, а также могло бы имѣть и доставленіе каждому возможности систематическаго ознакомленія съ исторіею и государственнымъ строемъ Россіи, съ общимъ значеніемъ закона въ жизни страны и по возможности точнаго знанія своихъ собственныхъ правъ и обязанностей. Не надо забывать, что по нашимъ законамъ, никто не можетъ отговариваться ихъ невѣдѣніемъ, между тѣмъ, какъ 90% населенія уже въ силу одной безграмотности поставлены въ полную невозможность знать законъ. Требовать отъ своихъ подданныхъ знанія закона государство можетъ только послѣ того, какъ будетъ дана возможность всеобщаго обученія, но не раньше. Само собою разумѣется, что есть такіе, такъ сказать, естественные законы общежитія, которые вписаны въ сердцѣ каждаго гражданина, напримѣръ „не убей“, „не укради“ и т. п. и отговариваешься невѣдѣніемъ, которыхъ не можетъ и безграмотный. Но дѣло въ томъ, что современная жизнь настолько усложнилась, что все ея законодательство далеко не исчерпывается такими элементарными заповѣдями. Что убивать и воровать нельзя знаетъ всякій, но что точно также нельзя, напримѣръ, безъ разрѣшенія начальства однимъ деревенскимъ сходомъ раздѣлить хлѣбъ изъ запаснаго магазина между тѣми самыми хозяевами, которые его туда ссыпали—это знаетъ далеко не каждый мужикъ и для того, чтобы сознавать, что, беря свои вклады обратно, они совершаютъ уголовное преступленіе, крестьяне должны прочесть это въ законѣ, слѣдовательно должны быть грамотными. Возбужденіе преслѣдованій за самовольный раздѣлъ запаснаго хлѣба очень часто встрѣчается въ жизни нашихъ судовъ, причемъ въ нѣкоторыхъ случахъ дѣло доходитъ иногда даже до „сопротивленія властямъ“, такъ какъ крестьяне, не знающіе о существованіи такого закона, понимаютъ воспрещеніе пользованія ссыпаннымъ ими хлѣбомъ, какъ явный и незаконный произволъ низшаго начальства. Вообще изслѣдованія такихъ авторитетныхъ юристовъ, какъ г. Муравьевъ, обнаружили, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ такъ называемаго „сопротивленія властямъ“ въ поступкахъ обвиняемыхъ нѣтъ ни тѣни злаго умысла противъ власти или установленнаго порядка; обыкновенно въ такихъ случаяхъ крестьянинъ бываетъ искренно убѣжденъ, что идетъ на защиту правды и закона. Такимъ образомъ, истинною виновницею громаднаго большинства подобныхъ преступленій является не „злая воля“ мужика, но исключительно его „темнота“.

„Мы люди темные“—не рѣдко говорятъ обвиняемые... и покорно идутъ съ такимъ сознаніемъ на каторгу или въ арестантскія роты. Но противъ народной темноты гораздо болѣе дѣйствительнымъ средствомъ, чѣмъ каторга, является простая грамотность и мѣры юридическаго воспитанія народа. При полномъ не знаніи чуть не всею массою гражданъ своихъ правъ и обязанностей и, слѣдовательно, при неспособности населенія отстаивать свои права и добросовѣстно исполнять свои обязанности, водвореніе законности и порядка въ русской жизни представляется наивной мечтой. Судъ только такъ или иначе, рѣшеніемъ или карательнымъ приговоромъ, возстановляетъ попранное право, но охраненіе права отъ нарушеній въ жизни цѣликомъ составляетъ дѣло и задачу правосознанія и правового развитія самихъ гражданъ. Крѣпки и живы въ жизни народной только законы понятые и сознанные. По этому, первой мѣрой къ осуществленію завѣщанной покойнымъ императоромъ Александромъ III задачи: *„сдѣлать такъ, чтобы, наконецъ, дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи“*—должно служить распространеніе грамотности и доставленіе уже обученному грамотѣ народу возможности дальнѣйшаго самообразованія.

Въ дѣлѣ водворенія закона въ жизнь народа громадное значеніе имѣетъ также и строго законный образъ дѣйствій администраціи. Насаждать законъ должны прежде всего его исполнители. Къ сожалѣнію въ нашемъ отдаленномъ историческомъ и болѣе близкомъ прошломъ господствовало черезъ чуръ вольное отношеніе къ закону. „Законъ—что дышло: какъ повернешь, такъ и вышло“ говоритъ народная пословица, и съ прискорбіемъ надо сознаться, что ею гораздо больше, чѣмъ самимъ закономъ, руководствовались многіе представители администраціи. Эта наклонность выразилась, между прочимъ, въ большомъ количествѣ дѣлъ по превышенію власти. Одинъ изъ типичныхъ случаевъ такого превышенія власти администраторомъ, примѣнявшимъ административную высылку на основаніи усиленной охраны безъ всякихъ политическихъ мотивовъ, положеніемъ объ усиленной охранѣ предусмотрѣнныхъ, вызвалъ въ минувшемъ году разъясненіе правительствующаго сената, коимъ личное усмотрѣніе градоначальниковъ и генералъ-губернаторовъ въ примѣненіи административной высылки подверглось значительному ограниченію.

Это сенатское разъясненіе закона, самая временность и исключительность котораго требуетъ особенной осмотрительности въ его примѣненіи, нельзя не считать важнымъ пріобрѣтеніемъ въ дѣлѣ укрѣпленія законности—за минувшій годъ. Залогомъ наступающей эры строгой законности въ дѣятельности нашей администраціи служитъ назначеніе на высокую должность министра внутреннихъ дѣлъ и его товарища двухъ

выдающихся дѣятелей судебнаго вѣдомства и законовѣдовъ И. Л. Горемыкина и Н. А. Неклюдова. Почти тотчасъ же вслѣдъ за назначеніемъ И. Л. Горемыкина по министерству Внутреннихъ Дѣлъ состоялись важныя перемѣны въ личномъ составѣ, служащія также показателемъ новаго курса нашей внутренней политики.

Такой же залогъ бóльшого порядка и законности видимъ мы и въ состоявшейся передачѣ тюремнаго управленія изъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдомство министерства юстиціи. Надѣемся, что подъ вѣдѣніемъ министерства юстиціи будутъ существенно измѣнены и упорядочены способы заключенія въ тюрьму до приговоровъ суда, и вся современная, оставляющая слишкомъ много мѣста для личнаго усмотрѣнія слѣдователей и прокуратуры, система такъ называемаго предварительнаго заключенія, какъ мѣра предупрежденія и пресѣченія подсудимому уклоняться отъ слѣдствія, подвергнется коренному пересмотру.

Комиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ обсуждаетъ вопросъ о типѣ мѣстнаго, наиболѣе близкаго къ населенію суда, а газетные слухи упорно говорятъ будто бы министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ вырабатываютъ проектъ отдѣленія отъ земскихъ начальниковъ судебныхъ обязанностей, какъ несовмѣстимыхъ съ ихъ энергичной административною дѣятельностью. Намъ остается только пожелать, чтобы этою мѣрою было возстановлено то естественное раздѣленіе властей судебной и административной—которое строго проводится, какъ основное правило государственнаго устройства во всѣхъ образованныхъ странахъ міра, вопреки нашимъ якобы охранительнымъ, но въ сущности противообщественнымъ теченіямъ, стремящимся объединить въ одномъ лицѣ и судъ и расправу.

Привѣтствуя начавшуюся эру законности, мы видимъ въ ней близкую ликвидацію пагубнаго и слѣпого предразсудка, будто бы силу власти составляетъ произволъ. Власть такъ крѣпка любовію народной, она опирается на такіе прочные устои народной преданности и, наконецъ, такъ прекрасно вооружена закономъ, что всякія чрезвычайныя диктаторскія полномочія, оправдываемыя только исключительными требованіями военнаго или смутнаго времени, дѣлаются совершенно излишними. Страхъ никогда и нигдѣ не составлялъ того цемента, который связываетъ отдѣльныхъ людей въ одинъ общій великій государственный союзъ. Въ семейство ли, въ государство ли, насъ соединяетъ только любовь и начало общности интересовъ. И если такіе союзы не распадаются даже въ смутныя времена различныхъ броженій, то отнюдь не въ силу устрашающихъ мѣръ, а скорѣе именно не смотря на эти мѣры. Ужасъ топора и гильотины былъ нуженъ для минутныхъ узурпаторовъ революціоннаго

конвента, но не для законной власти въ странѣ, признанной волею народа. Мирное теченіе нашей общественной жизни въ послѣдніе годы дѣлаетъ вполнѣ современною и возможной отмѣну особаго положенія въ столицахъ, Кіевѣ и Одессѣ, и невольно заставляетъ вѣрить настойчивымъ слухамъ объ упраздненіи генералъ-губернаторствъ.

Соединеніе нашей отдаленной восточной окраины съ центромъ Россіи великой сибирской дорогой дѣлаетъ своевременнымъ введеніе судебныхъ уставовъ въ этой странѣ дореформеннаго безправія и безгласныхъ подъяческихъ судовъ. Надѣемся, что начавшійся годъ будетъ годомъ рожденія гласнаго сибирскаго суда.

Предпринятое свыше благое дѣло возстановленія закона представляетъ большія трудности въ глубокой гражданской деморализаціи общества и народа. Для борьбы съ нею, въ видахъ юридическаго воспитанія свыкшихся съ безправіемъ гражданъ быть можетъ окажутся не безполезными нѣкоторыя чисто законодательныя мѣры. Намъ необходимо выработать взглядъ на право, какъ на обязанность, и тѣмъ создать такъ сказать юридическое понужденіе къ защитѣ права. Законъ, по существу отношеній, давая намъ права, тѣмъ самымъ налагаетъ на насъ нравственную обязанность защищать ихъ отъ всякихъ посягательствъ. Человѣкъ, позволяющій безнаказанно оскорблять себя словомъ или дѣйствіемъ, выносящій безъ ропота и посильнаго протеста, страха ради іудейска, нарушеніе личной своей неприкосновенности, долженъ не только вызывать къ себѣ нравственное отвращеніе, но въ иныхъ случаяхъ даже подлежать карѣ закона, какъ попуститель и безмолвный соучастникъ нарушеній закономъ установленнаго порядка. Въ этихъ случаяхъ покорность преступна потому, что крайне вредна для общества. Безотвѣтность оскорбленнаго питаетъ необузданность оскорбителей и создаетъ ядовитую, разъѣдающую общественныя нравы, атмосферу беззаконія. Когда мы сами научимся уважать свои права, тогда—и только тогда они будутъ уважаться и другими и наша общественная жизнь войдетъ въ нормы закона, которыя предначерталъ ей мудрый законодатель.

Есть у насъ совершенно, повидимому, невинныя учрежденія, которыя, кажется, чуть не съ самаго дня рожденія преслѣдуютъ злой рокъ. Они похожи на тѣхъ неудачниковъ дѣтей, которымъ вездѣ не везетъ и которыя и дома, и въ гостяхъ, и въ гимназіи, благодаря вѣчно случающимся съ ними роковымъ нечаяннностямъ и непріятнымъ исторіямъ, слу-

жатъ источникомъ непрерывныхъ огорченій для родителей и руководителей. Такимъ-то неудачнымъ дѣтищемъ оказался для нашего министерства финансовъ, крестьянскій банкъ. Основанный Н. Х. Бунге, онъ еще при управленіи Е. Г. Картавцева вызывалъ на министерство безпрерывныя нареканія въ тайной и явной неблагонамѣренности со стороны наиболѣе оголтѣлыхъ органовъ нашей якобы охранительной печати. Консервативные Равашоли полупокойнаго нынѣ „Гражданина“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ не постѣснялись открыто заподозрѣвать политическую благонамѣренность министра и управляющаго банкомъ и не стѣсняясь толковали о „красномъ“ направленіи нашей финансовой политики. Съ тѣхъ поръ очень многое измѣнилось: не только направленіе финансовой политики, но и составъ лицъ, управляющихъ министерствомъ и банкомъ, былъ дважды обновленъ, а прежнія нареканія по поводу тенденцій банка раздаются и по сіе время и притомъ не со столбцовъ московскаго органа принявшихъ консервативное крещеніе террористовъ или тайнаго анархиста Мещерскаго, а въ сферахъ несравненно болѣе авторитетныхъ и потому болѣе отвѣтственныхъ. Подобныя нападки могли бы вызвать глубокое удивленіе, если бы ихъ нельзя было объяснить тяготѣющимъ надъ этимъ учрежденіемъ злымъ рокомъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не странно: нашему теперешнему министерству финансовъ не стоило большого труда провести и широкія конверсіи и чуть не насильственное навязываніе населенію золота, запасы котораго въ гос. банкѣ и кладовыхъ почему-то вдругъ признаны излишними,—блестяще удается и ежегодное сведеніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ и цѣлый рядъ такихъ преобразованій, какъ напр. объединеніе въ синдикаты нефтяного и мукомольнаго производствъ и регламентація промышленности и общая реформа государственнаго банка и грандіозныя операціи по закупкѣ помѣщичьяго хлѣба для подъема цѣнъ на зерно и т. д. И вотъ вдругъ такое простое мѣропріятіе, какъ разрѣшеніе опальному крестьянскому банку скупать для перепродажи крестьянамъ идущіе съ торговъ частныя имѣнія, вызываетъ громы нареканій чуть не въ соціализмѣ и враждѣ къ дворянскому элементу! До сихъ поръ банкъ выполнялъ только пассивную посредническую роль, выдавая для покупки ссуды въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне уже сторговали землю, теперь же предположено сдѣлать банкъ и покупателемъ и продавцомъ. Отчасти при этомъ имѣлась въ виду возможность устраивать крестьянъ значительно дешевле, чѣмъ они могутъ устроиваться сами, съ другой же стороны этимъ достигается очень удобный выходъ для дворянскаго банка, на рукахъ котораго остается множество имѣній неисправныхъ должниковъ и наконецъ для самихъ гг. дворянъ.

Нѣкоторыя затрудненія при исполненіи предположенныхъ операцій купли продажи представляетъ собою возможность болѣе или менѣе долговременнаго пребыванія земли, въ срокъ отъ покупки до продажи, во владѣніи самого банка: земля можетъ быть продана не въ каждую любую минуту, иногда даже и помимо отсутствующихъ въ дѣятельности такого учрежденія чисто коммерческихъ соображеній она должна подождать покупщика и годъ и два—что мы и видимъ съ имѣніями, оставшимися на рукахъ банка послѣ торговъ—а въ такихъ случаяхъ банку волей не волей придется заниматься хозяйствомъ въ разбросанныхъ по всей Руси имѣніяхъ или же сдавать ихъ въ аренду. Казенное хозяйство на землѣ до сихъ поръ, сколько помнится, не приносило хорошихъ послѣдствій, не говоря уже о томъ, что оно потребовало бы особаго личнаго состава и такой организаціи, которыми крестьянскій банкъ пока еще не располагаетъ.

Мелочная распродажа имѣній отдѣльнымъ крестьянамъ тоже требуетъ большихъ и умѣлыхъ заботъ на мѣстахъ и большого контроля, столь затруднительнаго для центральнаго учрежденія. Поэтому было бы желательно, чтобы при распродажахъ земли банкъ не покровительствовалъ частнымъ лицамъ, а продавалъ бы землю только цѣлымъ обществамъ и при томъ на началахъ равномѣрнаго общиннаго пользованія ею, точно такъ же какъ и надѣльными угодіями. Вся эта операція должна бы носить характеръ земельнаго устроенія цѣлыхъ обществъ, при чемъ покупная цѣна могла бы взиматься съ отдѣльныхъ домохозяевъ въ видѣ равномѣрныхъ выкупныхъ платежей. Только при такомъ условіи могутъ быть обойдены громадныя затрудненія, которыя представитъ мелкая распродажа отдѣльнымъ лицамъ разрозненныхъ участковъ скупленной земли на мѣстахъ для отдаленнаго центральнаго учрежденія.

Съ точки зрѣнія самихъ узко-сословныхъ дворянскихъ интересовъ предоставленіе крестьянскому банку права скупки дворянскихъ имѣній безусловно выгодно и желательно. Само собою очевидно, что къ крестьянамъ черезъ банкъ попадутъ только тѣ имѣнія, которыя уже ушли изъ рукъ дворянъ. Перепродажа земли крестьянамъ составляетъ только самую выгодную и безубыточную ликвидацію дворянскаго землевладѣнія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно оказалось экономически невозможнымъ и для самихъ дворянъ убыточнымъ. Не знаемъ съ какой точки зрѣнія дворянамъ интереснѣе имѣть своими наслѣдниками по землѣ не крестьянъ, обрабатывающихъ эту землю, а разбогатѣвшихъ проходимцевъ, купцовъ, кулаковъ, прасоловъ, кабатчиковъ и т. д., являющихся въ настоящее время главными скупщиками разоренныхъ дворянскихъ имѣній. Дѣло идетъ не о дворянахъ, но объ земельномъ наслѣдствѣ послѣ нихъ, и тѣ, кто

возстаетъ противъ законныхъ правъ прямого наслѣдника—крестьянства во имя якобы дворянства, въ дѣйствительности только отстаиваетъ, подъ видомъ дворянскихъ интересовъ, интересы всяческихъ людей и людишекъ капитала, новоявленныхъ помѣщиковъ изъ кабатчиковъ и прасоловъ, алчные апетиты хищныхъ эксплоататоровъ крестьянъ и земли. Государство совершенно не заинтересовано въ процвѣтаніи этого хищнаго разлагающагося и некультурнаго элемента, а благородное русское дворянство, всегда умѣвшее стать въ лицѣ своихъ просвѣщенныхъ представителей, начиная съ Новикова и Радищева и кончая Черкасскимъ, Милютинымъ и Самаринымъ и прочими дѣятелями освобожденія выше своихъ сословныхъ выгодъ, можетъ только оскорбляться такимъ отождествленіемъ съ самыми темными силами русскаго общества.

Глубокое впечатлѣніе на всю читающую Россію произвели въ высшей степени примѣчательныя отмѣтки Государя Императора на всеподданѣйшихъ отчетахъ губернаторовъ астраханскаго и херсонскаго, засвидѣтельствовавшихъ растущую потребность населенія въ образованіи и недостаточность средствъ, имѣющихся для ея удовлетворенія. Его Императорское Величество соблаговолилъ на отчетѣ астраханскаго губернатора сдѣлать отмѣтку: *„Слѣдуетъ прійти на помощь населенію въ этомъ насущномъ для него вопросѣ“*. На отчетѣ же херсонскаго губернатора, указавшаго на недостатокъ школъ, Государю Императору угодно было отмѣтить: „Обращаю самое серьезное вниманіе министерства народнаго просвѣщенія“.

Слова Государя освѣжили надежды, подкрѣпили силы всѣхъ трудящихся на нивѣ народнаго просвѣщенія. Никогда вопросъ о народномъ образованіи не обсуждался такъ много, такъ горячо, какъ это было въ минувшемъ году. Говорили о немъ и въ обществѣ, и въ печати, и въ земствѣ. Многія земства уже сильно расширили свою дѣятельность по народному образованію; нѣкоторыми изъ нихъ дѣлаются попытки къ введенію даже всеобщаго обученія. Духовному вѣдомству ассигнованы значительные кредиты на распространеніе церковно-приходскихъ училищъ и школъ грамоты. Все это въ высшей степени отрадно, и мы, говоря откровенно, совершенно не понимаемъ той страстной борьбы, которая возгорѣлась между сторонниками духовной школы съ одной стороны и свѣтской — съ другой. Работы такъ много, что хватитъ для всѣхъ. Какъ ни желательно близкое и дѣятельное участіе священника въ школьномъ дѣлѣ, но передать дѣло начальнаго образованія въ исключительное вѣдѣніе духовенства—значило бы отказаться отъ громадной доли средствъ, которыми мы для этой цѣли располагаемъ. Нельзя, вѣдь, закрывать глаза и на такіе факты, которые съ несомнѣн-

ностью доказываютъ, что не одинъ только недостатокъ денежныхъ средствъ препятствуетъ духовенству пользоваться своимъ святымъ правомъ обучать народъ. Въ елизаветградскомъ уѣздѣ (херсонской губ.), напримѣръ, земство ассигновало на церковно-приходскія школы 3,000 р., но эти деньги остались неразобранными; на слѣдующій годъ ассигновка была уменьшена до 1,500 р., но и изъ нихъ было взято священниками только 900 р. („Недѣля“, № 42).

Духовное начальство можетъ, конечно, понудить священника относиться съ большимъ вниманіемъ къ его школьнымъ обязанностямъ. Но кто же изъ насъ не знаетъ, что учитель „по неволѣ“, обремененный къ тому же множествомъ другихъ обязанностей, — очень плохой учитель. Чтобы дѣло спорилось, надо любить его и это, въ особенности, вѣрно по отношенію къ школьному дѣлу. Намъ думается, поэтому, что благоразумнѣе было бы не предрѣшать, въ настоящее время, вопроса объ исключительномъ типѣ школы. Пусть духовное вѣдомство распространяетъ церковно-приходскія школы, пусть министерство народнаго образованія и земства учреждаютъ свѣтскія школы,—время покажетъ, кто справится лучше съ трудной задачей; во всякомъ случаѣ ничьи усилія даромъ не пропадутъ, никто другъ другу не помѣшаетъ...

Въ минувшемъ же году учреждена была комиссія, куда вошли представители отъ разныхъ вѣдомствъ, для обсужденія вопроса объ обязательности школьнаго обученія малолѣтнихъ рабочихъ и о необходимости отнести расходы по устройству и содержанію этихъ школъ на средства фабрикъ и заводовъ, для чего предположено установить особый налогъ съ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, по числу рабочихъ, употребляемыхъ ими въ производствѣ. Намъ не извѣстно къ какимъ заключеніямъ пришла эта комиссія, но съ точки зрѣнія интересовъ государства и народа (это одно и то же) отвѣтъ на оба поставленные вопроса можетъ быть только положительнымъ. Помимо того для самихъ хозяевъ очень важно имѣть развитыхъ, по возможности, рабочихъ. Есть хозяева, которые это понимаютъ и сами, безъ всякаго понужденія, устраиваютъ на своихъ фабрикахъ и заводахъ школы для дѣтей рабочихъ, не привлеченныхъ еще къ работѣ, и для малолѣтнихъ рабочихъ. Но большинство нашихъ фабрикантовъ и заводчиковъ не считаютъ нужнымъ поступиться хотя бы и ничтожной суммой на школу для тѣхъ, кто потомъ и кровью своею созидаютъ ихъ богатства. Этимъ-то фабрикантамъ и заводчикамъ законъ долженъ выяснить ихъ обязанности по отношенію къ покровительствующему имъ государству. къ трудящемуся на нихъ рабочему люду

и, наконецъ, къ собственному ихъ предпріятію. Не затянулись бы только слишкомъ занятія комиссіи. Вопросъ очень ясный и чѣмъ скорѣе его разрѣшить, тѣмъ лучше.

Добрымъ словомъ слѣдуетъ помянуть старанія многихъ земскихъ собраній и ученыхъ обществъ съ Императорскимъ Вольно-Экономическимъ во главѣ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Какъ извѣстно, 29-го сентября м. г. Императорское Вольно-Экономическое Общество постановило ходатайствовать передъ правительствомъ объ освобожденіи крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія. Такія же ходатайства поступаютъ изъ всѣхъ концовъ Россіи. Характеръ дѣятельности лицъ, стоящихъ нынѣ у кормила правленія, даетъ полное основаніе надѣяться, что эти ходатайства не пройдутъ безслѣдно.

Выяснять здѣсь весь позоръ, всю жестокость, всю несправедливость и нецѣлесообразность примѣненія тѣлесныхъ наказаній, считаемъ излишнимъ. Объ этомъ говорилось болѣе, чѣмъ достаточно (см. между прочимъ, замѣтку—„Перезрѣвшій вопросъ“—„Русская Бес.“, октябрь 1895 г.). Отмѣтимъ только характерныя сужденія по поводу этого вопроса нѣкоторыхъ нашихъ консервативныхъ органовъ. Любопытно, прежде всего, что даже такимъ поборникамъ тьмы, какъ г. Букѣевскій, совѣстно уже прославлять розги, какъ благодѣтельную и спасительную мѣру воздѣйствія на народъ. Онъ, г. Букѣевскій, не можетъ не признать, что тѣлесное наказаніе жестче и грубѣе другихъ видовъ наказаній, что оно болѣе чѣмъ послѣднія потрясаетъ организмъ человѣка и болѣе унижаетъ его человѣческое достоинство“ („Рус. Об.“—Декабрь 95 г., стр. 1033). Но онъ не понимаетъ, почему этотъ видъ наказанія, „примѣнявшійся издавна“, оказался вдругъ позоромъ для Россіи. Вопросъ объ оставленіи или отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, по мнѣнію Букѣевскаго,—вопросъ „узко-спеціальный“, долженствующій интересовать однихъ ученыхъ криминалистовъ. Заговорили же о немъ въ земствахъ, очевидно, изъ желанія агитировать, политиканствовать, пристроиться такъ или иначе къ дѣлу государственнаго правленія. Такая агитація, предупреждаетъ г. Букѣевскій, можетъ только повредить дѣлу, ибо „отмѣна тѣлеснаго наказанія, послѣ агитаціи, могла бы быть принята какъ уступка“ „движенію“, и, конечно, лишь вызвала бы подобныя же движенія и по другимъ государственнымъ вопросамъ, то-есть неожиданно фактически создала бы у насъ нѣкую „конституцію“. Спорить съ г. Букѣевскимъ мы, конечно, не будемъ. Позоръ можно чувствовать, но его нельзя доказать. Если г. Букѣевскому не стыдно того обстоятельства, что сто

милліоновъ его братьевъ, наравнѣ со скотомъ безсловеснымъ, подлежатъ сѣченію, то какъ ему доказать, что онъ долженъ этого стыдиться?.. Но почему же г. Букѣевскому не допустить, что *другимъ*-то дѣйствительно стыдно. Развѣ это такъ невѣроятно? Развѣ у привиллегированныхъ счастливцевъ не можетъ быть вовсе искренняго желанія поднять нравственное достоинство нашего кормильца и защитника?

Напрасно г. Букѣевскій надѣется, что возбужденныя земствами и учеными обществами ходатайства повредятъ дѣлу. Нѣтъ ничего неестественнаго и опаснаго для прочности нашего государственнаго строя въ томъ, что представители всей мыслящей и чувствующей Россіи заявляютъ правительству о своихъ нуждахъ. Иначе и быть не можетъ. Развѣ мыслимо было бы правительству знать все, что для благосостоянія и нравственнаго преуспѣянія народа требуется, если бы страна хранила постоянно гробовое молчаніе. Россія—не Персія, Русскій народъ—не Букѣевская орда какая-нибудь. Залогомъ дальнѣйшаго роста нашего великаго государства, и въ матеріальномъ, и въ духовномъ отношеніи, является единеніе между правительствомъ и народомъ, а не угнетеніе и приниженіе послѣдняго.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра внутреннихъ дѣлъ докладу, состоявшемуся, по соглашенію съ министромъ юстиціи, 7-го декабря 1895 г. повелѣть соизволилъ:

I. Въ видѣ временной мѣры, впредь до пересмотра дѣйствующихъ объ административной высылкѣ узаконеній, предположенія генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ о воспрещеніи пребыванія въ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностяхъ отдѣльнымъ лицамъ, признаваемымъ вредными для общественнаго спокойствія, вслѣдствіе порочнаго ихъ поведенія (св. зак. т. XIV уст. пред. прест. ст. 1 (примѣч. 2) прилож. 1, положеніе о мѣр. охр. госуд. пор. и общ. сп. ст. 16 п 4),—приводить въ исполненіе не иначе, какъ по предварительномъ каждый разъ разсмотрѣніи и утвержденіи предположенной мѣры порядкомъ, означеннымъ въ статьяхъ 33—53 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (уст. пред. прест., то же приложеніе).

II. Разъяснить: 1) что жалобы на распоряженія генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ, послѣдовавшія на основаніи пункта 4 статьи 16 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, не подлежатъ разсмотрѣнію внѣ порядка, опредѣленнаго въ статьяхъ 1 и 2 сего положенія, и 2) что

при обсужденіи означенныхъ жалобъ должны быть принимаемы въ соображеніе послужившія основаніемъ къ принятію обжалованной мѣры, данныя о политической неблагонадежности лица, коего мѣра сія касается, или о той опасности, которую оно представляетъ для общественнаго спокойствія вслѣдствіе порочнаго своего поведенія.

III. Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ: 1) безотлагательно подвергнуть пересмотру дѣйствующія постановленія объ административной высылкѣ и 2) войти въ соображеніе вопроса объ измѣненіи и дополненіи, въ чемъ окажется нужнымъ, правилъ, изложенныхъ въ примѣчаніи 4 къ ст. 959 законовъ о состояніяхъ (св. зак. т. IX, по продол. 1890 г.), и предположенія свои по симъ предметамъ представить, по сношеніи съ министерствомъ юстиціи, на высочайшее утвержденіе установленнымъ порядкомъ.

Правда и милость да царствуютъ въ судахъ.

Предлагаемая читателямъ «Русской Бесѣды» статейка написана нами пять лѣтъ тому назадъ и предназначалась для «Благовѣста», но не могла быть въ немъ напечатана «по несоотвѣтствію ея программѣ этого изданія» и потому еще, что случай, побудившій тогда насъ взяться за перо, и безъ того былъ предметомъ горячихъ толковъ, волновавшихъ общественное чувство. Теперь онъ всѣми давно забытъ, и, какъ мы узнали потомъ отъ людей, хорошо освѣдомленныхъ, подробности дѣла были вовсе не таковы, какими онѣ изображены у насъ. Поэтому мы просимъ теперь нашихъ читателей считать это изображеніе не воспроизведеніемъ дѣйствительности, а вымысломъ, которымъ мы пользуемся для того только, чтобы ярче освѣтить ту главную мысль нашей статьи, что въ христіанскомъ государствѣ судъ долженъ быть правый, милостивый и во всякомъ случаѣ «безкровный». Эта мысль, конечно, не нова; но мы думаемъ, что ее не лишнее повторять на всѣ лады до тѣхъ поръ, пока она не завоюетъ себѣ всеобщаго и полнаго признанія.

По Петербургу, а также и по другимъ весямъ и городамъ, передается изъ устъ въ уста волнующій умы и тревожащій сердца разсказъ объ одной ужасной и, увы!—непоправимой судебной ошибкѣ. Стоустая молва, какъ всегда, до безконечности разнообразитъ и, быть можетъ, преувеличиваетъ тѣневыя стороны дѣла, но потому-то именно и не слѣдуетъ замалчивать его въ печати. Пусть тѣ, на кого падаетъ въ этомъ дѣлѣ отвѣтственность, разъяснятъ, какъ

оно дѣйствительно было: чѣмъ обусловливалась роковая ошибка приговора и торопливость его выполненія.

Суть дѣла, по разсказамъ, такова: Въ одну изъ нашихъ многочисленныхъ окраинъ, находящихся на особомъ положеніи, былъ переведенъ изъ столицы фельдфебель. Фельдфебель этотъ, будто-бы, своимъ грубымъ до жестокости обращеніемъ съ нижними чинами сдѣлался имъ ненавистенъ. И вотъ, въ одинъ несчастный день трое нижнихъ чиновъ, ѣздившіе куда-то по службѣ, являются къ начальству съ заявленіемъ, что они наткнулись за городомъ на трупъ своего фельдфебеля, а по нѣкоторымъ пересказамъ они же и привезли въ полкъ тѣло убитаго. За отсутствіемъ уликъ противъ кого либо иного, въ убійствѣ заподозрѣваются заявившіе о немъ. Наряжается надъ ними полевой судъ. У суда прямыхъ доказательствъ виновности подсудимыхъ нѣтъ; но преступленіе выходитъ по своей обстановкѣ и значенію изъ ряду вонъ: вѣдь, убитый былъ ненавистенъ нижнимъ чинамъ, такъ, по всей вѣроятности, это убійство есть не что иное, какъ самосудъ, расправа подчиненныхъ надъ непонравившимся имъ строгимъ начальникомъ; необходимо поэтому безпощадное и быстрое возмездіе, иначе—погибнетъ дисциплина! Итакъ, Молоху возмездія и дисциплины требуется неотложная, кровавая жертва; и если прямыхъ уликъ противъ обреченныхъ въ жертву нѣтъ, то слѣдуетъ удовольствоваться и косвенными. Нижніе чины были недовольны убитымъ, кто же какъ не изъ нихъ кто-нибудь его и убилъ? Подсудимые тоже нижніе чины, они донесли о преступленіи, которое, вѣроятно, сами же и совершили, а донесеніе ихъ не что иное, какъ попытка замести за собою слѣдъ. При такихъ обстоятельствахъ можно ли «правосудію», останавливаться передъ недостаточностію доказательствъ?—Pereat justitia—fiat disciplina! И смертный приговоръ произнесенъ.

Двое изъ осужденныхъ были простые и бѣдные люди; о нихъ некому было постараться и похлопотать. Родные ихъ невѣсть гдѣ, и, Богъ вѣсть, знаютъ ли даже о той бѣдѣ, какая надъ ними стряслась. Но отецъ третьяго осужденнаго, юноши-вольноопредѣляющагося,—извѣстный русскій купецъ-богачъ. Онъ во-время узнаетъ о грозящей его сыну участи, спѣшитъ къ представителю власти, отъ

котораго зависитъ утвержденіе приговора, клянется ему въ невиновности своего сына и заклинаетъ его не спѣшить утвержденіемъ ужаснаго приговора и приказать дослѣдовать не вполнѣ ясное дѣло. Но приговоръ утвержденъ.

Тогда отецъ духовный присоединяется къ мольбамъ родного отца, свидѣтельствуя передъ тѣмъ же представителемъ власти о своемъ глубокомъ и полномъ убѣжденіи въ невинности осужденнаго. Но никакія мольбы, никакія авторитетныя, казалось бы, завѣренія и свидѣтельства іерейской совѣсти не дѣйствуютъ: уступить имъ, отсрочить казнь—представляется власть имущему слабостію, отъ которой можетъ пострадать дисциплина. Итакъ: fiat disciplina, fiat justitia—pereat mundus! Казнь свершена.

А вслѣдъ за этимъ является съ повинною дѣйствительный убійца, совершившій преступленіе изъ ревности или корысти, такъ-что дисциплина, которой принесено три человѣческія жертвы, оказалась ровно не причемъ.

Не поругана ли въ этомъ дѣлѣ не только справедливость, но и самая дисциплина? ибо безъ первой не можетъ быть второй!

Мы разсказали сейчасъ то, что съ разными дополненіями ходитъ по городу и по народу. Если въ этомъ разсказѣ есть вымыселъ и ложь, то необходимо авторитетнымъ сообщеніемъ опровергнуть ложь и разъяснить истину.

Но если бы даже все, разсказанное нами, оказалось сплошнымъ вымысломъ, то и въ такомъ случаѣ надъ этимъ разсказомъ стоитъ сильно пораздумать. Чрезвычайно важно уже то, что содержаніе разсказа вѣроятно и правдоподобно. Роковая ошибка, о которой идетъ молва,—осужденіе человѣка на основаніи косвенныхъ только уликъ, при неполномъ, слѣдовательно, убѣжденіи въ его виновности, въ настоящее время, при торжествующемъ у насъ теперь направленіи мысли, при господствѣ исключительныхъ судовъ и при преслѣдованіи судами, независимо отъ справедливости, еще иныхъ, постороннихъ правосудію цѣлей,—вполнѣ возможны; мало того—такія ошибки неизбѣжны, а при легкомъ примѣненіи исключительными судами смертной казни эти ошибки и непоправимы.

Напрасно пролитая кровь вопіетъ къ Богу и людямъ! Но чѣмъ можетъ быть удовлетворено божественное правосудіе и людская совѣсть? Отнюдь не возмездіемъ опрометчивымъ судьямъ: да отпустится имъ, ибо они не знали сами, что они дѣлали, и ихъ, конечно, достаточно казнитъ теперь ихъ собственная совѣсть! Удовлетвореніе, однакоже, требуется и Богомъ и людьми; но этимъ удовлетвореніемъ можетъ быть только возвращеніе и власти, и общественнаго сознанія къ той, не такъ еще давно, всего четверть вѣка тому назадъ, всѣми, было, признанной, для всѣхъ казавшейся тогда несомнѣнною и ясной, но затѣмъ, какъ будто, утраченной нами или затуманившейся въ нашемъ сознаніи истины—что правда и милость однѣ только должны царствовать въ судахъ и никакимъ инымъ, постороннимъ вліяніямъ не должно быть туда доступа!

Единственною и вѣковѣчною цѣлью правосудія должна и можетъ быть только справедливость, т. е.: раскрытіе истины, обнаруженіе дѣйствительнаго виновника преступленія, точное установленіе его вины и затѣмъ приложеніе къ несомнѣнному уже виновнику законной кары. Подмѣнять же эту единственно достойную суда цѣль какою либо другою, какъ бы ни казалась эта другая цѣль сама по себѣ высока,—будетъ-ли этою цѣлью утвержденіе дисциплины, укрѣпленіе политическихъ и общественныхъ вершинъ или основъ, или даже самой вѣры,—все равно: подмѣнять любою изъ этихъ цѣлей единственную цѣль суда—справедливость, это значитъ замѣнять судъ безсудіемъ, плоды котораго будутъ прямо противоположны благой, но ложно поставленной цѣли.

Вторымъ удовлетвореніемъ оскорбленной истинѣ и возмущенному людскому чувству было-бы признаніе излишними и неудобными въ мирныя времена исключительныхъ судовъ и такого исключительнаго изъ исключительныхъ наказаній, какъ смертная казнь. Исключительные суды въ меньшей степени сравнительно съ общими судами обладаютъ способностію правосудія, т. е. раскрытія истины и безошибочности опредѣленія вины и примѣненія къ ней закона. Смертная же казнь дѣлаетъ ошибку суда совершенно непоправимой и

вредъ, приносимый этою ошибкой, ничѣмъ не вознаградимымъ; а что суды, и не исключительные только, а и всякій человѣческій судъ, способны легко ошибаться, это доказано уже тысячи разъ, и случай, давшій поводъ къ настоящему разсужденію, доказываетъ это еще одинъ и, конечно, не послѣдній разъ!

Но даже и при полной несомнѣнности и какой угодно тягости вины, праву общественной власти вязать и карать должны быть нѣкоторыя границы! Душа даже и преступника, даже и закоренѣлаго, на нашъ взглядъ, злодѣя должна быть для насъ священна. И для Скублинской возможно покаяніе; сегодняшній преступникъ и злодѣй завтра можетъ сдѣлаться праведникомъ, и никто изъ людей не вправѣ закрывать къ тому другому человѣку двери! Отнять у другого жизнь можно только въ безысходной крайности — въ состояніи необходимой обороны: такова война, такова защита себя или другого отъ непосредственно грозящей и неотвратимой иначе опасности. Во всѣхъ иныхъ случаяхъ лишеніе жизни человѣка, будь онъ изъ преступниковъ преступникъ, является не законнымъ возмездіемъ за преступленіе, а въ свою очередь новымъ преступленіемъ, тѣмъ болѣе тяжкимъ, что оно совершается цѣлымъ обществомъ надъ отдѣльнымъ человѣкомъ, т. е. неизмѣримо сильнымъ надъ неизмѣримо слабымъ, уже обезвреженнымъ и связаннымъ. Прекрасно выражено это въ одномъ мало извѣстномъ обществу стихотвореніи А. С. Хомякова, который и въ этомъ вопросѣ также поучителенъ и правъ, какъ и во всемъ, чего ни касалась его глубокая и свѣтлая мысль:

«Ты вихремъ летишь на конѣ боевомъ
Съ дружиной своей удалою,
И врагъ побѣжденный упалъ, подъ конемъ
Безсильный лежитъ предъ тобою:
Сойдешь-ли съ коня, поднимешь-ли мечъ,
Сорвешь-ли безсильную голову съ плечъ?
— Пусть бился онъ съ дикимъ неистовствомъ брани,
По селамъ, по градамъ пожары простеръ,—
Теперь онъ подъемлетъ молящія длани:
Убьешь-ли?
— О стыдъ и позоръ!

А если васъ много? Убьете-ли вы
Того, кто окованъ цѣпями?
Кто, стоптанный въ прахѣ, молящей главы
Не смѣетъ поднять передъ вами?
— Пусть духъ его черенъ, какъ мракъ гробовой,
Пусть сердце въ немъ подло, какъ червь гноевой,
Пусть кровью, разбоемъ онъ весь знаменованъ:
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ;
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ:
Убьете-ль?
— О стыдъ и позоръ!

Снимемъ же съ себя этотъ стыдъ и позоръ: вернемся къ сознанію необходимости суда праваго, милостиваго и безкровнаго! чтобы снова стали неложными слова того-же нашего великаго учителя А. С. Хомякова, обращенныя имъ нѣкогда къ Россіи:

Тебѣ Онъ далъ свое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ—
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ:
Хранить племенъ святое братство,
Любви зиждительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду и безкровный судъ!

Аѳ. Васильевъ.

14 окт. 1890 г.

Критическія бесѣды.

Итоги года.—Новые всходы.—Декаденты и символисты.—Декадентствующій журналъ—«Сѣверный Вѣстникъ». — Характеристика другихъ журналовъ: «Русскаго Богатства», «Русской Мысли», «Вѣстника Европы» и «Новаго Слова».

Чѣмъ будетъ помянутъ истекшій годъ въ смыслѣ литературномъ? Что внесъ онъ въ національную копилку первоклассныхъ произведеній слова и мысли, изъ которой черпаютъ и въ черныя и ясныя дни „пищу духовную" ряды поколѣній? Промелькнулъ ли онъ какъ скучный визитеръ, который пришелъ, посидѣлъ, наболталъ и исчезъ безслѣдно, подобно тѣмъ новогоднимъ посѣтителямъ въ бѣлыхъ галстухахъ и съ полускинутой перчаткой на лѣвой рукѣ, которые занимаютъ васъ пустымъ разговоромъ только въ теченіе пятиминутнаго визита и слова которыхъ забываются тотчасъ какъ только прозвучатъ, или же успѣлъ что-нибудь заронить въ вашу душу, бросилъ въ нее какую-нибудь живую мысль, живое слово, которое будетъ долго звучать въ ней? Какія произведенія, увидѣвшія свѣтъ въ минувшемъ 1895 г., доживутъ до недалекаго двадцатаго столѣтія, какія утонутъ въ Летѣ забвенія, не переживъ своей даты, подобно тѣмъ однодневнымъ бабочкамъ, которыя умираютъ съ закатомъ солнца, пробудившаго ихъ къ жизни?

Несомнѣнно будетъ долго жить и читаться „Хозяинъ и работникъ" Толстого; помянутъ скучные библіографы нашъ годъ и „Убійцею" Чехова, наиболѣе близкаго къ Толстому какъ по природѣ таланта, такъ и по тѣмъ сюжетамъ, на разработку которыхъ обращаетъ онъ послѣднее время свой талантъ. „Хозяинъ и работникъ" Толстого, „Убійца" Чехова и „Скорбная" Цуриковой—эти три выдающіяся произведенія года могутъ служить свидѣтельствомъ того, что мысль нашихъ крупныхъ писателей въ минувшемъ году была обращена на вопросъ религіозно-нравственной жизни народа и старалась освѣтить и свѣтлыя и мрачныя стороны его духовнаго быта.

Наше народничество имѣетъ богатую художественную литературу, созданную Григоровичемъ, Н. и Гл. Успенскими, Златовратскимъ и цѣлою плеядою ихъ послѣдователей, но до сихъ поръ народники беллетристы изображали въ своихъ произведеніяхъ преимущественно экономическую сторону народнаго быта, интересовались вопросами его хозяйственной и общественной жизни, нынѣ-же выдвигается на первый планъ духовная основа всего его житья-бытья, освѣщаются его религіозно-нравственные идеалы. Это по внѣшности какъ бы случайное литературное явленіе — появленіе трехъ упомянутыхъ разсказовъ Толстого, Чехова и Цуриковой, — составляетъ, надо думать, простой отголосокъ общаго поворота европейской мысли отъ наивныхъ крайностей самоувѣреннаго позитивизма къ отвлеченной метафизикѣ и даже мистикѣ. Этотъ поворотъ отъ реализма и позитивизма къ мистикѣ и метафизикѣ во всѣхъ областяхъ искусства отмѣченъ въ извѣстномъ письмѣ Эмиля Золя еще въ позапрошломъ году и тогда же вызвалъ отповѣдь нынѣ умершаго Дюма и Л. Толстого въ статьѣ „Недѣланіе". Въ истекшемъ же году новое настроеніе европейской литературы прогрессивно развиваясь и въ глубь и въ ширь, отразилось и на нашемъ народовѣдѣніи, значительно расширивъ рамки художественныхъ изслѣдованій: раньше, во времена „Отечественныхъ Записокъ" и Гл. Успенскаго, насъ занимало преимущественно то, какъ живетъ народъ, какъ его эксплоатируютъ; теперь же кромѣ того начинаетъ пробуждаться живая любознательность и къ тому: какъ и во что онъ вѣруетъ, какова его внутренняя духовная жизнь, каковы его религіозные идеалы? Къ этимъ новымъ запросамъ народничества мы можемъ отнестись только съ полнымъ сочувствіемъ, хотя бы во имя широты и разносторонности пониманія того народа, который, по мѣткому выраженію крайняго изъ нашихъ народолюбивыхъ западниковъ Тургенева, до сихъ поръ оставался для любящей его интеллигенціи, несмотря на всю любовь ея, какимъ-то таинственнымъ и непонятнымъ сфинксомъ.

Большой вкладъ въ художественное изображеніе нравственно-экономической жизни народа и государства составляетъ печатавшійся въ „Русской Мысли" романъ Мамина-Сибиряка „Хлѣбъ". Въ немъ много живыхъ и образныхъ типовъ или по крайней мѣрѣ фигуръ, пожалуй, слишкомъ много интригъ и преступленій; мѣстомъ дѣйствія служитъ восточная окраина Россіи, на изображеніи быта которой выросло и сложилось художественное дарованіе Мамина-Сибиряка, а фабула романа — то развращающее вліяніе, которое оказываетъ на нравы населенія вторженіе капитализма въ хлѣботорговлю, начало торгашеской купли-продажи въ хозяйственной жизни страны. Маминъ-Сибирякъ—типичный беллетристъ-этнографъ и въ этомъ смыслѣ дополнительный псевдонимъ „Сибирякъ"

составляетъ необходимѣйшую принадлежность его литературнаго имени, быть можетъ даже наиболѣе существенную. Большой поэтъ дикой сибирской природы и народнаго быта, онъ плохо усвоиваетъ своимъ этнографическимъ талантомъ типы и мотивы культурной интеллигентной жизни и поэтому является столь же слабымъ въ изображеніи сложныхъ петербургскихъ интеллигентовъ, какъ мощнымъ и яркимъ въ разработкѣ психологически несложныхъ этнографическихъ сюжетовъ. Его дарованіе, какъ мощный кедръ, выросшій на сибирскомъ склонѣ Урала, на дикой богатой почвѣ сибирской тайги, плохо прививается на нашей петербургской почвѣ, плохо поддается насильственной аклиматизаціи въ несродной ему атмосферѣ сложныхъ психическихъ и идейныхъ разладовъ нашей интеллигентной жизни. Особенно не даются ему интеллигентныя женщины, воплощающія въ себѣ всю сложность культуры своего вѣка. Этотъ упрекъ примѣнимъ даже къ женскимъ типамъ, дѣйствующимъ и въ такомъ, собственно говоря, полу-этнографическомъ очеркѣ, какъ напр. „Черты изъ жизни Пепко“ и въ напечатанномъ въ первыхъ двухъ книгахъ новаго журнала „Новое Слово“, разсказѣ изъ быта сибирскихъ ссыльныхъ „Безъ особенныхъ правъ“. Положительная и добродѣтельная героиня разсказа, простенькая дѣвушка, съ характеромъ Зоя,—туманный образъ безъ лица, даже почти одно имя безъ образа. Демоническая героиня, загубившая человѣка изъ-за пустой рисовки на судѣ, доведшая его до подлога, до преступленія, до Сибири и наконецъ до самоубійства, вмѣсто „роковой женщины“ во вкусѣ французскихъ романистовъ, оказывается какой-то каррикатурной „ферлакуршей“, для чего-то пріѣзжаетъ въ Сибирь, терпитъ милліонъ лишеній и уѣзжаетъ обратно изъ страха, что въ маленькомъ городишкѣ начала полнѣть! Наконецъ самъ герой, судя по всѣмъ повадкамъ,—изъ ресторанныхъ щеголей, очутившійся послѣ нелѣпыхъ петербургскихъ похожденій въ Сибири „безъ особенныхъ правъ“, влюбляется въ простенькую дѣвушку Зою, и наканунѣ свадьбы и освобожденія отъ ссылки, вдругъ застрѣливается неожиданно для читателей, для самого себя и даже, должно полагать, для автора, застрѣливается единственно изъ любезнаго желанія дать взявшемуся за психологію этнографу какую-нибудь развязку фальшиво задуманнаго разсказа. Самоубійство Маркловскаго производитъ такое сюрпризное впечатлѣніе, является столь неожиданнымъ, что даже не трогаетъ, а только удивляетъ. Невѣста его плачетъ, а читатель остается холоденъ, разводитъ руками и говоритъ: „вотъ-те и фунтъ“! Больше ни на какія размышленія такія „психологическіе“ очерки навести не могутъ. Это все, что можно сказать о такихъ самоубійствахъ, о такихъ герояхъ и о такихъ неожиданныхъ развязкахъ.

Другой, не менѣе плодовитый, чѣмъ г. Маминъ-Сибирякъ, авторъ г. Боборыкинъ напечаталъ въ текущемъ году романъ „Ходокъ“, имѣвшій мало успѣха, сравнительно съ предшествовавшимъ „Переваломъ“. И въ новомъ романѣ, какъ въ прежнихъ, г. Боборыкинъ летаетъ на коврѣ-самолетѣ по всѣмъ сферамъ и закоулкамъ русской жизни и даетъ рядъ мимолетныхъ снимковъ, поверхностно схваченныхъ сценъ, изобилующихъ несомнѣнной внѣшней правдой, но не открывающихъ того, что творится въ глубинѣ души русскаго общества. Читая его „Ходока“, вы перебываете и въ глухой деревнѣ, и въ аристократической гостиной, и въ пріемной моднаго адвоката, и въ канцеляріи восходящаго административнаго свѣтила, и въ редакціи газеты, и въ ресторанѣ Кюба, наслышитесь всякихъ разговоровъ, насмотритесь всякихъ лицъ, но всѣ полученныя вами впечатлѣнія какъ-то не укладываются въ вашей душѣ въ одну общую картину жизни, остаются пестрыми, разрозненными и хаотичными, какъ впечатлѣнія нижегородской ярмарки или какого-нибудь колоссальнаго собранія незнакомыхъ вамъ людей. Г. Боборыкинъ—одинъ изъ разностороннѣйшихъ талантовъ, но при всемъ разнообразіи рисуемыхъ имъ картинъ у него нѣтъ никакого единства общей руководящей мысли, никакого художественнаго синтеза. Онъ механически передаетъ вамъ свои наблюденія надъ жизнью, не подводя ихъ къ одному итогу, не освѣщая свѣтомъ одной центральной мысли, и подобно словоохотливой разсказчицѣ, не желающей принимать на себя отвѣтственность за достовѣрность излагаемаго, можетъ формулировать свое отношеніе къ передаваемымъ событіямъ, исторіямъ, типамъ и наблюденіямъ одной фразой: за что купилъ, за то и продаю.

Послѣ долгаго молчанія обмолвился повѣстушкою и другой крупный писатель — г. Эртель, выступившій, къ общему удивленію въ такомъ не подходящемъ по направленію къ его литературному прошлому журналѣ какъ „Сѣверный Вѣстникъ“. Въ декабрьской книгѣ этого журнала начата повѣсть, которая будетъ окончена только въ будущемъ году и по началу которой трудно сказать что-нибудь опредѣленное.

Наиболѣе талантливая изъ женщинъ-беллетристокъ и наиболѣе владѣющая совершенствомъ литературной формы сравнительно съ остальными современными беллетристами—г-жа Микуличъ хранила весь годъ гробовое молчаніе и не подарила русской литературы ни одною новой страничкой изъ жизни „Мимочки“.

Такая же суровая „печать молчанія“ была на устахъ другой популярной писательницы М. Крестовской, имѣющей сравнительно не много литературныхъ поклонниковъ, но зато безконечное изобиліе поклонницъ.

Печальную картину растраты таланта и постепеннаго паденія ранней популярности представилъ г. Гаринъ, безконечно растягивающій семейную хронику Карташевыхъ, по крайней мѣрѣ въ 25-ти книгахъ „Русскаго Богатства". Публицистъ въ немъ не только убиваетъ, но и компрометтируетъ художника. Онъ пріобрѣлъ литературное имя яркими, художественными картинами „Дѣтства Темы" и съ тѣхъ поръ падаетъ все ниже и ниже, подчиняя художественную правду творчества мелкимъ, преходящимъ и часто вздорнымъ публицистическимъ тенденціямъ.

Г. Короленко далъ прекрасный очеркъ „Безъ языка" изъ жизни польскаго крестьянина, выселившагося въ Америку. Единственнымъ недостаткомъ этого разсказа служитъ большое сходство съ разсказомъ Сенкевича, напечатаннымъ значительно раньше.

Если немного дали въ этомъ году старые писатели, то зато много народилось молодыхъ. Литературная нива зазеленѣла молодыми всходами, которые современемъ созрѣютъ и дадутъ не только колосъ, но и спѣлое „ядреное" зерно. Маленькою серебряною звѣздочкой взошла на литературномъ небосклонѣ г-жа Щепкина-Куперникъ и удостоилась похвалъ того, кто всѣхъ ругаетъ,—г-на Буренина. Въ „Русск. Богатствѣ" дебютировалъ подъ какими-то инииціалами авторъ прекраснѣйшаго лирическаго разсказа „Подъ утесомъ"; разсказъ этотъ почти лишенъ фабулы, но производитъ огромное впечатлѣніе смѣною сильныхъ, ярко выраженныхъ настроеній. Къ разряду этихъ же многообѣщающихъ всходовъ слѣдуетъ отнести и молодого начинающаго юмориста г. Яблоновскаго, которому мы посвятили нѣсколько строкъ въ ноябрьской „Бесѣдѣ". Но несомнѣнно самымъ своеобразнымъ изъ начинающихъ беллетристовъ слѣдуетъ признать г. Ѳедора Сологуба, дебютировавшаго въ „С. В.", психологическимъ разсказомъ „Тѣни" и выступившаго въ томъ-же журналѣ съ сугубо-декадентскимъ романомъ „Тяжелые сны".

Сюжетомъ „Тѣней" служитъ происходящее какъ бы на глазахъ читателя сумасшествіе матери и сына, помѣшавшихся на игрѣ въ тѣнь. Болѣзненныя, вырождающіяся натуры, они были осуждены на сумасшествіе глубокимъ наслѣдственнымъ разстройствомъ нервно-мозговой системы. Достаточно было ничтожнаго толчка, чтобы ихъ внутренняя неуравновѣшенность перешла въ душевную болѣзнь. Этимъ толчкомъ послужили приложенныя къ получаемой ими какой-то иллюстрашкѣ рисунки тѣней, которымъ можно придавать тѣ или иныя фигуры, складывая извѣстнымъ образомъ пальцы рукъ. Первымъ увлекся новою игрою сынъ, гимназистъ, увлекся до забвенія уроковъ. Мать сначала борется съ его новою склонностью, заставляетъ его готовить уроки, онъ и самъ даетъ слово больше не играть съ тѣнями, но, безсильный сопротивляться разгорѣвшейся

страсти, играетъ тайкомъ, ловитъ, проснувшись ночью, игру тѣней на потолкѣ комнаты отъ трепетнаго свѣта ночника и цѣликомъ уходитъ въ этотъ фантастическій міръ неуловимыхъ трепещущихъ очертаній. Постепенно, въ силу переимчивости психическихъ состояній—особенно понятной на почвѣ одной и той же болѣзненной наслѣдственности—настроеніе сына передается и матери, призрачный міръ тѣней и очертаній овладѣваетъ ими до забвенія всего реальнаго міра предметовъ, и въ заключительной сценѣ разсказа читатель содрогается отъ ужасной картины, какъ мать и сынъ съ безумными взорами и съ сосредоточенно-радостнымъ напряженіемъ на ассиметричныхъ лицахъ дѣлаютъ странныя движенія руками и ловятъ на стѣнахъ измѣнчивыя фигуры тѣней.

Этотъ разсказъ можно признать болѣзненнымъ, декадентскимъ, какимъ угодно, но его нельзя не признать талантливымъ. Онъ ложится на душу, на нервы читателя, какъ кошмаръ. Если бы не нѣкоторая, чисто русская растянутость, его можно было бы смѣло поставить въ одинъ разрядъ съ лучшими разсказами Эдгара По. Почти никогда еще мы не видѣли такъ близко внутренней психики безумія, особенно этого постепеннаго, почти логическаго перехода отъ нормальной мысли къ страшнымъ химерамъ сумашествія. Душевная болѣзнь имѣетъ свою послѣдовательность, понятную здоровымъ, и именно въ этой логикѣ кошмара, въ этой доступности его здравому пониманію каждаго здороваго читателя заключается тайна того тяжелаго и страшнаго, почти подавляющаго, впечатлѣнія, которое оставляетъ талантливый разсказъ г. Сологуба.

Какъ по болѣзненному сюжету, такъ и по формѣ, такъ, особенно, и по тому господству настроеній, которое чувствуется въ разсказѣ, очеркъ „Тѣни“ долженъ быть признанъ типично декадентскимъ. Еще ярче выступаютъ эти краски, еще рѣзче бросаются въ глаза эти оригинальные пріемы творчества въ декадентскомъ романѣ того же Сологуба — „Тяжелые сны“. Въ немъ все оригинально: психологія, оригинальны типы больныхъ людей, оригинальны тяжелыя полуфантастическія положенія, въ которыя они становятся другъ къ другу, оригинальны описанія природы. Читая романъ, вы словно уходите въ какой-то особенный химерическій міръ полуреальныхъ образовъ, странныхъ призраковъ, тонкихъ болѣзненныхъ настроеній. Васъ чаруютъ совершенно своеобразныя мелодіи жизни, и ни кѣмъ, кажется, до нынѣ не подмѣченныя краски природы, хотя, надо сознаться, что постепенно этотъ тонъ пріѣдается и вамъ становится почти скучно, главнымъ образомъ вслѣдствіе явной растянутости повѣствованія. Главная сила Сологуба въ оригинальномъ болѣзненно-печальномъ, нѣжномъ и мѣстами безконечно мрачномъ колоритѣ письма. Всего ближе изъ европейской литературы Сологубъ подходитъ къ тоже моло-

дому и тоже декадентствующему итальянскому писателю Габріелю д'Анунціо, автору надѣлавшаго много шума романа „Торжество смерти“. Пока мы только ограничиваемся этими бѣглыми замѣчаніями, считая своимъ долгомъ отмѣтить романъ Сологуба, какъ самое, быть можетъ, въ эстетическо-художественномъ отношеніи, выдающееся явленіе литературы минувшаго года, а подробному и обстоятельному разбору подвергнемъ его въ особой статьѣ. Говорить о немъ мимоходомъ не соотвѣтствовало бы интересу и художественнымъ достоинствамъ романа.

Появленіе, развитіе и тайный ростъ декадентства составляетъ, кажется, наиболѣе рѣзкую особенность поэзіи и беллетристики минувшаго года. Главнымъ и почти открытымъ разсадникомъ россійскаго декаденства являются „Сѣверный Вѣстникъ“, если не вполнѣ декадентскій, то во всякомъ случаѣ, явно декадентствующій журналъ, точно такъ же, какъ напримѣръ г. Минскій не настоящій декадентскій, а только декадентствующій поэтъ. Если Фофановъ или Мережковскій или Бальмонтъ напишетъ декадентское стихотвореніе, это никого не удивитъ: имъ самъ Богъ велѣлъ, они всегда писали пожалуй болѣе или менѣе декадентскія вещи, и это не стоитъ ни въ какомъ противорѣчіи съ ихъ литературнымъ прошлымъ. Но если вы читаете декадентское стихотвореніе Минскаго то вамъ невольно вспоминаются его прежнія далеко не декадентскія, а сугубо гражданскія вещи, въ родѣ „Бѣлыхъ ночей“, „Пѣсенъ о родинѣ“, Жирондистовъ“ и пр. Сегодня онъ пишетъ голубыя поэмы, а вчера изливалъ гражданскую скорбь. Вы недоумѣваете, какимъ образомъ гражданская скорбь утѣшилась голубыми риемами, но вспоминаете, что тогда было одно время, а теперь другое. Когда общество жило и волновалось общественными вопросами и въ литературѣ былъ спросъ на гражданскіе мотивы, поэтъ скорбѣлъ и стеналъ, теперь почувствовались новыя требованія на символическую поэзію и онъ пишетъ символически-фантастическія поэмы. Кто не можетъ вести за собой толпу, тотъ самъ долженъ итти за толпой. Мелкому поэтическому дарованію (съ сильно развитымъ элементомъ риторики) заставить читать себя остается только одинъ способъ: писать то, что нравится публикѣ, угождать ея перемѣнчивымъ вкусамъ, приспособляться къ требованіямъ времени. Очевидно, у такого поэта должна быть душа переметная.

Въ декадентствующемъ журналѣ выступаетъ не мало такихъ декадентствующихъ писателей, спекулирующихъ на оригинальность и новизну. Несравненно болѣе искреннимъ, чѣмъ Минскій, но все же болѣе или менѣе преднамѣреннымъ, и, слѣдовательно, въ извѣстной степени фальсифицированнымъ, поддѣльнымъ „декадентомъ, такъ сказать, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ“ является и г. Мережковскій. На ряду съ хи-

троумными поэтическими кривляніями у него въ этомъ году появилось нѣсколько красивыхъ и дѣйствительно декадентскихъ стихотвореній, поражающихъ типичнымъ преобладаніемъ настроенія надъ образомъ, такъ, напримѣръ:

Не надо звуковъ.

Духъ Божій вѣетъ надъ землею.
Недвиженъ прудъ, безмолвенъ лѣсъ.
Учись великому покою
У вечерѣющихъ небесъ.
Не надо звуковъ; тише, тише.
У молчаливыхъ облаковъ
Учись тому теперь, что выше
Земныхъ желаній, дѣлъ и словъ.

Настоящей искренней декаденткой, по всему строю внутреннихъ настроеній и характеру таланта, надо признать г-жу Гиппіусъ. Въ реальномъ жанрѣ она создала нѣсколько очень слабыхъ вещей — слабыхъ до карикатурности, въ родѣ наприм. „Костиной мести“ и пр. За то ея декадентскіе разсказы куда удачнѣе. Какъ-то совершенно случайно въ какой-то жалкой иллюстрашкѣ г. Сойкина— „Звѣзда“, мнѣ попался ея очеркъ, героиня котораго была любима мужемъ, двумя поклонниками, молода, прекрасна, счастлива и богата всѣми радостями жизни; но не покидавшая ее тайная мысль о смерти заставляла ее чувствовать внутреннюю ложь всѣхъ этихъ реальныхъ благъ, интересовъ и отношеній, и дѣлала эту полную счастья жизнь пустою и призрачною. Многія страницы этого произведенія авторъ долженъ былъ глубоко перечувствовать раньше, чѣмъ написать, и вся глубоко-декадентская психологія очерка дышетъ несомнѣнной искренностью. Послѣдній разсказъ г-жи Гиппіусъ въ „С. Вѣстникѣ“ — „Миссъ Май“ — несравненно слабѣе и смѣло можетъ быть причисленъ къ произведеніямъ символическаго жанра. Въ немъ излагается два параллельныхъ романа, схожихъ между собою во всѣхъ, даже второстепенныхъ, подробностяхъ: барина Андрея и его лакея, кажется, Захара. Баринъ собирается жениться на милой простоватой барышнѣ Катѣ съ пухлыми и пріятными губками, а лакей на прачкѣ Василисѣ съ пѣвучимъ голосомъ. Баринъ искренно убѣжденъ, что онъ любитъ Катю и лучшей жены ему не отыскать, а лакей полагаетъ, что изъ Василисы выйдетъ жена хоть куда. Баринъ весь весенній день томится неопредѣленными мечтами и потребностью какого-то высшаго счастья, не имѣющаго ничего общаго съ предстоящимъ благополучіемъ семейной жизни съ Катей, лакей, надо думать, подъ вліяніемъ тѣхъ же смутныхъ порывовъ и запро-

совъ ходитъ сумрачнымъ и даже чуть-чуть не грубитъ. Вслѣдъ за тѣмъ баринъ неожиданно для себя влюбляется въ чуть не съ неба упавшую англичанку миссъ Май, а лакей въ прачку Полю. Влюбляясь въ новыхъ дамъ сердца, они оба не думаютъ разставаться съ своими невѣстами Катей и Василисой и почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ выражаютъ общую мысль разсказа, что молъ, жена, семейная жизнь, приданое, бракъ и т. д., само по себѣ, а слетающая съ неба въ человѣческую душу греза любви — сама по себѣ; что все первое отъ человѣка, а любовь это отъ Бога, и человѣкъ тутъ ужъ не властенъ. Миссъ Май выражаетъ эту мысль еще красивѣе и является сама не живымъ человѣкомъ, а полуфантастическимъ символомъ этихъ слетающихъ съ неба грезъ любви. Она даетъ себя обнимать жениху другой дѣвушки, Андрею, и въ то же время отвѣчаетъ отказомъ на его предложеніе и оставляетъ его Катѣ, уѣзжая въ Швейцарію. Передъ отъѣздомъ она говоритъ Андрею: „Ты любовь, то, что отъ Бога, сводишь на свадьбу, на соединеніе, на привычку, на связи, которыя отъ людей. Можетъ быть и свадьба—хорошо, но только я на это не пойду“. „Все хорошее въ любви прошло. Были настоящія минуты большого счастья, когда липы расцвѣтали, помнишь? А теперь прошли. Липы не могутъ опять распуститься и тѣхъ лучшихъ минутъ не будетъ. Теперь надо разстаться“... Она проповѣдуетъ любовь какъ яркую мечту, любовь внѣ жизни, безъ связи, безъ соединенія, безъ поцѣлуя, фантастическую и безплотную. Андрею справедливо кажется, что и сама Май такой же призракъ, какъ и вся ея любовь. Не призракъ, а символъ,—скажемъ мы—и авторъ всѣми подробностями, даже именемъ „Май“, подчеркиваетъ ея символическое значеніе. Миссъ Май всегда ходитъ въ бѣломъ платьѣ, деревья и зелень бросаютъ отсвѣтъ на ея лицо. Когда Андрей увидѣлъ ее въ первый разъ, онъ подумалъ, что она ему только „кажется“. „Ея шея, очень длинная и тонкая, выходила изъ пѣны бѣлаго платья; она была такого же цвѣта какъ платье и тоже казалась прозрачной какъ тонкій китайскій фарфоръ, когда его смотрятъ на солнце — только тутъ были едва уловимые розовые отсвѣты жизни“. Лицо, *прозрачное какъ шея*, было спокойно“. Андрей зналъ, что это не призракъ, и все-таки она казалась ему чудомъ“. „Чтобы дотронуться до нея, нужно было сдѣлать полтора шага, а казалось, что для этого нужно перейти небесныя и облачныя пропасти — явно фантазируетъ г-жа Гиппіусъ,— и даже лучше совсѣмъ до нея не дотрогиваться — такое странное впечатлѣніе производила прозрачность ея лица“.

Мы должны предупредить читателя, что сколько нибудь реалестическая критика этого символистическаго образа миссъ Май и всей по-

вѣсти г-жи Гиппіусъ совершенно неумѣстна; она и на насъ тоже производитъ такое странное впечатлѣніе, что до нея лучше не дотрогиваться". Въ этихъ случаяхъ нужно становиться на точку зрѣнія автора и слѣдовать за нимъ. Призрачность миссъ Май доходитъ до такой степени, что „когда Андрей пожалъ ея руку съ розовыми пальцами и выпустилъ ее — ему стало казаться, что этого рукопожанія никогда не было и не могло быть". Когда онъ, спустя долгое время, повинуясь какой-то высшей волѣ, безъ всякаго предварительнаго объясненія, „обнялъ ее и прижалъ къ себѣ, подъ его руками было тонкое, почти несуществующее тѣло, почти призракъ". „Цѣлуя ее, онъ ощущалъ какой-то холодъ, даже не холодъ, а свѣжесть—точно вѣтеръ отъ вечерней весенней воды—и никогда не думалъ и не понималъ, что цѣлуетъ ее, такъ это казалось ему невѣроятнымъ и особеннымъ".

Миссъ Май—очень странная особа, она и сама ведетъ странные разговоры и Андрея вдохновляетъ на цѣлый рядъ странныхъ поступковъ, мыслей и настроеній. Передъ тѣмъ, какъ обнять Май, онъ чувствуетъ смутное душевное состояніе протеста противъ прозы жизни, которое можно назвать *кошмаромъ мечты*. Г-жа Гиппіусъ выражаетъ его настроенія иногда въ довольно курьезныхъ образахъ. „Ему хотѣлось итти такъ прямо до пруда, потомъ еще прямо, въ прудъ, въ воду—не въ воду, только прямо, не оглядываясь, не думая, не видя". Къ нему Андрей подошелъ, обнявшись съ Май, и авторъ поясняетъ, что „это былъ тотъ самый прудъ, до котораго Андрей сейчасъ хотѣлъ идти одинъ, до пруда, въ прудъ"... Для изображенія душевной смуты изступленнаго героя совсѣмъ не обязательно и самому автору усвоивать въ своихъ описаніяхъ стиль бреда и умопомѣшательства.

Объясненія Андрея въ любви напоминаетъ своею странностью и фантастичностью вымысла сцену изъ Вальпургіевой ночи.

— Какая ты необыкновенная, я тебя не понимаю—бредитъ онъ. — Ты любишь меня? Да это не то слово. Я и прежде любилъ. А для тебя у меня нѣтъ слова. Май, ты, какъ жизнь. Все. И начало и конецъ. Скажи мнѣ, зачѣмъ ты, откуда ты такая?

— Я тебя люблю—отвѣчала Май. — Я люблю потому, что такъ нужно любить» и т. д.

— Но вѣдь я тебя не знаю и ты меня не знаешь, за что-жъ ты любишь?

— Ни за что. Мнѣ все равно. Это само приходитъ — безъ всякихъ мыслей. По мыслямъ тебѣ слѣдуетъ любить Катю, а не меня.

Отъ тихихъ деревьевъ ползли сырые ароматы.

— Мнѣ не стыдно деревьевъ, сказалъ Андрей — трава и небо, и зелень похожи на тебя. Я давно замѣтилъ, что листья даютъ тѣнь, точно ласкаются къ тебѣ, точно ты имъ своя.

— Все это—одно. А ты не зналъ? Не надо удивляться, надо приближаться ко всему—тогда будетъ хорошо.

— Май—какая ты странная! Но вѣдь люди, люди — они живутъ, они служатъ, у нихъ дѣла, деньги, свадьбы, законы... ты точно не хочешь знать ничего простого.

— Простого? О нѣтъ, ты говоришь не о простомъ, о житейскомъ, о мелкомъ ты говоришь... Оно есть, но ему не слѣдуетъ быть, и несчастье, что оно есть. А простое это не то. Все просто—и я, и травы, и любовь, и небо, и смерть.

Я думаю, что люди гораздо дольше живутъ, чѣмъ слѣдуетъ, чѣмъ они дѣйствительно могутъ. Истинная жизнь человѣка проходитъ быстро какъ весна, а потомъ люди остаются доживать—это ошибка, имъ прѣсно и скучно, потому что жизни нѣтъ. Большое счастье, если можешь пройти жизнь, прожить весну и лѣто и кончить, не ползти дальше. И жизнь ничѣмъ нельзя продлить, какъ май нельзя продлить.

Кто скажетъ, что это картина изъ дѣйствительной жизни, а не сонъ, не символическое видѣніе человѣка, задумавшагося о высшихъ вопросахъ любви и эстетики? Повидимому такъ же смотритъ на нее и сама г-жа Гиппіусъ, написавшая въ заключеніи главы такую присказку: „понять, соединить любовь и жизнь, не могли люди и до Андрея, не смогутъ, вѣроятно, и послѣ него“.

Разсказъ г-жи Гиппіусъ даетъ богатую пищу для пародій, каррикатуръ и всякихъ болѣе или менѣе справедливыхъ нареканій съ точки зрѣнія элементарныхъ требованій реальной критики. Но мы не будемъ примѣнять къ нему неприменимую точку зрѣнія, не будемъ требовать отъ сновидѣній связности, отъ сказки—реализма. Символисты, подобные Гипіусъ, даютъ не картины, а именно сказки жизни. Какъ бы ни были реальны ихъ символы по существу, по основной идеѣ своей (въ данномъ случаѣ идеѣ о невозможности воплотить небесныя грезы любви въ какія бы то ни было земныя, житейскія формы), но символическіе образы и воплощенія этихъ идей, насильственно втискиваемыя въ рамки реальной жизни, всегда будутъ казаться безконечно далекими отъ дѣйствительности. Сказка должна быть свободной, какъ фантазія, и не охотно подчиняется тяжелой логикѣ обыденности. Символизмъ въ его современныхъ формахъ, поползновеніяхъ и претензіяхъ, представляетъ собою незаконное соединеніе, насильственный мезальянсъ фантазіи и реализма, дающій худосочныхъ и золотушныхъ чадъ вродѣ „Миссъ Май“ г-жи Гипіусъ. Въ этихъ полуфантастическихъ, полуреальныхъ выдумкахъ нашихъ символистовъ теряется свобода фантазіи и нарушается правда дѣйствительной жизни. Разсказъ Гипіусъ не удовлетворитъ фантазера и оскорбитъ (или покрайней мѣрѣ насмѣшитъ) реалиста. Исторія Андрея съ миссъ Май могла бы быть чудной и оставлять вполнѣ гармоническое

впечатлѣніе, если бы все дѣйствіе было перенесено въ область сновидѣній, но у нашей символистки призраки и призрачныя героини являются въ дѣйствительности; она заставляетъ героевъ грезить на яву съ открытыми глазами и рисуетъ намъ не жизнь, а какіе-то смутные сны жизни. Вмѣсто того чтобы написать красивый фантастическій святочный разсказъ, она внѣдряетъ свой больной бредъ въ самую глубину реальной будничной жизни и именно для „пущей реальности“ ведетъ параллельно съ романомъ Андрея, аналогичный романъ его лакея. Это и скучно, и смѣшно и просто даже некрасиво, потому что явно искусственно. Съ другой стороны вполнѣ реальная мысль о невоплотимости небесныхъ грезъ любви ни въ какія земныя, житейскія формы—совсѣмъ не требуетъ непремѣнно символической разработки, появленія полупризрачныхъ героинь, отъ „поцѣлуевъ которыхъ вѣетъ холодомъ—не холодомъ, а свѣжестью весенней вечерней воды“; эту невоплотимость волновавшей Андрея мечты о безконечномъ счастьѣ каждый изъ насъ чувствуетъ и въ горячихъ поцѣлуяхъ самыхъ земныхъ и реальныхъ женщинъ и ее прекрасно и воочію можно бы было показать хотя бы напр. изъ анализа дальнѣйшихъ отношеній Андрея къ Катѣ,—или даже въ законченномъ и полномъ изображеніи почти каждаго брака по любви. Къ чему такія реальныя истины, страшныя именно своею реальностью, облекать въ дымку фантазіи и яркую мишуру символическаго вымысла?

Въ декадентствѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ не чувствуется никакой цѣльности, внутренней искренности, логической связи съ общимъ направленіемъ журнала. Мы называемъ его не декадентскимъ, а декадентствующимъ не въ укоръ и не въ обиду почтенной редакціи, а единственно въ видахъ точности опредѣленія. Дѣйствительно его декаденство ни мало не вяжется ни съ проповѣдываемою г. Волынскимъ метафизикою, ни съ общимъ тономъ остальныхъ отдѣловъ журнала. Какъ ни старается связать (между прочимъ въ статьѣ объ осужденномъ за содомскій грѣхъ Оскарѣ Уайльдѣ) названный критикъ декадентства съ философскимъ идеализмомъ, связь журнала съ декадентами и символистами остается—какимъ-то случайнымъ эстетическимъ компромиссомъ, чѣмъ-то въ родѣ разсчитанной спекуляціи на художественную новизну—какъ у поэта Минскаго. Всякій журналъ живетъ кровною связью съ тѣми или иными элементами общества, являясь органомъ извѣстной партіи, извѣстной группы, извѣстнаго направленія. Мы затруднились бы назвать партію, которая считаетъ „Сѣверный Вѣстникъ“ своимъ органомъ. Онъ не имѣетъ своего raison d'êtr' а въ нашей общественной жизни и ея теченіяхъ и поэтому, естественно, долженъ искать опоры въ литературныхъ и художественныхъ вкусахъ публики, слѣдуя за ея капризами и прихотями. Это

рабство передъ пубикой обязываетъ его быть свободнымъ по отношенію къ новымъ художественнымъ формамъ, покрайней мѣрѣ значительно больше, чѣмъ всѣ остальные журналы, которые могутъ давать только то, что не противорѣчитъ ихъ знамени, принципамъ и традиціямъ. Во всемъ этомъ, быть можетъ, нѣтъ особой чести для редакціи, но зато есть большая выгода для читателей. Эксплоатируя новыя художественныя теченія и, такъ сказать, цѣпляясь за декадентство, „С. В.“ даетъ намъ среди поддѣльнаго декадентскаго мусора и такія произведенія, которыя не могли-бы появиться въ другихъ, болѣе принципіальныхъ изданіяхъ.

Роль и направленіе этого журнала въ текущей литературѣ опредѣляется главнымъ образомъ положеніемъ, занятымъ имъ по отношенію къ шестидесятымъ годамъ. Его критикъ, вооружившись Кантомъ и опираясь на новые запросы мысли, не удовлетворяющейся болѣе сухимъ позитивизмомъ, повелъ горячую и мѣстами до непристойности рѣзкую полемику съ мертвецами 60-хъ годовъ—Чернышевскимъ, Писаревымъ, Добролюбовымъ, Бѣлинскимъ и т. д. Этотъ походъ сначала доставилъ его имени славу громкаго скандала, но теперь публика освоилась съ этимъ тономъ, и популярность журнала стала замѣтно и быстро подать. Съ одной стороны читатели послѣ расправы Волынскаго съ корифеями русской критики ужъ не ждутъ отъ него ничего болѣе пикантнаго, а съ другой стороны и самъ г. Волынскій какъ-то измельчалъ и, послѣдовательно изругавъ Бѣлинскаго, Добролюбова и Писарева, принялся за .... нововременскаго г. Сигму.

Мы не принадлежимъ къ лагерю безусловныхъ и правовѣрныхъ сторонниковъ 60-хъ годовъ, но, даже глядя со стороны, не можемъ не поражаться полнымъ отсутствіемъ въ полемикѣ Волынскаго какой бы то ни было исторической перспективы. Онъ поноситъ давно умершихъ писателей, словно живыхъ современниковъ. Онъ не хочетъ соображаться съ умственными и нравственными условіями ихъ времени. На долю того времени выпало великое и трудное дѣло преобразованія дореформенной, крѣпостной Россіи, и освобожденія народа. Великая преобразовательная задача требовала напряженія всѣхъ духовныхъ и нравственныхъ силъ общества. Всѣ области знанія, всѣ роды искусствъ, вся литература должны были служить основной идеѣ времени, всѣ музы несли воинскую повинность идеалу свободы въ эти трудные годы всеобщей борьбы съ тьмою вѣковъ и неволи. Въ такую историческую минуту въ обществѣ не могло быть сочувствія къ чистому искусству, къ отвлеченной философіи, къ парнасской поэзіи. Передовые мыслители той минуты создали болѣе или менѣе стройную систему взглядовъ на искусство, науку, философію и т. д., вполнѣ соотвѣтствовавшую гражданскимъ требованіямъ того военнаго вре-

мени. Искусство признавалось только тенденціозное, поэзія—только некрасовская, философія—только позитивная, которая всего больше пришлась у насъ ко двору именно потому, что вершиною положительныхъ знаній ставила соціологію, науку объ обществѣ, искала въ наукѣ отвѣта на общественные вопросы и, слѣдовательно, подчиняла всю область знанія и мышленія пробудившейся гражданской совѣсти русскаго интеллигента. По существу въ нашемъ русскомъ позитивизмѣ было очень мало позитивнаго, нашъ философскій реализмъ и матеріализмъ всегда представлялъ собою наиболѣе идеалистическое движеніе, какое когда-либо переживала русская мысль. Къ тому же нельзя забывать еще и того обстоятельства, что мы вообще живемъ въ хвостѣ Европы, а въ это время Европа какъ разъ переживала медовый мѣсяцъ позитивизма и первый блестящій расцвѣтъ точныхъ знаній. Глава новаго ученія, французскій мыслитель Огюстъ Контъ, объединилъ въ своей классификаціи наукъ всѣ отрасли точнаго знанія въ стройную систему и, построивъ теорію преемственности теологическаго, метафизическаго и положительнаго періодовъ знанія, сдѣлалъ тѣмъ самымъ блестящую попытку придать позитивной системѣ міросозерцанія значеніе незыблемой и окончательной истины. Отбросивъ съ пути дальнѣйшаго поступательнаго движенія науки всѣ „метафизическіе“ вопросы, отнесенные къ темной области непознаваемаго, позитивизмъ ринулся съ молодою энергіею, во всеоружіи опыта и наблюденія, на изслѣдованіе міра явленій, доступныхъ точному знанію. Такое завоеваніе науки, какъ теорія Дарвина, давшая толчокъ къ многочисленнымъ открытіямъ во многихъ отрасляхъ изслѣдованій, раскрыло передъ нею новые необъятные горизонты и сулило безконечную перспективу дальнѣйшихъ откровеній точнаго знанія. Точное изслѣдованіе, окрыленное смѣлыми обобщеніями, забывало въ опьяненіи первыхъ успѣховъ роковые предѣлы своей молодой мощи, не знало границъ своимъ силамъ и, полное дерзкихъ надеждъ, таило мечту поднять всѣ покровы и вырвать у природы всѣ ея тайны. Все въ мірѣ считалось доступнымъ скальполю и анатомическому ножу и рѣшеніе всѣхъ вопросовъ само казалось не болѣе какъ вопросомъ времени. Вся эпоха 60-хъ годовъ и у насъ и въ Европѣ представляла господство молодой, зеленой, свѣтлой и дѣтской самонадѣянной *вѣры въ знаніе*. Атеистическая по внѣшности, она была глубоко спиритуалистической если не по существу своихъ воззрѣній, то по характеру своего отношенія къ нимъ. Она сумѣла сдѣлать культъ даже изъ отрицанія и самый матеріализмъ превратила въ религію разума. Могли ли русскіе передовые люди того времени, оторванные воспитаніемъ отъ родной почвы, не быть позитивистами, особенно при томъ условіи, что позитивизмъ, ставившій вершиною знанія соціологію,

такъ соотвѣтствовалъ нравственнымъ требованіямъ времени, былъ такъ удобенъ для той мобилизаціи всѣхъ творческихъ силъ страны, призываемыхъ подъ знамена гражданскихъ идеаловъ, которую представляла собою вся литература 60-хъ годовъ, и сразу освобождалъ умы отъ предразсудковъ, на которыхъ зиждился дореформенный строй Россіи? Намъ кажется, что отвѣтъ можетъ быть только одинъ: распространеніе позитивизма въ русскомъ обществѣ представляло въ ту пору логическую необходимость. Но человѣческая мысль не стоитъ на одномъ мѣстѣ, но путемъ послѣдовательныхъ ошибокъ и заблужденій идетъ все впередъ и впередъ, невѣдомо куда, преслѣдуя миражи истины, мелькающіе впереди.

Мы далеко ушли отъ 60-хъ годовъ. Наше время можетъ быть названо временемъ общаго внутренняго разочарованія въ позитивизмѣ, въ положительномъ знаніи. Хотя обѣтованная страна и не лежитъ позади насъ, въ той уже пережитой стадіи метафизики, которую проповѣдуетъ и къ которой зоветъ г. Волынскій, но, тѣмъ не менѣе, его отрицанію позитивизма можно вполнѣ сочувствовать именно потому, что позитивизмъ тоже пережитъ и тоже остался позади, на пройденномъ европейскою мыслью пути. Тѣ новые запросы современной мысли, на которые опирается г. Волынскій, совершенно законны и справедливы, но вся его полемика нелѣпа и по тону возмутительна: отрицать матеріализмъ и реализмъ писателей 60-хъ годовъ съ точки зрѣнія тѣхъ данныхъ науки и жизни, которые обнаружились въ 90-хъ годахъ — значитъ быть умнымъ заднимъ числомъ. Судъ строгій, но справедливый не можетъ брать писателя внѣ условій его времени. Мысль имѣетъ свою историческую преемственность, истина нерѣдко рождается изъ предшествовавшихъ ей заблужденій, служащихъ какъ бы посылками въ логикѣ исторіи, и для того, чтобы толковать теперь о неудовлетворительности позитивизма, реализма и матеріализма, мы должны были пережить эти ученія умами нашихъ отцовъ—людей и писателей 60-хъ годовъ. Ругать и поносить ихъ спустя тридцать пять лѣтъ послѣ ихъ дѣятельности, такъ же неразумно, чтобъ не сказать больше, какъ рубить лѣстницу, по которой мы взобрались на данную высоту.

Вмѣсто того, чтобы во всеоружіи новыхъ запросовъ мысли оборачиваться назадъ и производить воистину вандальскую расправу съ передовыми мыслителями прошлаго, мы должны идти впередъ, предоставивъ славнымъ покойникамъ мирно спать въ гробахъ. Смѣшны и недостойны эти противоестественныя попытки превратитъ прогрессивныя теченія современной мысли въ философско-метафизическую и эстетическую реакцію противъ 60-хъ годовъ. Признавая лично въ наше болѣе мирное и спо-

койное время чистое и свободное искусство, мы отнюдь не считаемъ себя вправѣ укорять писателей эпохи великихъ реформъ въ томъ, что въ выпавшую на ихъ долю славную и бранную эпоху преобразованій, они призвали къ борьбѣ всѣ духовныя силы общества, на Пегасѣ возили хлѣбъ для голодной арміи, а поэтовъ вооружили вмѣсто лиръ сладкозвучныхъ трубами и барабанами и заставили играть военные марши. Безсмертные поэты и философы, какъ и обыкновенные смертные, подлежатъ общей воинской повинности подъ знаменами идеала и не могутъ быть дезертирами своей эпохи.

Не только въ эстетикѣ и философіи, но также и въ области общественной жизни послѣдніе тридцать лѣтъ прожиты нами далеко не безплодно. Суровый опытъ жизни разбилъ много иллюзій, заставилъ изверѣриться во многихъ, принимаемыхъ раньше на вѣру, книжныхъ истинахъ и завѣтахъ. Нѣкоторые вопросы, которые въ 60-хъ годахъ теоретически рѣшались такъ просто и счастливо, безъ сучка и задоринки, на практикѣ жизни оказались несравненно болѣе замысловатыми и сложными и вообще на многое жизнь заставила смотрѣть далеко не такъ прямолинейно, какъ смотрѣлось въ первые ясные дни нашей новорожденной общественности. Если нелѣпая полемика съ передовымъ прошлымъ никуда не ведетъ насъ впередъ и производитъ подозрительное и двусмысленное впечатлѣніе *новшествующей реакціи*, то и убѣжденная, фанатическая проповѣдь все того же прошлаго является такимъ же безплоднымъ, отсталымъ топтаніемъ на мѣстѣ, и лишонной всякой живой мысли *передовой рутиной*. Писаревъ и Добролюбовъ писали очень умныя вещи для своего времени, но писатели, считающіе возможнымъ и по сей день ограничиться повтореніемъ задовъ, имѣвшихъ смыслъ тридцать лѣтъ тому назадъ, несомнѣнно мыслители застоя, а не прогресса. Новыя формулы и программы жизни, новыя рѣшенія старыхъ вопросовъ можетъ дать только крупный творческій умъ, котораго, къ сожалѣнію, пока еще не объявляется въ нашей литературѣ, а вся текущая журналистика ведется и пополняется посредственными писателями, которые безсильны исполнить эту великую творческую работу генія, безсильны сказать новое слово и поэтому болѣе или менѣе добросовѣстно твердятъ отжившіе зады.

Наиболѣе рѣзко этотъ коренной разладъ между новыми запросами общества и рутинностью руководящихъ писателей чувствуется въ двухъ наиболѣе распространенныхъ журналахъ—„Русской Мысли“ и „Русскомъ Богатствѣ“. „Русская Мысль,“ при несомнѣнной порядочности направленія—сумѣла достичь почти идеальной умственной безцвѣтности и без-

личности, представляя собою собственно даже не журналъ, а періодически выпускаемый альманахъ, наборъ всяческихъ, ни чѣмъ не связанныхъ между собою беллетристическихъ и научныхъ произведеній. „Русское Богатство“ блещетъ истинно демократической беллетристикой Чириковыхъ и Вересаевыхъ, ни капли не похожей на „изящную словесность“; героями ея козырной беллетристики служатъ безпризорныя мальчишки, убогіе и сирые, жертвы общественнаго темперамента, земскіе врачи, народные учителя, барышни, стремящіяся на курсы, передовые гимназисты г. Гарина и т. д. Правда, на ряду съ такими идейными вещами, тамъ попадаются и болѣе или менѣе свободныя отъ всякой идеи и обыкновенно безконечно длинныя произведенія г-жъ Шабельской, Лухмановой и Винпцкой. Но это, очевидно, только балластъ, безъ котораго, какъ извѣстно, нельзя обойтись ни кораблю, ни журналу. Зато вы не встрѣтите здѣсь такихъ „корифеевъ“ неопредѣленнаго и разнообразнаго образа мыслей, какъ Боборыкинъ, Немировичъ-Данченко и проч., мелькающихъ и въ „Русской Мысли“, и въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ и гдѣ угодно. Особливая, только „Богатству“ свойственная, беллетристика несомнѣнно имѣетъ свой интересъ, освѣщая особый горизонтъ общественной жизни. Выступающимъ въ ней суровымъ и нѣсколько неотесаннымъ демократамъ искусства нельзя не сочувствовать, хотя можно отъ души пожелать больше изящества и, пожалуй, больше свѣжести мысли.

Еще въ большей степени недостатокъ свѣжести и, если можно такъ выразиться, залежалость духовнаго товара составляетъ главный грѣхъ публицистовъ и критиковъ этого журнала. Занимая въ текущей журналистикѣ мѣсто и, такъ сказать, „исполняя должность“ передового органа, „Русское Богатство“ никуда не ведетъ насъ впередъ, а преспокойно толчется на мѣстѣ. Оно оказалось неспособнымъ даже вывести публику изъ тѣхъ недоразумѣній, которыя были порождены марксизмомъ и при обострившейся борьбѣ либеральнаго и народническаго направленій захотѣло усидѣть между двухъ стульевъ и приняло довольно оригинальный тонъ, который можно пожалуй охарактеризовать какъ полулиберальное полународничество. Нерѣшительность и неопредѣленность занятаго имъ положенія, старческая немощность разобраться въ щекотливыхъ вопросахъ времени сдѣлала необходимымъ появленіе новаго чисто народническаго журнала „Новое Слово“, въ который перешли наиболѣе видные представители экономическаго народничества гг. В. В. и Николай—онъ, извѣстный публицистъ этого же направленія С. Н. Кривенко и нѣсколько сотрудниковъ „Русскаго Богатства“. Участіе поименованныхъ писателей даетъ право ожидать отъ новаго журнала основательной разработки экономическихъ вопросовъ и дальнѣйшаго развитія экономической и жи-

тейской програмы народничества. Хотя редакція въ одной изъ руководящихъ статей и говоритъ, что съ охотою приняла бы для своего журнала названіе не „Новаго“, а „Стараго Слова“, но мы надѣемся, что жизнь, интересъ дѣла, которому журналъ служитъ, и даже интересъ собственнаго существованія, какъ отдѣльнаго органа печати, не позволитъ ему ограничиться, подобно старшему собрату, „Русскому Богатству“, старыми завѣтами „забытыхъ словъ“ и всѣмъ памятныхъ хорошихъ, но, увы! мертвыхъ словъ и принудитъ такъ или иначе отвѣчать на цѣлый рядъ основныхъ, назрѣвшихъ вопросовъ, которые жизнь ставятъ ребромъ.

О беллетристикѣ этого журнала трудно сказать что-нибудь положительное по двумъ вышедшимъ книгамъ. Кромѣ повѣсти г. Засодимскаго „Восточный Магазинъ“, отличающейся обычными достоинствами и недостатками этого писателя, обращаетъ на себя вниманіе недурная вещица г. Бунина „На край Свѣта“, небольшая лирическая картинка переселенія малороссійской деревни.

Особнякомъ отъ остальныхъ собратій стоитъ старѣйшій изъ нашихъ журналовъ „маститый „Вѣстникъ Европы“. Его съ давнихъ лѣтъ, съ незапамятныхъ временъ принято считать либеральнымъ, но мнѣ кажется, что, по крайней мѣрѣ теперь его правильнѣе называть органомъ общепрогрессивнымъ, обще-передовымъ. Не смотря на свое традиціонное западничество, онъ помѣстилъ въ сентябрьской книжкѣ этого года въ высшей степени интересное посмертное изслѣдованіе покойнаго профессора Потебни („Языкъ и народность“), чисто славянофильское по выводамъ и направленію. Этому труду проф. Потебни нашъ журналъ посвятитъ въ ближайшемъ будущемъ особую статью.

Сверхъ того, одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ журнала, г. Слонимскій, въ статьѣ „Наши направленія“ рѣшительно заявляетъ, что нашъ либерализмъ, органомъ котораго служитъ „Вѣстникъ Европы“, объединилъ въ себѣ „не только народничество, но и лучшія стороны стараго славянофильства“. „Все справедливое и цѣлесообразное въ народническихъ тенденціяхъ раздѣляется, по его словамъ, и либералами“. Происходитъ это отъ того, что нашъ либерализмъ совсѣмъ не похожъ на западно-европейскій. „Такъ какъ у насъ нѣтъ буржуазіи въ западно-европейскомъ значеніи этого слова, то нѣтъ и буржуазнаго либерализма, интересы котораго находились бы въ разладѣ съ интересами трудящейся массы“. Мечты и желанія такого либерализма очень скромны и заслуживаютъ всякаго сочувствія. Наши либералы хотятъ, по словамъ ихъ представителя, „чтобы государство было сильно умственнымъ и эконо-

мическимъ ростомъ населенія, сознательною энергіею и предпріимчивостью обывателей. Либералы мечтаютъ о томъ, чтобы въ каждомъ селѣ была хорошо устроенная школа, чтобы кабаки уступили мѣсто сельско-хозяйственнымъ собраніямъ и читальнямъ, чтобы для народа были установлены подходящіе законы взамѣнъ устарѣвшихъ и несостоятельныхъ, чтобы малоимущее крестьянство не облагалось податями въ большей мѣрѣ, чѣмъ богатое купечество, чтобы законность и справедливость не были бы игрушками въ рукахъ исполнителей". Едвали найдется хоть одинъ порядочный человѣкъ, который не счелъ бы себя либераломъ въ предѣлахъ этой программы. Широко растворяя двери своего направленія для всѣхъ и каждаго, Слонимскій дѣлаетъ одно лишь изъятіе. „Либерализмъ не совмѣстимъ только съ ложнымъ націонализмомъ, выражающимся въ неприязни ко всему иноземному, въ искусственномъ возбужденіи недобрыхъ чувствъ относительно сосѣдей и иноплеменныхъ соотечественниковъ". Недобрыя чувства ничего добраго принести не могутъ, значитъ и въ этомъ случаѣ ему сочувствовать можно. Заповѣдь такого христіанскаго націонализма: развивай свое и не мѣшай рости чужому. Но дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вслѣдствіе огромной разницы культуръ и другихъ условій ростъ чужого не только не позволяетъ развиваться своему, но положительно душитъ его. Такъ напр. свободный ростъ нѣмецкаго землевладѣнія на почвѣ ожесточенной хозяйственно-промышленной конкуренціи можетъ повести только къ полному обатрачиванію и вырожденію русскаго народа и при невозможности быстраго подъема всей русской сельско-хозяйственной культуры единственнымъ средствомъ предупредить эти плачевныя для нашей національности послѣдствія остается законодательное воспрещеніе скупки нѣмцами русской земли (см. статью: „Нѣмецкое землевладѣніе въ Россіи" „Р. Бес." іюнь 1895 г.)

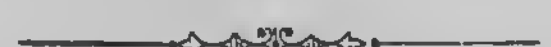
Было бы очень интересно узнать оправдываетъ ли либерализмъ г. Слонимскаго такія мѣры національной экономической самозащиты? Если по этому вопросу мы и останемся при особомъ мнѣніи, то вполнѣ согласны съ либералами, въ томъ, „что образованіе лучше невѣжества; что энергія и предпріимчивость обывателя полезнѣе для страны, чѣмъ тупая пассивность; что привычка къ самодѣятельности вырабатывается лишь при извѣстной долѣ самоуправленія; что хорошіе нравственные и общественные инстинкты подавляются и глохнутъ при чрезмѣрной опекѣ; что безучастное отношеніе общества къ общественнымъ дѣламъ вредно для государства; что по многимъ текущимъ вопросамъ возможны дѣльныя мнѣнія и внѣ канцелярій". Такъ излагаетъ г. Слонимскій символъ вѣры современнаго русскаго либерализма. Оказывается, что даже и въ канцеляріяхъ онъ находитъ много хорошаго. „Либеральныя идеи, гово-

ритъ онъ въ заключеніе своей статьи, все болѣе усваиваются *передовою общественною силою нашего времени—просвѣщенною бюрократіею,* постепенно и неудержимо поглощающею лучшіе активные элементы образованнаго общества. Либеральное реформаторское чиновничество беретъ на себя самыя широкія задачи, разумное исполненіе которыхъ требуетъ сознательнаго общественнаго содѣйствія и участія... Дѣятельный, предпріимчивый бюрократизмъ является господствующимъ направленіемъ нашей эпохи и остается только пожелать, чтобы онъ не подвергся обычной судьбѣ всякой вообще бюрократіи и не проникся безжизненнымъ канцелярскимъ духомъ".

Хотя мы отнюдь не считаемъ себя либералами въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова, но даже и мы думаемъ, что остается много еще чего пожелать по отношенію къ русскому просвѣщенному бюрократизму, какъ въ смыслѣ дѣйствительнаго поглощенія имъ „лучшихъ активныхъ элементовъ образованнаго общества", такъ главнымъ образомъ и въ смыслѣ основныхъ принципіальныхъ задачъ и направленія всемогущаго государственнаго воздѣйствія на экономическую, хозяйственную жизнь народа, его просвѣщеніе, подъемъ его умственнаго и общественнаго развитія и т. д. Быть можетъ, современный бюрократизмъ и не является вполнѣ тою передовою силой, которою считаетъ его г. Слонимскій и которою онъ несомѣнно долженъ быть при нормальномъ порядкѣ вещей, но все же нельзя не привѣтствовать то явленіе, что, выражая готовность слиться съ просвѣщеннымъ бюрократизмомъ, русскіе либералы, устами одного изъ своихъ представителей и руководителей, отрекаются тѣмъ самымъ отъ тѣхъ отвлеченностей, которыя до сихъ поръ отрывали интеллигенцію отъ дѣятельной общественно-государственной работы, сходятъ съ заоблачныхъ доктринъ и принциповъ и твердыми ногами становятся на родную почву, примиряясь съ основными условіями роднаго быта. Какъ бы ни была эта почва истощена, безплодна, запущена, но для передовой русской интеллигенціи, къ какимъ бы направленіямъ она себя ни причисляла, нѣтъ и не можетъ быть иныхъ путей жизни, иной программы дѣятельности, какъ огромная вѣковая культурно-просвѣтительная работа, которая принадлежитъ ей по праву первородства мысли. Мирная просвѣтительная дѣятельность, устроительство родной земли, развитіе русскаго народа на тѣхъ началахъ, которыя заложены въ немъ его прошлою исторіею—вотъ законная историческая миссія любящихъ родину просвѣщенныхъ русскихъ людей; это неотъемлемое право интеллигенціи и въ то же время ея обязанность передъ народомъ, вскормившимъ ее своими трудами, своими страданіями, своей нищетой. Послѣднія десятилѣтія она уклонялась отъ исполненія этой исторической

повинности изъ-за отвлеченныхъ принциповъ, составляющихъ ея вѣру и не находившихъ никакого примѣненія въ окружающей русской жизни. Это отвлеченное доктринерство мѣшало ей исполнять ея культурную миссію бороться съ великими неустройствами и неурядицами русской земли, сводило ея общественную и государственную роль къ нулю, устраняло ее со всего поля жизни и дѣлало ее пассивнымъ зрителемъ и платоническою печальницею, и, прибавимъ отъ себя—попустительницею горя народнаго. Теперь въ самыхъ нѣдрахъ ея нарождается новое движеніе, она готова отречься отъ безплодныхъ отвлеченностей, примириться съ дѣйствительно существующими условіями и перейти отъ пассивныхъ воздыханій къ активной дѣятельности. Въ предстоящей ей культурной работѣ она не можетъ не пользоваться и могущественной вѣками сложившейся государственной организаціей—и въ этомъ смыслѣ даже можетъ быть чрезмѣрные комплименты признаннаго либерала Слонимскаго, по адресу передовой просвѣщенной бюрократіи, представляютъ собою проектъ моста черезъ исторически образовавшуюся пропасть. Какъ бы то ни было, но въ сознаніи только культурной, организаціонной и просвѣтительной роли интеллигенціи, мнѣ кажется, могли бы объединиться теперь всѣ передовыя партіи и направленія и если начало этого единенія было положено нашимъ поколѣніемъ, если первые призывы къ нему прозвучали въ минувшемъ году, то этотъ годъ не прошелъ безслѣдно и мы не промелькнемъ въ исторіи „толпою жалкою и скоро позабытой, не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда“. Хотя геніевъ въ истекшемъ году не объявлялось, но мысль „плодовитая“ дана; и если мы искренно стремились къ истинѣ и благу и говорили правду по разумѣнію, не боясь показаться отсталыми и недостаточно либеральными, и если наша примиренная мысль окажется болѣе реальной, и болѣе плодотворной во внутренней жизни народа, чѣмъ тотъ грандіозный кровавый фантомъ, который поглотилъ лучшія идеальнѣйшія силы предшествовавшаго поколѣнія, то ужъ одного этого достаточно для того, чтобы нашъ потомокъ „съ строгостью судьи и гражданина не оскорбилъ нашъ прахъ язвительнымъ стихомъ, насмѣшкой горькою обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ“...

И. Залетный.

Громадный успѣхъ, который встрѣтилъ нашъ новый ежемѣсячный литературный журналъ, превзошелъ скромныя ожиданія редакціи. Первыя три книги журнала «Домашняя Библіотека», были отпечатаны вторымъ изданіемъ, въ настоящее время подписка на журналъ за 1895 г., не принимается, такъ какъ всѣ книги журнала за этотъ годъ израсходованы.

Встрѣтивъ со стороны читателей какъ матеріальную поддержку, такъ и выраженіе сочувствія въ многочисленныхъ письмахъ, мы не остановимся въ дальнѣйшихъ расходахъ, чтобы поставить журналъ въ рядъ лучшихъ и полезныхъ изданій. Съ этою цѣлью мы пригласили къ участію въ нашемъ изданіи извѣстныхъ писателей и журналистовъ, новыя литературныя произведенія которыхъ начнутся печатаніемъ съ первыхъ же книжекъ журнала.

Болѣе, чѣмъ скромная подписная цѣна, назначенная нами за двѣнадцать книгъ «Домашней Библіотеки», при томъ обиліи помѣщаемаго въ нихъ разнообразнаго новаго литературнаго матеріала и изящной внѣшности, доказываетъ, что мы отказались на первое время отъ выгодъ, стремясь поставить новое дѣло на прочную почву.

Для книгъ ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ пріобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія, въ числѣ которыхъ находятся романы и повѣсти извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей:

1) Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ).—«Купленная душа», романъ. 2) Ясинскій І. І. («Максимъ Бѣлинскій»)—«Загадочныя отношенія», романъ. 3) Волконскій, М. Н. князь (бывшій редакторъ «Нивы»).—«Дуэль», романъ. 4) Тихоновъ, В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера»).—«Злыя шутки», романъ. 5) Яковлева, З. Ю. — «Больная душа», пов. 6) Назарьева, К. В.—«Выморочныя души», ром. 7) Рышковъ, В. А. — «Жалкіе люди», романъ. 8) Красновъ, П. Н.—«Атаманъ Платовъ», историческій романъ. 9) Сафоновъ, С. А. «Послѣ вѣнца», романъ. 10) Кази-Бекъ, Юрій.—Повѣсти и разсказы изъ жизни черкесовъ. 11) Черновъ, П. Н.—«Между двухъ огней», ром. 12) Мережковскій, Д. С.—«Египетскіе отшельники», историческій романъ. 13) Чеховъ, Ал. П.—(«Сѣдой»)—«Контрабандисты», повѣсть. 14) Меньшиковъ, Н. «Превратности судьбы». 15) Соколовъ, А. А.— «Разоренные», романъ изъ крѣпостного времени. 16) Александровъ, А. А.—«Мертвый узелъ». большой уголовный романъ. 17) Аѳанасьевъ, Д. М. «Въ оковахъ тайны». 18) Ромеръ, Ѳ. Ѳ.—«Миражи чувства», ром. 19) Ѳедоровъ, А. М.—«Степь», романъ. 20) Пановъ, Н. В.—«Падучія звѣзды», ром. 21) Тангіева, Е. А., княгиня.—«Братья», пов. 22) Леманъ, А. Н.—«Подвигъ», романъ. 23) Максимовъ, А. К.—«Искупленіе», ром. 24) Ширяевъ, Н. Л.—«Демонологія» и проч.

Въ приложеніяхъ журнала «ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА» будетъ, между прочимъ, напечатанъ новый большой романъ Жюля Верна.

Произведенія иностранныхъ писателей мы не перечисляемъ, такъ какъ все новое и интересное, появившееся во французской, нѣмецкой, англійской, итальянской, испанской, датской, шведской, польской и славянской литературѣ, будетъ помѣщаться одновременно съ появленіемъ таковыхъ заграницею.

Подписная цѣна на «ДОМАШНЮЮ БИБЛІОТЕКУ» (съ доставкою по Имперіи).

На годъ (за 12 книгъ) ЧЕТЫРЕ р. На полгода (за 6 книгъ) ДВА р. 50 к.

... просятъ обращаться въ главную контору: С.-Петербургъ, Невскій прос., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Съ Сентября мѣсяца 1895 года издается въ С.-Петербургѣ.

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ.

Журналъ будетъ выходить одинъ разъ въ мѣсяцъ, въ объемѣ $1^1/_2$—2 печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ, утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ:

Календарныя свѣдѣнія.—Религіозно-нравственный отдѣлъ: Разсказы изъ исторіи церкви. Житія святыхъ. Жизнеописанія церковно-историческихъ дѣятелей. Описаніе монастырей, святынь и достопримѣчательностей. Сказанія и легенды.—Историческій и литературный отдѣлъ: Разсказы изъ исторіи. Біографіи. Историко-литературные очерки. Повѣсти, разсказы и стихотворенія, оригинальные и переводные. Замѣчательные случаи изъ жизни историческихъ дѣятелей и частныхъ лицъ. Анекдоты. Естественно-научный отдѣлъ.—Хозяйственный отдѣлъ: Полеводство. Огородничество. Садоводство. Скотоводство. Птицеводство. Пчеловодство. Домоводство.—Охота.—Кулинарный отдѣлъ.—Домашняя медицина.—Гигіена.—Библіографія и музыкальныя замѣтки.—Переписка съ читателями.—Частныя объявленія.—Рисунки, чертежи и портреты.

«Журналъ для всѣхъ» ставитъ себѣ задачею съ одной стороны—дать занимательное чтеніе, которое въ то-же время могло бы имѣть воспитательное и образовательное значеніе, съ другой—сообщить возможно больше практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для созданія у насъ лучшихъ способовъ домоводства и сельскаго хозяйства въ разныхъ его отрасляхъ.

Желая сдѣлать настоящее изданіе доступнымъ для всякаго, мы назначили за него самую умѣренную цѣну *ОДИНЪ РУБЛЬ* въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка открыта и принимается въ С.-Петербургѣ: «Пушкинская скоропечатня» И. В. Цвѣткова, Пушкинская, д. 5 (третій домъ отъ Невскаго). Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ редакцію журнала: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. 82.

Редакторъ-издатель Геникъ.

Открыта подписка на 1896 годъ (третій годъ изданія) на единственный популярный семейный журналъ сохраненія здоровья и самопомощи въ болѣзняхъ

„БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!“

Д-ра И. И. ЗАРУБИНА.

С.-Петербургъ, Садовая, № 60.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 5 руб.

Содержаніе и программа журнала остаются прежнія. Выпуски 2 раза въ мѣсяцъ. Рисунки. Приложенія. Много популярныхъ статей по всѣмъ отдѣламъ гигіены и медицины. Леченіе безъ помощи врача. Домашнее приготовленіе лекарствъ.

БЕЗПЛАТНО: Совѣты каждому подписчику въ случаѣ заболѣванія, письменно и устно. Рецепты. Указанія надлежащаго метода леченія. Всевозможныя справки для больныхъ. Высылка лекарствъ (наложеннымъ платежемъ).

Журналъ «Будьте Здоровы!» замѣняетъ въ семьѣ врача и необходимъ каждому, кто дорожитъ своимъ здоровьемъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1896 году

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностью Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы, преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроники заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1896 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 р. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. ИКОННИКОВЪ.

Доз. Цензурою СПБ., 15 января 1896 г.

Печ. Е. Евдокимова, Троицкая ул., 18.

Приложеніе. „**БЛАГОВѢСТЪ**". Январь 1896 г.
